

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ



AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-01-2026

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел. +7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-01-2026

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov.Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушkinsкая ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзнуэз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Рерихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус

ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmмос@rambler.ru

Чернядзева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор , 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» , Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov.Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет, Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, - , novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmms@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел

Российской Федерации , профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGU), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetananarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Boyarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenska str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universität Bremen, Universitätallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland)) Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmms@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.

chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,

aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhonovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.



Содержание

Лапина М.А. От концепции финансовой безопасности И.И. Кучерова к современной парадигме финансового суверенитета государства: управление рисками как ключевой элемент	1
Куделькин Н.С. Традиционное природопользование и охрана окружающей среды Севера (Часть 2)	10
Сергиенко С.Ю. Трансформация правового понимания туристского продукта: от унификации к дифференцированному регулированию	21
Голомидов Я.В. Место публичных закупок в финансовом праве	32
Блещик А.В. Правовая экспертиза нормативных актов в обеспечении конституционно-правовой коммуникации	46
Арзуманян А.Э. Применение систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности прокурора: преимущества и недостатки	56
Черешнева И.А. Трансформация права на информационное самоопределение в эпоху развития искусственного интеллекта и других цифровых технологий: вызовы и перспективы	72
Плешанов А.Г. Сфера действия как критерий классификации принципов цивилистического процессуального права	83
Жужлов И.С. Возможности применения искусственного интеллекта в предупреждении преступлений	102
Алхаева Т.Х. Историческая обусловленность нормы об обоснованном риске в уголовном законодательстве России	120
Асадов Р.Б. Юрислингвистическая конвергенция в анализе манипулятивных речевых стратегий лжецелителей: суггестивный потенциал и правовые риски	129
Выймов И.В. Правовое регулирование ограничений размера гонорара успеха как способа определения стоимости юридических услуг	144
Сулейманов А.А. История развития риска в цивилистическом процессе (от древней Руси до советского периода)	161
Англоязычные метаданные	179

Contents

Lapina M.A. From the concept of financial security by I.I. Kuchеров to the modern paradigm of the financial sovereignty of the state: risk management as a key element	1
Kudelkin N.S. Traditional Nature Management and Environmental Protection of the North (Part 2)	10
Sergienko S.Y. Transformation of the legal understanding of the tourist product: from unification to differentiated regulation	21
Golomidov Y.V. The role of public procurement in financial law	32
Bleshchik A.V. Legal expertise of regulatory acts in ensuring constitutional-legal communication	46
Arzumanyan A.E. The use of artificial intelligence systems in the criminal procedure activities of the prosecutor: advantages and disadvantages	56
Chereshneva I.A. The transformation of the right to informational self-determination in the era of artificial intelligence and other digital technologies: challenges and prospects	72
Pleshanov A.G. Scope of application as a criterion for classifying the principles of civil procedural law	83
Zhuzhlov I. The use of artificial intelligence in crime prevention through forensic means	102
Alhaeva T.H. The historical rationale for the norm of justified risk in the criminal legislation of Russia	120
Asadov R.B. Jurilinguistic convergence in the analysis of manipulative speech strategies of pseudo-healers: suggestive potential and legal risks	129
Vyimow I.V. Legal regulation of restrictions on the amount of success fees as a method of determining the cost of legal services	144
Suleimanov A.A. The history of risk development in the civil process (from ancient Rus to the Soviet period)	161
Metadata in english	179

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Лапина М.А. От концепции финансовой безопасности И.И. Кучерова к современной парадигме финансового суверенитета государства: управление рисками как ключевой элемент // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.76496 EDN: ODUQAA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76496

От концепции финансовой безопасности И.И. Кучерова к современной парадигме финансового суверенитета государства: управление рисками как ключевой элемент

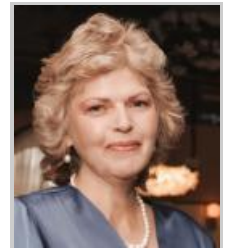
Лапина Марина Афанасьевна

доктор юридических наук

профессор; кафедра международного и публичного права; Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации

105187, Россия, г. Москва, ул. Щербаковская, 38

✉ LapinaMarina@inbox.ru



[Статья из рубрики "Финансовое и налоговое право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.76496

EDN:

ODUQAA

Дата направления статьи в редакцию:

28-10-2025

Дата публикации:

10-12-2025

Аннотация: Раскрыты эволюция доктринальных основ защиты национальных финансовых интересов в контексте современных геэкономических вызовов. Предметом исследования является трансформация концепции финансовой безопасности, разработанной профессором И.И. Кучеровым, в современную парадигму финансового суверенитета, а также ключевая роль управления рисками как системообразующего элемента, обеспечивающего эту трансформацию. Объектом исследования выступает сфера финансовой безопасности и финансового суверенитета государства как взаимосвязанные и последовательно развивающиеся парадигмы. В работе через призму анализа научных работ И.И. Кучерова, в частности его концепции рисков финансовой

безопасности, исследуется процесс смены акцентов от защитной модели, нацеленной на нейтрализацию угроз, к суверенной, утверждающей независимость финансовой системы. Доказывается, что управление рисками выполняет функцию связующего звена и трансформационного механизма между этими двумя моделями. Методы и методология включает: компаративный анализ для сопоставления концепций финансовой безопасности и финансового суверенитета, системный анализ для изучения финансовой безопасности как комплексного явления, структурно-функциональный метод для анализа взаимосвязей между элементами финансовой безопасности и финансового суверенитета, формально-юридический метод для анализа нормативных правовых актов, регулирующих финансовую безопасность. Впервые проанализирована эволюция научных взглядов И.И. Кучерова на риски финансовой безопасности в контексте их трансформации в риски финансового суверенитета. Обоснован переход от парадигмы защиты к парадигме суверенитета, где управление рисками становится ключевым системообразующим элементом. Управление рисками служит связующим звеном между моделями, трансформируя идентифицированные угрозы (например, риск отключения от SWIFT) в стимул для создания суверенных инструментов (национальные платежная система и система передачи финансовых сообщений). Сформулирован и детализирован трехэтапный алгоритм суверенного управления рисками, включающий прогностическую оценку, создание суверенных механизмов нейтрализации и суверенное правовое регулирование. В научный оборот вводится авторская концепция суверенной риск-модели, адаптированной к современным геоэкономическим реалиям. Практическая значимость заключается в том, что предложенный алгоритм представляет собой методологическую основу для разработки конкретных мер по укреплению финансового суверенитета России в условиях санкционного давления, а также может быть использован в процессе стратегического планирования и создания устойчивых национальных финансовых институтов.

Ключевые слова:

финансовая безопасность, финансовый суверенитет, управление рисками, И.И. Кучеров, теневая экономика, отмывание доходов, стратегическое планирование, суверенные финансовые институты, правовое регулирование, национальная платежная система

Данная статья была подготовлена для участия в научной конференции, посвященной юбилею доктора юридических наук, профессору, Заслуженному юристу Российской Федерации И.И. Кучерову, которая проходила 10 октября 2025 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в Москве.

Цель статьи — на основе анализа научных публикаций И.И. Кучерова [\[1-5\]](#) и в первую очередь научной статьи «Риски финансовой безопасности, их негативные последствия» [\[6\]](#), показать, что эффективное управление рисками является тем ключевым механизмом, который трансформирует задачу обеспечения безопасности в практику утверждения финансового суверенитета.

Современная геоэкономическая реальность, характеризующаяся санкционным давлением, использованием финансовых механизмов в качестве инструмента политики, демонстрирует насущную необходимость перехода от классической парадигмы финансовой безопасности к парадигме финансового суверенитета. Этот переход

предполагает не просто защиту, а активное утверждение способности государства к независимому финансовому развитию. Научное предвидение профессора И.И. Кучерова, и в частности его глубокая разработка категории рисков финансовой безопасности, предоставляет исключительно ценный теоретико-методологический инструментарий для осмысления этого перехода.

В своей фундаментальной работе «Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение» И.И. Кучеров определяет финансовую безопасность как «состояние защищенности финансовой системы Российской Федерации, основанное на финансовой устойчивости государства, которое позволяет осуществлять непрерывное и достаточное финансовое обеспечение всех его полномочий и функций посредством формирования публичных фондов денежных средств, включая золотовалютные резервы» [2, с. 70]. При этом ученый подчеркивает комплексный характер данной категории, указывая, что ее обеспечение требует выявления компонентов, включая объекты, риски, угрозы, субъекты и комплекс мероприятий, и предполагает «задействование всего арсенала правовых средств, необходимых для нейтрализации рисков и угроз в финансовой сфере» [2, с. 69].

Научные разработки по теории рисков в публичном праве, в системе публичного управления начались относительно недавно. Общеметодологические основы для отраслевых исследований, подобных концепции финансовой безопасности И.И. Кучерова, заложены в теории управления рисками в сфере публичного права [7; 8]. К числу фундаментальных работ в этой области относятся исследования Ю.А. Тихомирова, который в 2012 году обосновал необходимость отнесения института риска к общей теории права [9].

Так, в статье «Риск-ориентированное публичное управление» (2015) авторы дают системное определение риску в публичном управлении, понимая его как феномен, характеризующийся неопределенностью исхода управленческих воздействий и вероятностью наступления существенных негативных последствий. В статье подчеркивается, что риски публичного управления носят комплексный характер и оказывают потенциальное воздействие на все общество и систему управления в целом. В работе проводится сравнительный анализ нормативно-правового закрепления риск-ориентированного подхода в России, Казахстане и Франции, что позволяет говорить о формировании данной парадигмы как ключевого элемента современного государственного управления [10, с. 81-86]. Более ранняя работа «Теоретико-правовые аспекты управления рисками» (2014) развивает эти идеи, фокусируясь на правовых рисках. В указанной работе обосновывается необходимость формирования отдельного института рисков в публичном праве, предлагает оригинальное определение «публично-правового» риска, куда входит и финансово-правовой риск, а также детализированный алгоритм управления риском, охватывающий стадии выявления, анализа, оценки и минимизации. Важной составляющей является использование правовых средств минимизации рисков на стадиях правотворчества и правоприменения, включая экспертизу, мониторинг и правовой эксперимент [11, с. 35-44]. В упомянутых работах сформирована общая правовая и управленческая парадигма, обоснована сама необходимость проактивного, риск-ориентированного подхода в деятельности государства. Это позволяет рассматривать управление рисками финансовой безопасности не как изолированную задачу, а как интегральный элемент риск-ориентированной модели публичного управления в целом.

Исследования теории рисков в сфере публичного права соотносятся с научными

разработками в области финансовой безопасности И.И. Кучерова. Концепция И.И. Кучерова предоставляет конкретный инструментарий для работы с рисками в финансовой сфере.

В своей статье И.И. Кучеров предлагает фундаментальное для правовой науки понимание риска, предлагая концепцию риска финансовой безопасности как прогностическую основу управления [\[6, с. 507-510\]](#). Он определяет его не как нечто абстрактное, а как «продукт прогностической оценки вероятности возникновения неких обстоятельств... которые могут иметь своим результатом те или иные негативные последствия».

Подчеркивая прогностическую природу риска, И.И. Кучеров характеризует его как «вызов будущего», акцентируя, что управление финансовой безопасностью — это, в первую очередь, «деятельность по прогнозированию и упреждающему реагированию» [\[6, с. 507\]](#). Он настаивает на том, что «прогностическая состоятельность рассматриваемого прогноза является залогом успешной нейтрализации рисков», а ошибки в прогнозах могут привести как к генерации ложных сигналов, так и к выпадению реальных угроз из поля зрения [\[6, с. 507\]](#). Данная методологическая установка закладывает основу для проактивной, а не реактивной модели государственного управления в финансовой сфере.

Анализируемое определение содержит несколько принципиально важных тезисов:

Прогностический характер. Риск — это «вызов будущего». Следовательно, управление финансовой безопасностью — это, в первую очередь, деятельность по прогнозированию и упреждающему реагированию.

Вероятностная природа. Профессор И.И. Кучеров подчеркивает, что работа с динамической, вероятностной категорией является сложной научной и управленческой задачей. Это требует от государства развитого аналитического и экспертного аппарата.

Правовая идентификация. Ученый настаивает на необходимости классификации и правовой идентификации рисков, возникающих в бюджетно-налоговой, кредитно-банковской, денежно-валютной и иных сферах.

Таким образом, И.И. Кучеров закладывает основу для проактивной модели финансовой безопасности, где главный акцент смещается с ликвидации последствий на предупреждение угроз.

Вторым важным направлением теории рисков финансовой безопасности И.И. Кучерова является ее институциональный аспект: от прогнозирования рисков к стратегическому планированию.

Важнейший вывод из статьи заключается в том, что идентификация рисков — это не абстрактная научная деятельность, а легитимная функция государственных органов в рамках системы стратегического планирования. Кучеров прямо указывает на Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и определяет круг ключевых субъектов, ответственных за эту работу: Правительство РФ, Совет Безопасности, Счетная палата РФ и, что особенно важно, Центральный банк РФ.

Например, он цитирует положения федерального закона о Банке России, где целью регулирования является «эффективное управление рисками, возникающими на финансовых рынках, в том числе оперативное выявление и противодействие кризисным

ситуациям». Это показывает, что теория И.И. Кучерова тесно увязана с практикой государственного управления.

Ученый также отмечает, что результаты оценки рисков должны находить отражение в документах стратегического планирования, таких как Стратегия национальной безопасности и Стратегия экономической безопасности, где уже обозначены риски, носящие «привнесенный извне характер».

Исследуя эволюцию рисков финансовой безопасности от внутренних угроз к прямому суверенному вызову, И.И. Кучеров уже предвидел их усложнение. Он, в частности, указывал на риск отключения от системы SWIFT как на пример макрориска, «поставленного в зависимость от внешних злонамеренных действий».

Важный вклад в осмысление системных угроз финансовой безопасности России вносит статья Т.Я. Хабриевой «Правовые проблемы финансовой безопасности России». Автор, акцентируя внимание на угрозах иного порядка, нежели прямые санкционные вызовы, указывает на колоссальные масштабы теневой экономики, достигающие, по оценкам, 40% ВВП, и связанные с этим риски незаконного вывода капитала за рубеж. Т.Я. Хабриева подчеркивает, что проблема приобрела качественно новый характер: в теневой оборот вовлечены не только криминальные структуры, но и легальный бизнес, использующий изощренные схемы и современные технологии, включая криптовалюты. В качестве мер противодействия автор выделяет формирование правовых механизмов противодействия отмыванию доходов на национальном и международном уровне, акцентируя внимание на работе ФАТФ и развитии законодательства в рамках Закона № 115-ФЗ. Кроме того, в статье представлена масштабная Программа фундаментальных исследований Президиума РАН, посвященная данной проблематике. Проведенный анализ показывает, что если И.И. Кучеров предлагает общую методологию работы с рисками, то Т.Я. Хабриева концентрируется на одном из наиболее опасных их классов — рисках, порождаемых внутренней непрозрачностью финансовой системы и ее уязвимостью перед теневыми операциями [\[12, с. 49\]](#).

Сегодня мы наблюдаем, как прогнозируемые риски финансовой безопасности стали реальностью, а их характер качественно изменился:

риск неуплаты налогов (внутренний) дополнился риском целенаправленного подрыва налоговой базы страны через санкции (внешний суверенный вызов);

риск колебания валютного курса трансформировался в риск целенаправленной атаки на курс национальной валюты и заморозки золотовалютных резервов;

риск хищения денежных средств сменился риском их прямого изъятия (конфискации) юрисдикциями других государств.

Это означает, что риски, которые И.И. Кучеров идентифицировал как угрозы безопасности, сегодня стали инструментом прямого посягательства на суверенитет. Следовательно, нейтрализация этих рисков требует уже не просто мер контроля, а суверенных правовых и экономических решений.

Таким образом, управление рисками выполняет роль связующего звена и трансформационного механизма между парадигмами финансовой безопасности и финансового суверенитета. Если в рамках первой модели риски (например, риск неуплаты налогов или колебания валютного курса) лишь идентифицировались и нейтрализовались в рамках существующей системы, то в парадигме суверенитета они

становятся катализатором для ее качественного преобразования. Ярким примером является эволюция риска использования международных финансовых коммуникаций. Изначально идентифицированный И.И. Кучеровым как макрориск «отключения от системы SWIFT», в новой парадигме он был не просто учтен, а послужил прямым стимулом для создания суверенных механизмов нейтрализации — Национальной системы платежных карт «Мир» и Системы передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС). Этот кейс наглядно демонстрирует, как управление рисками трансформирует задачу защиты от угрозы в практику утверждения финансовой независимости, обеспечивая тем самым переход от одной парадигмы к другой.

Непосредственную взаимосвязь категорий финансовой безопасности и финансового суверенитета обосновывает в своей работе Н.А. Саттарова, указывая, что «независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики предполагает наличие в государственной казне достаточных бюджетных средств», а мобилизация этих средств, в свою очередь, «напрямую зависят от защищенности бюджетной, налоговой, денежной систем и достигаются мерами финансовой безопасности». Исследователь делает вывод, что «финансовая безопасность... — гарантия обеспечения финансового суверенитета» [\[13, с. 15\]](#). Таким образом, финансовая безопасность выступает фундаментом, без которого невозможно достижение и сохранение подлинного финансового суверенитета.

В настоящее время управление рисками финансовой безопасности по сути является ядром финансового суверенитета. К сожалению, современные авторы не всегда комплексно и системно рассматривают риски финансового суверенитета, учитывая только некоторые направления. К примеру, в статье Е.П. Албитовой упоминаются лишь антикоррупционные риски в расходных обязательствах бюджетно-финансового суверенитета страны [\[14, с. 20\]](#).

Проведенный анализ концепции И.И. Кучерова позволяет экстраполировать его теоретические положения на современные условия и сформулировать следующий алгоритм суверенного управления рисками, логически вытекающий из его учения о рисках финансовой безопасности:

1. Суверенная прогностическая оценка.

Государство должно обладать собственными, независимыми от зарубежных центров влияния, способностями к прогнозированию финансовых рисков. Развитие национальной аналитической науки в этой сфере становится вопросом национальной безопасности. Реализация этого принципа напрямую соотносится с идеей И.И. Кучерова о «прогностической состоятельности» как залоге успешной нейтрализации рисков.

2. Создание суверенных механизмов нейтрализации.

Выявленные риски требуют создания собственных, контролируемых государством финансовых институтов и инфраструктур. Яркие примеры — Национальная система платежных карт (Мир) и Система передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС), которые являются прямым ответом на риски, предвиденные И.И. Кучеровым, и материализацией финансового суверенитета на практике.

3. Суверенное правовое регулирование .

Развитие финансового права должно быть направлено на создание правовых барьеров для реализации внешних суверенных угроз. Это включает законодательство о

противодействию экстерриториальному применению иностранного права, о специальных административных и налоговых режимах, а также усилении мер по противодействию теневой экономике и отмыванию доходов, на что, в частности, указывала Т.Я. Хабриева [12, с. 49].

Выводы

Концепция рисков финансовой безопасности, разработанная И.И. Кучеровым, оказалась не только рабочей, но и прогностической. Его подход к риску как к правовой категории, требующей прогнозирования и системного управления в финансовой сфере, доказал свою высочайшую актуальность.

Современные вызовы показали, что классическая модель финансовой безопасности, направленная на защиту от угроз, эволюционирует в модель финансового суверенитета, нацеленную на обеспечение независимости и самостоятельности финансовой системы.

Управление рисками, понимаемое в трактовке И.И. Кучерова, является тем самым связующим звеном и трансформационным механизмом между этими двумя парадигмами. Способность государства к суверенной идентификации, оценке и нейтрализации рисков становится ключевым критерием его финансового суверенитета. Предложенный алгоритм суверенного управления рисками представляет собой практическую реализацию и развитие идей И.И. Кучерова в новых геоэкономических условиях.

Таким образом, научное предвидение профессора И.И. Кучерова служит надежным фундаментом для построения современной доктрины финансового суверенитета Российской Федерации.

Библиография

1. Поветкина Н.А., Кучеров И.И., Акопян О.А. и др. Институты финансовой безопасности. М.: Инфра-М, 2017. 246 с. EDN: XNFLHN.
2. Кучеров И.И. Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 69-79. DOI: 10.12737/article_59240612ba2095.47147610 EDN: YPLVRL.
3. Кучеров И.И. Система валютно-денежного обращения как объект финансовой безопасности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 8 (36). С. 147-153. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.36.8.147-153 EDN: ZHMZPP.
4. Поветкина Н.А., Кучеров И.И., Боженко С.Я. и др. Правовые средства обеспечения финансовой безопасности. М.: Инфра-М, 2019. 240 с. EDN: ZDJSLI.
5. Акопян О.А., Боженко С.Я., Веремеева О.В. и др.; отв. ред. Кучеров И.И., Поветкина Н.А. Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2018. 304 с.
6. Кучеров И.И. Риски финансовой безопасности, их негативные последствия // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 507-510. EDN: YZOSPB.
7. Авдийский В.И., Лапина М.А. (ред.). Правовые риски в системе публичного управления: Коллективная монография. М.: ОТ и ДО, 2014. 248 с.
8. Тихомиров Ю.А., Лапина М.А. (ред.). Риск в сфере публичного и частного права: коллективная монография. М.: ОТ и ДО, 2014. 310 с.
9. Тихомиров Ю.А. Правовые риски // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 87-95. EDN: OYJXCR.
10. Понкин И.В., Лапина М.А. Риск-ориентированное публичное управление // Университет КАЗГЮУ. Право и государство. 2015. № 3. С. 81-86.

11. Лапина М.А. Теоретико-правовые аспекты управления рисками // Государство и право. 2015. № 2. С. 35-44. EDN: TMGFST.
12. Хабриева Т.Я. Правовые проблемы финансовой безопасности России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 10. С. 48-54. EDN: WMQOKF.
13. Саттарова Н.А. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет государства: вопросы взаимосвязи // Финансовое право. 2023. № 11. С. 15-17. DOI: 10.18572/1813-1220-2023-11-15-17 EDN: MOWVAX.
14. Албитова Е.П. Механизм государственно-правового регулирования финансового суверенитета и его составляющие // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 5. С. 17-21. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-5-17-21 EDN: NTCXDY.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования достаточно уникален и современен. Действительно нужно изучать труды современных ученых правоведов. Отрасль финансового права хотя и является дискуссионной, но ее существование подтверждается исследованиями, о которых речь идет в научной статье и трудах известного ученого-правоведа - первого заместителя директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Ильи Ильича Кучерова.

Методология исследования. В целом в статье приведена стандартная методология исследования, направленная на систематизацию и обобщение сформированной научной концепции в области финансового права. Автор обстоятельно деликатно повествует о предложенного известным ученым-правоведом И.И. Кучеровым

Актуальность. На наш взгляд статья является актуальной и новой, представляющей интерес для читателя. Российская юридическая наука обязана И. И. Кучерову значительным развитием в таких фундаментальных областях, как финансовое, налоговое, международное налоговое, налоговое право зарубежных стран, валютное право и право денежного обращения. Его монографии и учебники по этим направлениям, отличающиеся глубиной проработки, стали авторитетными источниками и классическими трудами в отечественной юриспруденции.

Научная новизна. Несомненно статья содержит научную новизну, так как описывает исследования известного ученого первого заместителя директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Ильи Ильича Кучерова. Проведенный анализ научных работ Ильи Ильича может быть полезен и другим автором при проведении дальнейших исследований в области финансового права.

Стиль, структура, содержание соответствуют требованиям рецензируемых журналов, входящих в перечень, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Библиография опирается на работы известного ученого-правоведа - первого заместителя директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора,

заслуженного юриста Российской Федерации Ильи Ильича Кучерова. И в данном случае это правильный подход, поскольку статья посвящена научным изысканиям И.И. Кучерова.

Апелляция к оппонентам в статье отсутствует. В основном это отсылка к работам, который развивали взгляды И.И. Кучерова. В целом такой подход примем и целесообразен исходя из концепции научной статьи.

Выводы, интерес читательской аудитории. Полагаем, что предложенная автором статья будет пользоваться научным интересом у читателей, поскольку содержит обобщение и развитие концепции известного ученого-правоведа И.И. Кучерова. В связи с изложенным, основываясь на вышеприведенных выводах, целесообразным является рассмотреть публикацию настоящей научной статьи в журнале Юридические исследования.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Куделькин Н.С. Традиционное природопользование и охрана окружающей среды Севера (Часть 2) //

Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.76738 EDN: NMWQQL URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76738

Традиционное природопользование и охрана окружающей среды Севера (Часть 2)

Куделькин Николай Сергеевич

кандидат юридических наук

Ведущий научный сотрудник; Сектор экологического, земельного и аграрного права ИГП РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ nkkix@inbox.ru



[Статья из рубрики "Экологическое и земельное право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.76738

EDN:

NMWQQL

Дата направления статьи в редакцию:

12-11-2025

Дата публикации:

11-12-2025

Аннотация: Предмет работы составляют правовые нормы, посвященные коренным малочисленным народам и традиционному природопользованию. Целью работы является формулирование на основе анализа федерального и регионального законодательства, а также информации и данных, касающихся коренных малочисленных народов, традиционного природопользования и состояния окружающей среды, выводов и предложений, направленных на совершенствование правового регулирования в данной сфере. В процессе выполнения исследования применялись общенаучные, частные и специальные методы. Такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, формально-юридический и другие. Об актуальности темы исследования говорит то, что для сохранения традиционного природопользования коренных малочисленных народов, а соответственно и их самобытной культуры необходимо не только совершенствование

законодательства о коренных малочисленных народах, но и принятие мер, в том числе правового характера, направленных на охрану окружающей среды в местах осуществления традиционного природопользования. В работе сделан ряд выводов и предложений. Так, для повышения уровня защиты прав и интересов коренных малочисленных народов и охраны окружающей среды на территориях традиционного природопользования (ТТП) предлагается в Федеральном законе от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» более подробно прописать режим таких территорий, в частности указать, какие виды хозяйственной деятельности могут на них осуществляться. Кроме этого, в названом выше Законе следует указать, какие функциональные зоны обязательны к выделению в границах ТТП. Ввиду того, что ТТП могут располагаться на территориях с разными природными характеристиками, а также в зависимости от основного вида осуществляемого традиционного природопользования, представляется логичным подразделение ТТП на категории с разной строгостью режима охраны. Вместе с тем с точки зрения обеспечения права на традиционное природопользование и охраны окружающей среды крайне эффективным видится установление в законодательстве приоритета осуществления традиционного природопользования перед другими видами хозяйственной деятельности. В первую очередь это касается таких видов традиционного природопользования, как оленеводство и коневодство, которые требуют для своего осуществления больших территорий.

Ключевые слова:

рациональное природопользование, Арктика, Север, традиционное природопользование, коренные малочисленные народы, охрана окружающей среды, глобальное потепление, оленеводство, коневодство, охота

Введение. Из приведенного в первой части статьи [\[1\]](#) материала видно, что для сохранения традиционного природопользования коренных малочисленных народов, а соответственно и их самобытной культуры необходимо принятие мер, в том числе и правового характера, направленных на охрану окружающей среды в местах осуществления такого вида природопользования. Как справедливо пишет А.К. Доронина, защита традиционного уклада жизни коренного населения Арктики без первоначальной защиты окружающей среды невозможна [\[2, с. 122-123\]](#). И эта задача становится все более актуальной ввиду ускоряющихся темпов промышленного освоения Севера России. Как справедливо пишут в научной литературе, на современном этапе развития общества сохранившиеся территории, занятые малочисленными этносами, стремительно сокращаются, а вместе с этим постепенно утрачивает свою этническую идентичность и населяющий их народ. По этой причине во всем мире пытаются сохранить самобытность исчезающих малочисленных народов вместе с вмещающим и кормящим его ландшафтом [\[3, с. 60\]](#). На первый взгляд, из приведенного выше тезиса следует, что сохранение коренных малочисленных народов невозможно без сохранения окружающей среды в местах их проживания и природопользования, но из данного высказывания также можно сделать вывод и о том, что коренные народы и их хозяйственная деятельность обеспечивает сохранение окружающей природы в современном мире. Главным образом, по причине того, что представители коренных малочисленных народов заинтересованы в сохранении окружающей среды и поэтому должны осуществлять исключительно

неистощительное природопользование, поскольку в противном случае они будут лишены условий для существования и утратят свою этническую и культурную уникальность, так как не смогут вести свой традиционный образ жизни. Здесь уместно привести мнение Л.Н. Гумилева, который писал, что для поддержания этноландшафтного равновесия необходимо, чтобы потомки повторяли деяния предков, хотя бы по отношению к окружающей их природе [\[4\]](#). Как говорилось в первой части данной статьи [\[1\]](#), наблюдаемое промышленное освоение северных территорий в большинстве случаев негативно сказывается на состоянии природы региона, нарушает ландшафты, разрушает экосистемы, приводя к потере равновесия между использованием природных ресурсов и восстановлением окружающей среды, которое существовало на протяжении многих лет, когда господствующим видом природопользования в этих краях было традиционное природопользование. Так, А.А. Транин в своей монографии 2010 г. справедливо обращал внимание на то, что промышленная экспансия входит в противоречие с интересами коренных малочисленных народов. В связи с интенсивным хозяйственным использованием природных ресурсов создание необходимых условий для сохранения и жизнеобеспечения этих народов становится одной из важнейших задач [\[5, с. 72\]](#). П.П. Баттахов в работе, посвященной реализации прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, пишет, что в современный период не наблюдается устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, населяющих АЗРФ. При этом состояние таких народов характеризуется отрицательной демографической динамикой [\[6, с. 92\]](#). Таким образом, в настоящее время проблема защиты прав коренных малочисленных народов и охраны окружающей среды в местах их проживания и (или) осуществления традиционного природопользования не только не утратила своего значения, а стала еще более острой.

Федеральное и региональное законодательство (продолжение). В данном контексте представляется логичным изучить статус территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее – ТТП) с точки зрения не только обеспечения традиционного природопользования, но и охраны окружающей среды.

Так, согласно ст. 1 Федерального закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (далее – Закон о ТТП) ТТП – это особо охраняемые территории, образованные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Следует обратить внимание на то, что в определении, содержащемся в первоначальной редакции Закона о ТТП, данные территории относились к особо охраняемым природным территориям (ООПТ), что подчеркивало их природоохранную функцию. Однако в ходе реформирования законодательства ТТП из ООПТ перешли в категорию особо охраняемых территорий, что несколько понизило их природоохранный потенциал. Из действующего определения ТТП следует, что они обладают специальным охранным статусом. Следует рассмотреть этот вопрос подробнее. Согласно ст. 4 Закона о ТТП основными его целями, а следовательно, и целями создания ТТП являются защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов, сохранение и развитие их самобытной культуры, а также сохранение на ТТП биологического разнообразия. Таким образом, ТТП призваны обеспечивать не только ведение традиционного природопользования, но и охрану окружающей среды. Однако сохранение биоразнообразия, которое является одной из основных современных проблем в сфере охраны окружающей среды [\[7\]](#), видится здесь в

первую очередь в качестве средства, направленного на обеспечение традиционного природопользования. Что, впрочем, не умаляет природоохранную функцию рассматриваемого Закона.

Согласно ст. 11 Закона о ТТП правовой режим таких территорий устанавливается положениями о них, которые утверждаются уполномоченным органом власти или местного самоуправления. Стоит отметить, что непосредственно в рассматриваемом Законе режим использования ТТП четко не определен. Также данной статьей предусмотрено, что земельные участки и другие обособленные природные объекты, находящиеся в пределах границ территорий традиционного природопользования, предоставляются лицам, относящимся к малочисленным народам, и их общинам в соответствии с законодательством РФ. Земли и земельные участки в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности могут также использоваться указанными лицами и общинами на основании разрешения органа государственной власти или органа местного самоуправления, выданного в установленном порядке. Следует обратить внимание на то, что в первоначальной редакции Закона о ТТП земельные участки и другие обособленные природные объекты, находящиеся в пределах границ ТТП, предоставлялись лицам, относящимся к малочисленным народам, и их общинам в безвозмездное пользование. В связи с этим интересно проанализировать ст. 12 Закона о ТТП. Так, согласно первоначальной редакции ст. 12 рассматриваемого Закона в случае изъятия земельных участков и других обособленных природных объектов, находящихся в пределах границ ТТП, для государственных или муниципальных нужд лицам, относящимся к малочисленным народам, и их общинам предоставлялись равноценные земельные участки и другие природные объекты, а также возмещались убытки, причиненные таким изъятием. Таким образом, данная норма была направлена на обеспечение права на традиционное природопользование и сохранение самобытной культуры малочисленных народов. Действующая же редакция ст. 12 Закона о ТТП устанавливает, что изъятие для государственных или муниципальных нужд земельных участков и других обособленных природных объектов, находящихся в пределах границ ТТП, осуществляется на общих основаниях, предусмотренных гражданским и земельным законодательством. При этом лицам, относящимся к малочисленным народам, и их общинам предоставляется возмещение за изъятые у них имущество. Здесь не совсем ясно, о каком имуществе идет речь, маловероятно, что, например, обширные оленьи пастбища могут принадлежать представителям малочисленных народов на правах частной собственности. Видится, что изначальная редакция рассматриваемой статьи предоставляла гораздо больше гарантий представителям малочисленных народов.

Статья 15 Закона о ТТП посвящена вопросам охраны окружающей среды. Согласно названной норме лица, относящиеся к малочисленным народам, и общины малочисленных народов наряду с органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления обеспечивают охрану окружающей среды в пределах границ ТТП. Исходя из смысла рассматриваемой статьи речь в ней идет не о праве, а об обязанности обеспечивать охрану окружающей среды. Положение данной статьи является обоснованным и логичным ввиду того, что представители коренных народов заинтересованы в охране окружающей среды в местах своего проживания и осуществления природопользования. Однако объем полномочий представителей коренных народов и (или) их общин в данной сфере Законом о ТТП не определен, так же неясно, какие природоохранные мероприятия должны или могут осуществлять данная категория граждан и их объединения.

В соответствии со ст. 13 Закона о ТТП пользование природными ресурсами, находящимися на таких территориях, может осуществляться гражданами и юридическими лицами для ведения предпринимательской деятельности, при этом указанная деятельность не должна нарушать правовой режим ТТП. Таким образом, уровень охраны окружающей среды на ТТП во многом зависит от качества положения о такой территории, в котором прописан ее режим. Например, в Республике Саха действует Положение о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов севера Республики Саха (Якутия), утвержденное постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 22 июня 2006 г. № 267 (*Якутия, № 119, 2006.*). Согласно Преамбуле названное выше Положение устанавливает порядок образования ТТП в Республике Саха, определяет правовой режим использования природных ресурсов в пределах таких территорий и направлено на решение экономических, социальных, экологических и демографических проблем в интересах обеспечения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов. Так, согласно п. 1.8 рассматриваемого Положения ведение хозяйственной деятельности на ТТП не должно ухудшать общее состояние окружающей природной среды. Данный пункт направлен на охрану окружающей среды и имеет большое значение с точки зрения соблюдения баланса интересов в сфере традиционного природопользования и промышленного освоения территорий и охраны природы. Однако в нем используется устаревший термин «окружающая природная среда», который больше не фигурирует в федеральном законодательстве. Корректно в данном случае будет использование термина «окружающая среда».

Согласно п. 4.8 рассматриваемого Положения использование земель и природных ресурсов в пределах ТТП для государственных, муниципальных и коммерческих нужд не субъектами традиционного природопользования допускается в случае, если это не нарушает правовой режим территорий традиционного природопользования. В соответствии с п. 6.3 хозяйственная деятельность в пределах ТТП, начатая до признания их таковыми, разрешается, если она не нарушает условий осуществления традиционного природопользования, и только при наличии положительных заключений государственной и общественной экологической и этнологической экспертиз.

Ввиду того, что большой массив нормативных правовых актов по рассматриваемой тематике содержится в региональном законодательстве, представляется логичным продолжить его рассмотрение на примере Республики Саха (Якутия), начав с этнологической экспертизы.

Данный вопрос регулируется Законом Республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2010 г. 820-З № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» (*Якутские ведомости, № 30, 2010*) (далее – Закон об этнологической экспертизе). Согласно ст. 3 Закона об этнологической экспертизе к задачам данной экспертизы среди прочего относится проведение экспертизы нормативных правовых актов и другой документации по осуществлению намечаемой и (или) реализуемой хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на ТТП; предупреждение возможных негативных последствий влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации в результате намечаемой и (или) реализуемой хозяйственной и иной деятельности на развитие этноса; подготовка заключения о влиянии изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-

культурной ситуации в результате хозяйственной и иной деятельности на развитие этноса. Следует обратить внимание, что согласно п. 6 ст. 1 Закона об этнологической экспертизе под хозяйственной и иной деятельностью понимается любая деятельность, способная оказать воздействие на исконную среду обитания малочисленных народов и социально-культурную ситуацию в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на ТТП. Таким образом, в Законе об этнологической экспертизе используется подход, согласно которому любой вид деятельности может оказывать влияние на коренные народы. Однако рассматриваемым Законом предусмотрен перечень исключений. Так, согласно п. 6 ст. 1 названного Закона к такой деятельности не будут относиться геологическое изучение недр, строительство, реконструкция и капитальный ремонт объектов капитального строительства, линейных объектов, некапитальных строений, сооружений в пределах населенного пункта и др. Можно сделать вывод, что данные исключения, которые также могут оказывать негативное воздействие на исконную среду обитания коренных народов, сделаны для создания некоторого баланса между социальными, экономическими интересами и интересами коренных малочисленных народов.

Результатом проведения этнологической экспертизы является соответствующее заключение, которое согласно ч. 2 ст. 8 Закона об этнологической экспертизе может быть положительным либо отрицательным.

Согласно ч. 8 ст. 8 рассматриваемого Закона отрицательное заключение является основанием для запрета реализации объекта этнологической экспертизы.

Следует отметить, что этнологическая экспертиза регулярно проводится на территории Республики Саха, так, в 2012–2021 гг. этнологическая экспертиза было проведена в отношении 39 инвестиционных бизнес-проектов, из них 12 проектов по арктическим и северным районам [\[8, с. 60–61\]](#). Так, наибольшая сумма компенсаций в размере 218 992 802 руб. приходится на проект «Добыча россыпных алмазов в зоне деятельности горнодобычных участков р. Молодо в Булунском улусе в пределах лицензионной площадки ЯКУ 15887 КЭ», хозяйствующий субъект, являющийся плательщиком компенсационных выплат, – АО «Алмазы Анабара». Получателями компенсационных выплат являются МУП «Булунское», СПК «Алгыс», СПК «Байанай», СПК «Чекуровка» [\[8, с. 63–64\]](#).

Таким образом, этнологическая экспертиза является довольно действенным инструментом, направленным как на защиту прав коренных малочисленных народов, так и на возмещение вреда данной категории граждан. Кроме этого, ее можно рассматривать как средство охраны окружающей среды, поскольку она может послужить основанием для запрета реализации хозяйственной или иной деятельности. В связи с этим крайне желательным является обязательное проведение этнологической экспертизы на федеральном уровне.

Закон Республики Саха (Якутия) от 25 июня 1997 г. 3 № 179-I «О северном домашнем оленеводстве» (*Якутские ведомости*, 1997. 26 июля. № 25) (далее – Закон Якутии о северном оленеводстве) регулирует отношения в сфере государственной поддержки оленеводства, рационального природопользования, предоставления гарантий и компенсаций оленеводам (ст. 1). В ст. 2 Закона Якутии о северном оленеводстве раскрываются основные используемые в нем понятия, стоит обратить внимание на то, что при раскрытии термина «домашнее северное оленеводство» подчеркивается роль этой традиционной отрасли хозяйствования в сохранении уклада жизни, культуры, традиций

коренных малочисленных народов Якутия. Также крайне важным понятием с точки зрения сохранения окружающей среды Севера и обеспечения рационального природопользования является понятие «оленеемкость пастбищ», означающие количество голов оленей на один гектар пастбищ, которое можно содержать без нарушения кормового баланса, поскольку перевыпас оленей может привести к серьезным негативным последствиям для природы. Например, в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) осуществление оленеводства, интенсивность которого существенно превышало возможности природных систем, привело к деградации лишайниковых пастбищ, вызвало снижение фитомассы и численности диких животных, запустило процессы опустынивания территорий, а также, по мнению ученых, стало причиной вспышки сибирской язвы в Ямальском районе ЯНАО в 2016 г. [\[9\]](#).

Рассматриваемым Законом урегулированы основные вопросы, связанные с осуществлением оленеводства, такие как система и порядок содержания оленей, социальная защита лиц, занятых в оленеводстве, охрана оленьих пастбищ, права и обязанности пользователей оленьих пастбищ и др. Следует обратить внимание на то, что российское поголовье северного оленя является одним из самых больших в мире, приблизительно 1,9 млн оленей. При этом малочисленные народы Севера осуществляют выпас более 80% северных оленей в стране, оленеводство по праву относится к одному из основных видов традиционной хозяйственной деятельности [\[10, с. 45\]](#). Как справедливо пишет В.А. Кряжков, оленеводство в России является основой самобытной культуры и традиционного образа жизни подавляющего большинства коренных народов Севера. Олени являются для них доступным и необходимым мясным продуктом, средством передвижения, сырьем для производства одежды, постройки жилищ и ведения художественных промыслов. При этом автор отмечает, что, несмотря на то, что оленье мясо является диетическим и экологически чистым продуктом, а молоко обладает полезными свойствами, экономическое значение оленеводства как отрасли сельского хозяйства остается несущественным [\[11, с. 85\]](#). С одной стороны, это может говорить о сложностях с реализацией продукции оленеводства, с другой – о наличии больших перспектив у данного вида сельского хозяйства, которое, учитывая довольно большое поголовье оленей в России, способно внести существенный вклад в обеспечение продовольственной безопасности страны. При этом необходимо учитывать тот факт, что оленеводство, являющееся основным видом традиционного природопользования народов Севера, чрезвычайно уязвимо перед последствиями изменения климата. Представители коренных народов указывают на то, что раннее потепление, знойная жара, позднее наступление холода вызывают различные болезни у оленей, резкие перепады температуры в холодное время года сокращают пищевые ресурсы оленей (ягель, мох), таяние вечной мерзлоты приводит к деградации оленьих пастбищ [\[12, с. 9\]](#). Следует подчеркнуть, что, по мнению ученых-юристов, в Российской Федерации есть потребность в принятии федерального закона об оленеводстве [\[13, с. 181; 14\]](#).

Еще одним видом традиционного природопользования Якутии является табунное коневодство. Специалисты обращают внимание на то, что при ведении табунного коневодства в Якутии используется вольно-косячная система пастыби, когда косяки лошадей самостоятельно выбирают места своего размещения. Авторы подчеркивают, что такая технология содержания животных является существенным преимуществом данной отрасли хозяйства. И дает возможность лошадям пастись на наиболее питательных участках пастбищ на протяжении всего года. При этом табунное коневодство Республики Саха имеет серьезные перспективы для поставки продукции, как правило, отвечающей требованиям производства органических продуктов, не только в другие регионы России,

но и в зарубежные страны [\[15\]](#). Вопросам правового регулирования данного вида природопользования посвящен Закон Республики Саха (Якутия) от 10 июля 2003 г. 53-З № 109-III О табунном коневодстве (*Якутские ведомости. 2003. 27 августа 2003. № 34*) (далее – Закон о коневодстве). Согласно Преамбуле рассматриваемого Закона он устанавливает порядок осуществления табунного коневодства, основные направления его государственного регулирования. Целями Закона о коневодстве являются сохранение национальных традиций и культуры ведения табунного коневодства народа саха, сохранение лошадей якутской, мегежекской и приленской пород, а также расширение их ареала в регионах Российской Федерации. Также в Преамбуле подчеркивается, что табунное коневодство является традиционной отраслью сельского хозяйства народа саха. А перечисленные выше породы лошадей признаются национальным достоянием Якутии.

Закон о коневодстве состоит из шести глав, в которых урегулированы основные отношения, возникающие при осуществлении табунного коневодства. Так, ст. 1 указанного Закона посвящена используемому в нем понятийному аппарату, в ней содержатся определения таких понятий, как табунное коневодство, конские пастбища, конеёмкость пастбищ и ряд других. Подробно урегулированы права и обязанности собственников (владельцев) лошадей. Например, согласно пп. 2 п. 2 ст. 14 собственники (владельцы) лошадей обязаны осуществлять свою деятельность в соответствии с требованиями ветеринарных норм, а также в соответствии с природоохранным, земельным, лесным законодательством.

Поскольку одной из целей Закона о коневодстве является сохранение традиций коренного населения, п. 3 ст. 6 названного Закона при проведении обрядовых, обучающих мероприятий допускает убой лошадей с соблюдением ветеринарных и санитарных норм и правил без реализации мяса и мясной продукции на предприятиях общественного питания.

Стоит отметить, что Закон о коневодстве направлен на поддержку традиционного вида природопользования всего коренного населения Якутии в целом, что является положительным моментом, поскольку такой подход должен способствовать сохранению исконных традиций и культуры в республике.

Заключение. На основании сказанного в частях 1 и 2 настоящей статьи следует отметить, что законодательство, посвященное коренным малочисленным народам, обладает существенным природоохранным потенциалом, полное использование которого особенно важно на современном этапе развития, характеризующимся интенсивным освоением Севера.

Для того чтобы повысить как уровень защиты прав и интересов коренных малочисленных народов, так и уровень охраны окружающей среды на территориях традиционного природопользования, следует в Законе о ТТП более конкретно прописать режим таких территорий, в частности, указать, какие виды хозяйственной деятельности могут на них осуществляться, а какие нет. Так же это можно сделать с помощью специального перечня видов деятельности, разрешенных на ТТП, либо наоборот – запрещенных. Кроме этого, в Законе о ТТП следует указать, какие функциональные зоны обязательны к выделению в границах ТТП, как это сделано, например, в п. 1 ст. 15 Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (*СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1024*). Ввиду того, что ТТП могут располагаться на территориях с разными природными характеристиками, например, на территории Якутии выделяют три зоны и восемь подзон устойчивости природных комплексов к техногенным воздействиям

[8, с. 56], а также в зависимости от основного вида осуществляемого традиционного природопользования представляется логичным подразделение ТТП на категории с разной строгостью режима охраны.

Вместе с тем с точки зрения обеспечения права на традиционное природопользование и охраны окружающей среды крайне эффективным видится установление в законодательстве приоритета осуществления традиционного природопользования перед другими видами хозяйственной деятельности. В первую очередь это касается таких видов традиционного природопользования, как оленеводство и коневодство, которое требует для своего осуществления больших территорий.

Библиография

1. Куделькин Н.С. Традиционное природопользование и охрана окружающей среды Севера (Часть 1) // Юридические исследования. 2025. № 11. С. 23-38. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76653 EDN: DTBWTH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76653
2. Доронина А.К. Охрана окружающей среды Арктики по законодательству прибрежных арктических государств. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. – 262 с. 3.
3. Дмитриева В.Т., Напрасников А.Т. Геоэкологический опыт выделения территорий традиционного природопользования в России // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. 2013. № 1 (11). С. 59-69. EDN: QCRCOD 4.
4. Гумилев А.Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экспрос, 1993. – 544 с. 5.
5. Транин А.А. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов российского Севера (проблемы и перспективы). М.: ИГП РАН, 2010. – 88 с. 6.
6. Баттахов П.П. К вопросу о реализации прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 88-92. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_5_88 EDN: RHTSBJ 7.
7. Редникова Т.В. Охрана компонентов биологического разнообразия и правовое регулирование обеспечения равного доступа к извлекаемым из них благам: реализация положений Конвенции о биологическом разнообразии // Международное право и международные организации. 2013. № 4. С. 572-577. EDN: RTNKCX 8.
8. Бурцева Е.И., Слепцов А.Н., Бысыина А.Н. Промышленное освоение территорий Арктической зоны Якутии и этнологическая экспертиза инвестиционных проектов // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 52-72. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.52 EDN: ILGRZQ 9.
9. Богданов В.Д., Головатин М.Г. Сибирская язва на Ямале: экологический взгляд на традиционное оленеводство // Экология. 2017. № 2. С. 77-82. DOI: 10.7868/S0367059717020056 EDN: YIVTGL 10.
10. Ефимов И.П., Калитин Р.Р. Состояние и проблемы развития традиционного хозяйствования Арктики: северное оленеводство // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. № 1 (5). С. 44-47. DOI: 10.51823/74670_2021_1_44 EDN: EKKUWY 11.
11. Кряжков В.А. Оленеводство как вид традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: правовой аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (57). С. 84-96. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/2/84-96 EDN: UGZFSW 12.
12. Жожиков А.В., Алексеева Е.К., Никитина С.А., Егорова В.Н. Влияние изменения климата на традиционные виды природопользования коренных жителей Республики Саха

(Якутия) // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 12 (138). С. 1-12. 13.

13. Кряжков В.А. Традиционное оленеводство в России: правовые проблемы предоставления и рационального использования земель // BRICS Law Journal. 2025. Т. 12. № 1. С. 161-183. DOI: 10.21684/2412-2343-2025-12-1-161-183 EDN: TRFEJY 14.

14. Куделькин Н.С. Правовое регулирование оленеводства // Сельское хозяйство. 2022. № 1. С. 27-36. DOI: 10.7256/2453-8809.2022.1.38547 EDN: WNPWLP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38547

15. Иванов Р.В., Пак М.Н. Стратегия развития табунного коневодства Республики Саха (Якутия) // Коневодство и конный спорт. 2024. № 4. С. 20-21. DOI: 10.25727/HS.2024.4.60749 EDN: BYHALX

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование научной статье выступает традиционное природопользование и охрана окружающей среды. Рецензируемая статья представляет собой вторую часть исследования по указанной тематике из серии научных статей. Предмет научного исследования соответствует названию научной статьи.

Методология исследования по тексту научной статьи не приводится, что является существенным недостатком. Автору рекомендуется указать какой им использован «инструментарий» научного познания при работе над статьей, раскрыть каждый из использованных им методов более подробно. В рассматриваемом контексте научного исследования, а также с учетом заявленной автором тематики хотелось бы порекомендовать использование следующих методов научного познания: дедукция, анализ, синтез, сравнительно-правовой.

Актуальность заявленной темы представляется весьма актуальной по ряду причин. Во-первых, по причине сокращения территорий традиционного природопользования. Во-вторых, по причине сосуществующей угрозы для мест обитания коренных малочисленных народов. В-третьих, по причине необходимости сохранения исконной среды обитания. Автором в разделе научной статьи под названием «Введение» предпринята попытка обоснования актуальности тематики научной статьи, но она, по нашему мнению, не увенчалась успехом. Актуальность научной статьи, по нашему мнению, необходимо обосновать более подробно и качественно.

Научная новизна статьи заключается в научном результате, который получил автор по итогам ее написания. Критерию научной новизны соответствуют предложения автора о необходимости совершенствования действующего законодательства в изучаемой сфере общественных отношений. Автором вносятся предложения по совершенствованию Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 07.05.2001 № 49-ФЗ, что выступает одним из элементов научной новизны. Также автор предлагает закрепить в действующем законодательстве приоритет осуществления традиционного природопользования перед другими видами хозяйственной деятельности. В указанном аспекте научная новизна выводов исследования представляется достаточной.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения материала в статье научный. Прослеживается логичность изложения материала. Структура статьи включает разделение ее на отдельные (самостоятельные части): введение, федеральное и региональное законодательство (продолжение), заключение.

С учетом того, что в научной статье в основном подвергаются анализу, нормативные правовые документы название статьи можно было бы скорректировать следующим образом: «Правовое регулирование традиционного природопользования и охраны окружающей среды Севера», или «Проблемные вопросы правовой регламентации традиционного природопользования и охраны окружающей среды Севера и пути их решения» и с учетом этого более активно и глубоко сконцентрироваться на изучении рассматриваемых в статье вопросах.

Библиография исследования представлена 15 источниками, из которых 10 опубликованы за последние пять лет. Автору рекомендуется дополнительно провести анализ не менее 5 научных статей, опубликованных по тематике исследования, индексируемых в международных базах научного цитирования, а также в ядре РИНЦ. Это позволит усилить содержание и качество научной статьи, а также в наибольшей степени раскрыть заявленную тематику.

Апелляция к оппонентам в научной статье присутствует. Например, автор указывает по тексту статьи, что «Как справедливо пишет В.А. Кряжков ...», «Так, А.А. Транин в своей монографии 2010 г. справедливо обращал внимание на ...». Однако следует отметить, что автор рецензируемой статьи не вступает в научную дискуссию и полемику с приведенными по тексту статьи учеными, не всегда делает выводы по результатам приведенных позиций ученых. Тем не менее апелляция к оппонентам в научной статье представляется достаточной.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, со стороны специалистов в области охраны окружающей среды и природопользования.

Вывод по статье. Статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале «Юридические исследования» после устранения указанных замечаний рецензента.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Сергиенко С.Ю. Трансформация правового понимания туристского продукта: от унификации к дифференцированному регулированию // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77381 EDN: RBEZVP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77381

Трансформация правового понимания туристского продукта: от унификации к дифференцированному регулированию

Сергиенко Сергей Юрьевич

ORCID: 0009-0008-9195-469X

аспирант; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"
юрисконсульт; ООО "Гео"

660064, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, Кировский р-н, пр-кт им.газеты "Красноярский рабочий", д. 150, офис 119

✉ 143417@mail.ru



[Статья из рубрики "Теория и философия права"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77381

EDN:

RBEZVP

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2025

Дата публикации:

24-12-2025

Аннотация: Целью настоящего исследования является методологический анализ законопроекта, изменяющего понятие «туристский продукт». В соответствии с выбранной целью поставлены следующие задачи: провести историко-правовой анализ становления и развития понятия «туристский продукт» и исследовать содержание законопроекта, направленного на дифференциацию понятия «туристский продукт». Объектом исследования является правовое регулирование туристской деятельности в Российской Федерации, в частности – нормативная база, определяющая понятие и содержание туристского продукта (включая Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в РФ» от 1996г.), а также законопроект №918087 8. Предметом

исследования данной статьи является правовая природа понятия «туристский продукт», его эволюция, проблемные аспекты толкования и применения, а также предлагаемая дифференциация понятия применительно к различным видам туризма (выездной, внутренний, въездной) в контексте современных трансформационных процессов в отрасли. Методологическая основа исследования сформирована на базе общенаучных и специальных методов познания, включая историко – правовой, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, диалектический методы, а также метод правового моделирования. Научная новизна исследования подтверждается комплексным анализом правовой природы туристского продукта, разработкой методологии оценки эффективности дифференциации правового регулирования, выявлением потенциальных рисков при внедрении изменений, формированием модели совершенствования правового регулирования и разработкой практических рекомендаций по минимизации правовых рисков. Теоретическая значимость работы заключается в разработке новых подходов к пониманию правовой природы туристского продукта в условиях его дифференциации. Практическая значимость исследования состоит в определении направлений минимизации правовых рисков при внедрении дифференцированного подхода и создании методологической базы для дальнейшего исследования проблем правового регулирования туристской сферы. Результаты исследования могут быть использованы при разработке новых нормативно-правовых актов в сфере туризма, в правоприменительной практике органов государственной власти, в научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова:

Туристский продукт, Правовое регулирование, Дифференцированное регулирование, Туристическая отрасль, Законодательные новации, Турист, Туроператор, Туристская деятельность, Турагент, Туризм

Введение.

Понятие «туристский продукт» занимает центральное место в правовом регулировании туристической отрасли. Его нормативное закрепление произошло с принятием в 1996 году Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». В условиях технологического прогресса, глобализации, развития туристической отрасли и усиления государственной поддержки туризма возникают новые вызовы, требующие актуализации нормативно-правовых актов в сфере туристской деятельности.

Научная литература содержит примеры исследования данного понятия, свидетельствующие о его неоднозначности и дискуссионном характере, на это обращали внимание такие исследователи как М. Б. Биржаков [\[3\]](#), С. Е. Кузахметова [\[6\]](#), Е. Л. Писаревский [\[8, с. 136\]](#), А. В. Радонова [\[10\]](#). Однако правовая природа термина «туристский продукт» требует методологического исследования с целью его актуализации, обусловленного законодательной новацией по изменению данного понятия.

В настоящее время инициативными группами предпринимаются попытки законодательно дифференцировать понятие «туристский продукт» применительно к различным видам туризма — выездному, внутреннему и въездному. Предлагаемые инициативы сужают перечень услуг, формирующих туристский продукт в сфере выездного туризма, и

одновременно расширяют его для внутреннего и въездного туризма. Из содержания интернет-портала «Профи трэвел» инициатива по изменению понятия «туристского продукта» изначально исходила от Российского союза туриндустрии (РСТ) («РСТ снова меняет понятие турпродукта, чтобы агентам не пришлось становиться туроператорами» // <https://profi.travel/news/62905/details> - дата обращения: 10.12.2025). Соответствующие предложения содержатся в законопроекте №918087¹⁸ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (в части совершенствования понятия «туристский продукт» и определения особенностей его формирования), который был принят в третьем чтении Государственной Думой Российской Федерации 16.12.2025.

Таким образом, исследование действующего понятия «туристский продукт», а также его предполагаемой дифференциации, предлагаемой в рамках указанного законопроекта, с учётом современных трансформационных процессов в туристской отрасли обуславливает актуальность данной темы.

Целью настоящего исследования является проведение методологического анализа изменений правового понятия „туристский продукт“ в контексте внедряемой законодательной новеллы, предусматривающей дифференциацию данного понятия применительно к различным видам туристской деятельности, с последующим выявлением правовых последствий таких изменений.

В соответствии с выбранной целью определены следующие задачи:

1. Провести историко-правовой анализ становления и развития понятия «туристский продукт» в российском законодательстве (с момента принятия ФЗ №132¹⁹ в 1996г. до настоящего времени).
2. Исследовать содержание законопроекта №918087¹⁸, направленного на дифференциацию понятия «туристский продукт» по видам туризма, и оценить его потенциальное влияние на правовое регулирование отрасли.

Объектом исследования является правовое регулирование туристской деятельности в Российской Федерации, в частности — нормативная база, определяющая понятие и содержание туристского продукта (включая Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в РФ» от 1996 г.), а также законопроект № 918087¹⁸.

Предмет - правовая природа понятия «туристский продукт», его эволюция, проблемные аспекты толкования и применения, а также предлагаемая дифференциация понятия применительно к различным видам туризма (выездной, внутренний, въездной) в контексте современных трансформационных процессов в отрасли.

Теоретической базой исследования послужили нормативно-правовые акты, регулирующие туристскую деятельность, и научные труды, исследующие особенности правового регулирования. Методологическая основа исследования сформирована на базе общенаучных и специальных методов познания, включая историко-правовой, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, диалектический методы, а также метод правового моделирования.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе понятия «туристский продукт» в контексте предлагаемой законодательной дифференциации с применением научного аппарата исследования.

Генезис понятия «туристский продукт»

Понятие «туристский продукт» получило свое законодательное определение в результате разработки и принятия в 1996 г. первого в истории России нормативного акта, регулирующего туристскую деятельность, Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о туризме).

В первой редакции Закона о туризме были определены принципы государственной политики в сфере туризма, установлены правовые основы функционирования единого туристского рынка, регламентировано правовое регулирование права граждан на отдых, а также закреплён порядок рационального использования туристских ресурсов.

Согласно положениям данного нормативного акта, туристский продукт определялся как право на тур, при этом под туром понимался комплекс услуг, включающий размещение, перевозку, питание туристов, экскурсионное обслуживание, услуги гидов, переводчиков и иные сопутствующие услуги [\[2, с. 27\]](#).

Проведённый буквальный анализ законодательных формулировок позволяет констатировать отсутствие нормативно закреплённых критериев, определяющих минимальное количество услуг или их категориальный состав, достаточный для признания совокупности услуг туристским продуктом.

Указанная правовая неопределённость порождала двойственную ситуацию: с одной стороны, существовала возможность интерпретации услуг по размещению и питанию, традиционно оказываемых объектами размещения, в качестве полноценного туристского продукта; с другой — для признания комплекса услуг туристским продуктом могло требоваться наличие всех услуг, перечисленных в законе. Описанная коллизия свидетельствует о существенной неопределённости правового регулирования в данной сфере.

Данная редакция понятия «туристский продукт» действовала вплоть до 2007 года, после чего была обновлена. В актуальной редакции туристский продукт определяется как комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг) по договору о реализации туристского продукта (ст.1 ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»). Изменение определение «туристский продукт» было детерминировано массовым развитием выездного туризма, что требовало дополнительных гарантий для потребителей. Как правило, в то время, зарубежная перевозка осуществлялась чартерными авиакомпаниями, услуги которых фрахтовались туроператорами, что определило услугу перевозки как одну из ключевых услуг, которая определяла формирование туристского продукта.

Таким образом, первоначальная редакция нормы просуществовала около десяти лет, после чего в условиях интенсивного развития выездного туризма возникла объективная необходимость реформирования одного из ключевых понятий туристского законодательства. Новое определение гармонично вписалось в содержание Закона о туризме в соответствии с целями нормативного акта. Однако формулировки понятия носили неопределенный характер, что создавало трудности в правоприменении.

Практика правоприменения в отношении понятия «туристский продукт»: проблемы толкования и их последствия

Анализ правоприменительной практики в сфере регулирования туристской деятельности выявляет существенную проблематику, связанную с толкованием ключевого понятия «туристский продукт». Основная коллизия обусловлена недостаточной чёткостью

законодательных формулировок, в частности — неоднозначной трактовкой двух существенных признаков: услуги перевозки и договора о реализации туристского продукта.

Особую сложность представляет правовая неопределённость в отношении понятия «перевозка». Законодательство не содержит развёрнутой дефиниции данного термина в контексте туристского продукта, что порождает расхождения в правоприменении. Ранее Ростуризм допускал расширительное толкование, приравнивая к перевозке трансферные услуги. В настоящее время Минэкономразвития придерживается более строгой позиции, ограничивая понятие перевозки исключительно перемещением из страны проживания туриста в страну оказания услуг [\[12, с. 3\]](#).

Судебные инстанции, обладающие исключительным правом толкования норм права (в отличие от регуляторов), в своих решениях и определениях признавали реализацией туристского продукта отдельную услугу по размещению - при условии её оформления договором о реализации туристского продукта [\[11, с. 28\]](#).

Подобные выводы стали возможны благодаря целевому толкованию положений Закона о туризме, а также наличию в легальном определении туристского продукта прямого указания на договор о его реализации.

Таким образом, одним из определяющих признаков туристского продукта выступает оформление услуг посредством договора о реализации туристского продукта. Однако данный подход порождает правовую неопределённость при оценке соответствия комплекта услуг понятию «туристский продукт» в случаях, когда между сторонами заключается обычный договор возмездного оказания услуг, не содержащий признаков договора о реализации туристского продукта, предусмотренных действующим законодательством.

Недостатки в легальном определении понятия «туристский продукт» обострились в контексте предоставления туроператорам налоговых льгот. В частности, туроператоры, осуществляющие деятельность в сфере внутреннего и въездного туризма, были освобождены от уплаты налога на добавленную стоимость (НДС) [\[1, с. 89\]](#).

Внедрение государственной информационной системы «Электронная путёвка» (ГИС ЭП) в процесс реализации туристского продукта выявило существенные проблемы в понятийном аппарате законодательства. В соответствии с действующими нормативными положениями туроператор обязан вносить сведения о договорах по реализации туристского продукта в ГИС ЭП в строго установленные сроки [\[13, с. 573\]](#). Неопределённость дефиниции «туристский продукт», допускающая множественность толкований, создаёт существенные затруднения при функционировании ГИС ЭП. В частности, неоднозначность правового содержания данного понятия осложняет:

- корректную идентификацию объектов учёта;
- единообразное заполнение обязательных реквизитов в системе;
- контроль за своевременностью и полнотой внесения данных.

Таким образом, проведённый анализ позволяет констатировать наличие системных проблем в правовом регулировании туристского продукта, затрагивающих как правоприменительную практику, так и налоговое регулирование, а также цифровое управление отраслью. В этих условиях совершенствование понятийного аппарата

представляется не технической корректировкой, а необходимым условием обеспечения правовой определённости и повышения эффективности регулирования туристской деятельности в целом. Актуальность данной задачи усиливается в контексте трансформации туристической отрасли, требующей адекватного правового сопровождения.

Методологический анализ законодательной инициативы в части совершенствования понятия «туристский продукт»

Законодательная инициатива по совершенствованию понятия «туристский продукт» предлагает дифференцированный подход к его определению в зависимости от вида туризма. Для выездного туризма сохраняется требование об обязательном включении услуги перевозки — перемещения из страны постоянного проживания в страну временного пребывания. Для внутреннего и въездного туризма перевозка исключается из обязательных компонентов: туристский продукт формируется как комплекс из размещения и минимум одной дополнительной услуги (экскурсионное обслуживание, услуги гида, переводчика, инструктора, проводника и др.).

Анализ изменений для выездного туризма позволяет выделить как позитивные аспекты, так и проблемные зоны. К позитивным моментам относится конкретизация понятия «перевозка», устраняющая ряд неопределённостей в правоприменении. В то же время наблюдаются существенные ограничения: снижается гибкость формирования туристского продукта, сужается потребительский выбор из-за обязательного включения перевозки, растёт стоимость турпакета при наличии более экономичных альтернативных вариантов перемещения, снижается уровень защиты потребителей при самостоятельном приобретении отдельных услуг (например, трансфера в стране пребывания).

Историко-правовой контекст показывает, что требование об обязательной перевозке было оправдано на этапе становления выездного туризма, когда регулярные международные рейсы отсутствовали и туроператорам приходилось фрахтовать чартеры. Сегодня развитая сеть регулярных перевозок зачастую удовлетворяет потребности туристов без дополнительных издержек. Как отмечает Прохорова О.В., «в основе развития процесса туристской сферы лежит методика диалектических отрицаний старого новым», предполагающая сохранение в новой модели позитивных элементов предшествующей системы [\[9, с. 31\]](#). В этой связи обязательное включение перевозки в выездной тур может стать фактором стагнации отрасли.

В сегменте внутреннего и въездного туризма новации включают отмену требования об обязательной перевозке, расширение перечня допустимых компонентов туристского продукта (размещение плюс одна или несколько дополнительных услуг), а также возможность включения в договор иных услуг по усмотрению сторон. Особого внимания заслуживает норма, согласно которой отдельные договоры на услуги, входящие в туристский продукт (заключённые с одним поставщиком для одного лица и периода), приравниваются к туристскому продукту. Исключение составляют дополнительные услуги, оказываемые непосредственно поставщиком размещения.

Изменения приводят к усилению позиций туроператоров и ограничению возможностей турагентств. Так, турагент без туроператорского статуса не вправе продавать комплекс из перевозки и размещения — даже при наличии договоров с перевозчиком и отелем. Подобное ограничение вступает в противоречие с принципом публичных договоров, закреплённым в статье 426 ГК РФ.

Для всестороннего анализа инициативы применяются различные научные методы:

формально-юридический (изучение норм, терминологии, потенциальных коллизий), сравнительно-правовой (сопоставление регулирования для разных видов туризма), диалектический (выявление противоречий между инновациями и стабильностью системы), системный (анализ взаимосвязей с иными отраслями права) и метод правового моделирования (прогнозирование последствий внедрения норм).

Формально-юридический анализ выявляет как положительные, так и отрицательные стороны инициативы. К плюсам относится адаптация законодательства к современным рыночным практикам и уточнение перечня дополнительных услуг. Среди минусов — усложнение нормативной базы, отсутствие дифференциации требований для локальных и федеральных туроператоров, исключение из регулирования отдельных видов туризма (пешие походы, сплавы), где отсутствуют традиционные средства размещения, а также открытый перечень дополнительных услуг, создающий простор для произвольного толкования.

Диалектический анализ позволяет выявить ключевые противоречия: между гибкостью формирования продукта и защитой потребителей (возникают риски при самостоятельном приобретении перевозки) и между инновационным потенциалом цифровизации и угрозой дестабилизации рынка (рост числа туроператоров при сокращении турагентств). Для успешной реализации инициативы необходимы: поэтапное введение новаций с переходными периодами, дифференцированный подход к категориям операторов и регулярный мониторинг правоприменения.

Системный анализ обнаруживает ряд рисков, связанных с дифференциацией понятия «туристский продукт». Среди них — размывание базового определения туризма как временных выездов с постоянного места жительства, неоднозначность разграничения туристского продукта и набора отдельных услуг, неравные условия конкуренции между крупными и малыми участниками рынка, а также противоречия с требованиями к финансовому обеспечению, ориентированным на классическую модель продукта.

Проведённый анализ позволяет сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, законопроект обладает значительным модернизационным потенциалом, но требует существенной доработки. Во-вторых, выделяются существенные риски: правовой хаос, нарушение баланса интересов субъектов рынка, рост издержек бизнеса и снижение защищённости туристов. В-третьих, успешная реализация инициативы возможна лишь при условии компромиссного урегулирования выявленных противоречий.

С учётом выявленных проблем можно сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию законопроекта. Необходимо уточнить критерии отнесения услуг к «дополнительным», разработать механизмы контроля качества для новых форматов туристских продуктов, ввести переходные положения для плавного внедрения изменений, предусмотреть дифференцированные требования к финансовым гарантиям для локальных и федеральных туроператоров. Также целесообразно расширить регулирование для видов туризма без традиционных средств размещения (палаточные лагеря, охотничьи избы и т.п.) и провести детальный финансовый анализ налоговых последствий расширения категории туроператоров.

В итоге предложенные изменения способны повысить гибкость регулирования туристской отрасли, однако их внедрение должно сопровождаться комплексными мерами по минимизации правовых и экономических рисков. Только такой подход позволит реализовать модернизационный потенциал инициативы без ущерба для стабильности рынка и защищённости его участников.

Заключение

Проблема дифференциации туристских услуг, обсуждаемая в профессиональном сообществе на протяжении ряда лет, сохраняет актуальность. Дифференциация предполагает расширение ассортимента предлагаемых услуг, что способно стимулировать рост продаж туристских продуктов [\[5, с. 63\]](#). Данный процесс имеет существенное значение как для развития туристской индустрии в целом, так и для повышения устойчивости туристского рынка.

Модернизация понятия «туристский продукт» имеет существенное значение для развития законодательства, регулирующего правоотношения в сфере туризма. «Туристский продукт» — одно из ключевых понятий правового регулирования данной сферы, определяющее особенности функционирования взаимосвязанных процессов.

При этом система правового регулирования туристской деятельности не образует самостоятельной отрасли права и носит комплексный характер, поскольку включает нормы различных отраслей законодательства [\[7, с. 97\]](#). В связи с этим при изменении ключевого понятия необходимо учитывать их взаимовлияние и системные последствия.

Более того, даже в рамках Закона о туризме законодательная новация, допускающая оценку туристского продукта как комплекса услуг, исключающего перевозку, вступает в противоречие с фундаментальным понятием «туризм», в содержание которого заложено временное перемещение с определённой целью [\[4, с. 32\]](#).

Разграничение нормативно-правового регулирования по направлениям (внутренний, въездной и выездной туризм) безусловно необходимо, что обусловлено потребностью в более детальном подходе к их регулированию. Однако такой процесс не должен осуществляться путём фрагментарных поправок.

Предложенная модернизация понятия «туристский продукт» сопряжена с определёнными рисками для устойчивости туристической индустрии. Равновесное состояние, достигнутое в рамках выработанной правовой доктрины в ответ на вызовы законодательных неопределённостей, имеет риски быть утраченным. Для выездного туризма это может проявиться в стагнации, обусловленной вероятным оттоком туристов из туроператорской сферы деятельности в сферу иных сервисов, возможно зарубежных, предлагающих размещение и трансферное обслуживание, что негативно скажется на правовой защите туристов.

Для внутреннего и въездного туризма существуют риски перераспределения турагентств в туроператорскую деятельность с последующим уходом с рынка ввиду невозможности конкурировать с крупными туроператорами, что может отразиться на качестве туристских услуг локального характера.

Таким образом, подобное существенное изменение необходимо сопровождать комплексным правовым анализом с учётом особенностей различных отраслей права и всех субъектов правоотношений. Анализ новации позволяет сделать вывод, что целью модернизации является получение определенных выгод для туроператоров. Для зарубежного туризма — в виде ограничения ответственности по комплексным реализуемым услугам, не содержащим услуги перевозки из страны проживания в страну временного пребывания, а для внутреннего туризма — в виде расширения комплекса услуг, в отношении которых предусмотрены государственные послабления.

Библиография

1. Алиева Э. Б., Назарова К. Ф. Проблемы применения налоговых льгот в сфере туризма в РФ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2(230). С. 88-91. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_2_88. EDN: MRCEEM.
2. Барабанова П. С. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере туризма в России и Англии: дис. к-та юр. наук. Москва: ФГАОУ ВО Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, 2017. 210 с. EDN: PJXXDE.
3. Биржаков М. Б., Климин А. Н., Озиминова Л. А. Критика понятия "туристский продукт" // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 3. С. 30-33. EDN: XCUJJ.
4. Блинова Ю. В. Туризм: понятия и цели по российскому законодательству // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 31-36. EDN: YINPZX.
5. Еранцева Е. М. Дифференциация туристских услуг как условие их конкурентоспособности // Вестник Рмат. 2014. № 2. С. 61-64. EDN: TPHTQN.
6. Кузахметова С. Е. К вопросу о легальной дефиниции понятия "туристский продукт" // Актуальные проблемы российского законодательства. Сборник статей. 2014. № 8. С. 62-71. EDN: TJQKPP.
7. Михайленко Ю. А. Правовое регулирование туристской деятельности. [Электронный ресурс]. 2022. С. 97-100. EDN: NZFLXN.
8. Писаревский Е. Л., Бобкова А. Г., Кудреватых С. А., Бавельский А. Д. Правовое обеспечение туризма. Москва: Федеральное агентство по туризму, 2014. 336 с.
9. Прохорова О. В. Методика научных исследований в туризме // Проблемы и перспективы развития туризма в Российской Федерации. 2023. С. 29-32. EDN: PSKRBC.
10. Радонова А. В. Цивилистическая природа определения туристской услуги в законодательстве Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права. 2019. № 3. С. 47-50.
11. Сергиенко С. Ю., Гриб В. Г. О некоторых проблемных аспектах в регулировании гражданско-правовых отношений на туристическом рынке // Туризм: право и экономика. 2024. № 2 (89). С. 27-30. DOI: 10.18572/1813-1212-2024-2-27-30. EDN: CWWGRZ.
12. Сергиенко С. Ю., Гриб В. Г. О туристском продукте в контексте современного туристского законодательства // Туризм: право и экономика. 2025. № 2. С. 2-4. DOI: 10.18572/1813-1212-2025-2-2-4. EDN: ODUDMF.
13. Сергиенко С. Ю. О некоторых аспектах цифровизации гражданско-правовых отношений участников туристической отрасли. [Электронный ресурс] // Сборник статей Международной научно-практической конференции Глобальные научные тенденции: интеграция и инновации. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Типография "Ариал", 2025. С. 570-576. EDN: ZKAZKW.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Трансформация правового понимания туристского продукта: от унификации к дифференцированному регулированию»

Предмет исследования определен четко в статье и соответствует заявленной теме. Автор фокусируется на правовой природе и эволюции ключевого понятия «туристский продукт» в российском законодательстве, а также на его предполагаемой

дифференциации в зависимости от вида туризма (выездной, внутренний, въездной) в рамках законопроекта №918087-8. Предмет включает в себя не только формально-юридический анализ норм, но и практические проблемы толкования, применения и системные последствия планируемых изменений.

Методология исследования

Методология четко и последовательно применяется. В статье использован комплекс общенаучных и специальных методов: историко-правовой (для анализа генезиса понятия), формально-юридический (для разбора текстов законов и законопроекта), сравнительно-правовой (для сопоставления регулирования разных видов туризма), системный (для оценки взаимосвязей с налоговым, гражданским правом), диалектический (для выявления противоречий) и метод правового моделирования (для прогнозирования последствий).

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Работа выполнена на основе этапа законотворческой деятельности, анализируя законопроект, уже принятый в третьем чтении (по состоянию на дату в статье). Автор обоснованно связывает необходимость исследования с трансформациями в туристической индустрии (технологии, цифровизация ГИС «Электронная путевка», изменения потребительских практик) и с вызовами, порождаемыми действующей правовой неопределенностью. Проблема баланса между гибкостью регулирования, защитой прав потребителей и стабильностью рынка весьма актуальна.

Научная новизна заключается в проведении комплексного методологического анализа в контексте дифференциации понятия «туристский продукт», предложенной в конкретном законопроекте. Автор не ограничивается констатацией изменений, а выявляет их потенциальные правовые последствия для различных субъектов рынка (туроператоров, турагентств, потребителей), для смежных отраслей права (налоговые льготы) и для системы государственного контроля (ГИС ЭП). Новизна также проявляется в критическом прогнозе рисков, таких как стагнация выездного туризма, перераспределение рынка и противоречие с базовым определением туризма.

Стиль, структура, содержание

Статья написана научным языком и ясным стилем, соответствующим жанру юридического исследования. Структура логична и выдержана: от постановки проблемы и определения целей к историческому анализу, затем к рассмотрению практических проблем и, наконец, к детальному разбору законодательной инициативы и формулировке выводов. Содержание отличается глубиной и аргументированностью. Каждый тезис подкрепляется ссылками на нормативные акты, судебную практику или научные источники. Выводы в заключении хорошо обобщают результаты анализа.

Библиография

Список литературы соответствует предмету исследования, современен и отражает ключевые работы по теме (Биржаков, Писаревский и др.), а также включает новейшие публикации 2024-2025 годов, что указывает на знакомство автора с актуальными научными вопросами. Присутствуют ссылки на ведомственные позиции (Минэкономразвития) и отраслевые источники («Профи трэвел»). Это добавляет работе практической ценности. Формат оформления ссылок соответствует требованиям издательства.

Апелляция к оппонентам

Автор активно ведет дискуссию с потенциальными оппонентами, не занимая упрощенно-односторонней позиции. В работе признаются потенциальные позитивные стороны законопроекта (конкретизация, адаптация к рынку), но при этом последовательно, с опорой на правовые аргументы, вскрываются его слабые места и риски. Критикуется как излишняя жесткость подхода к выездному туризму, так и возможная избыточная либерализация для внутреннего. Сильной стороной аргументации является обращение автора к принципам системности права, защите потребителей и поддержанию конкурентного баланса.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи содержательны, носят рекомендательный характер и вытекают из проведенного анализа. Они ценны не только для научного сообщества, но и для практиков: законодателей (указание на необходимость доработки и переходных периодов), правоприменителей (Ростуризм, суды), а также для самих участников туристического рынка (туроператоров, турагентов), которые могут оценить для себя правовые и экономические последствия грядущих изменений. Статья отвечает на запрос на осмысление масштабных новаций законодательства. Статья вызовет высокий интерес со стороны профессиональной аудитории.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Голомидов Я.В. Место публичных закупок в финансовом праве // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77309 EDN: PVOPEV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77309

Место публичных закупок в финансовом праве

Голомидов Ярослав Владимирович

аспирант; Юридический факультет; Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет)

105187, Россия, г. Москва, ул. Щербаковская, 38

✉ golomidow.slava@yandex.ru



[Статья из рубрики "Финансовое и налоговое право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77309

EDN:

PVOPEV

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2025

Дата публикации:

25-12-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению правового регулирования публичных закупок, то есть государственных и муниципальных закупок, и закупок, осуществляемых отдельными видами юридических лиц, а также теоретическому осмыслению места публичных закупок в науке финансового права. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при осуществлении закупочных процедур государственными и муниципальными органами, организациями, действующие под публичным контролем и иными субъектами. Предметом исследования выступили положения нормативных правовых актов, регулирующие закупочную деятельность. В статье подробно рассматриваются категории публичных интересов и публичных финансов, которые выступили критериями определения видов закупок, входящих в сферу регулирования финансового права. Особое внимание уделено вопросу места части публичных закупок, а именно закупок субъектов со значительным участием публичной власти в уставном капитале в системе финансового права.

Настоящее исследование основано на методологии, в которую вошли методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также формально-юридический метод. В результате исследования было определено место публичных закупок в правовой системе и в системе финансового права. Новизна исследования заключается в то, что на основании осмысления доктринальных позиций о предмете финансового права и исходя из его расширенного понимания, а также на основании анализа норм регулирующих управление юридических лиц было обосновано включение закупочной деятельности организаций, которые осуществляют свою деятельность под контролем публично-правовых образований, в систему финансово-правового регулирования, что впоследствии позволит развивать правовое регулирование публичных закупок в этой сфере для повышения эффективности расходования публичных финансов. Также был очерчен круг субъектов, участвующих в отношениях, возникающих в результате проведения закупок и одновременно входящих в сферу регулирования финансового права.

Ключевые слова:

Финансовое право, Финансово-правовые отношения, Публичные финансы, Публичные закупки, Государственные закупки, Муниципальные закупки, Закупки юридических лиц, Публичный интерес, Общественный интерес, Организации с госучастием

Введение

Закупочная деятельность осуществляется многими экономическими субъектами в целях удовлетворения потребностей в товарах, работах и услугах для стабильного функционирования и развития. При этом государство и муниципальные образования в лице своих органов, а также юридические лица, имеющие большую долю участия Российской Федерации, ее субъектов, а также муниципалитетов являются одними из основных субъектов, которые используют закупки как инструмент обеспечения своей деятельности. Важно отметить, что закупки, кроме удовлетворения потребностей в товарах, работах и услугах, используются в целях эффективного расходования финансовых средств.

Структура правового регулирования публичных закупок является сложной, так как в ходе осуществления закупок возникают различные по своей правовой природе отношения, таким образом возникающие правоотношения в ходе закупочной деятельности возможно отнести к различным отраслям права, а именно к административному, гражданскому и к финансовому праву.

В свою очередь в науке финансового права в настоящее время тема расходования финансовых средств через осуществление закупок остается недостаточно исследована. При этом рассмотрение теоретических положений относительно публичных закупок в рамках финансового права позволит разработать предложения по совершенствованию правового регулирования данной сферы для повышения эффективности расходования финансовых ресурсов, а также направления данных средств на решение приоритетных общественных задач через проведение закупок.

Одним из таких теоретических вопросов является место публичных закупок в системе финансового права. В настоящее время в рамках науки финансового права исследуется закупочная деятельность, через которую расходуются исключительно бюджетные средства. Однако в связи с изменением экономического строя предмет финансового

права расширился, что в свою очередь порождает необходимость рассматривать финансовые отношения в иных видах закупок.

Основная часть

Прежде всего, определим место публичных закупок в системе российского права. Как ранее нами было отмечено, публичные закупки регулируются нормами различных отраслей права, к которым относятся административное, гражданское и финансовое.

Так в рамках публичных закупок установлены требования к организации и проведению закупочных процедур, а также иные требования административного характера, при этом за нарушение данных требований установлена, в том числе административно-правовая ответственность. Исходя из этого, можно сказать о наличии административно-правовых отношениях, которые соответственно регулируются нормами административного права.

Кроме этого, по результатам проведения закупочных процедур заключается контракт (договор), отношения, в рамках которого имеют гражданско-правовой характер и соответственно регулируются в рамках гражданского права.

Также публичные закупки являются способом расходования финансовых средств заказчиков, а вследствие этого и контроль над их эффективным расходованием, соответственно данные отношения входят в предмет финансового права. При этом в исследованиях в рамках финансового права, посвященных теме закупок рассматривают исключительно государственные (муниципальные) закупки, которые проводятся государственными и муниципальными органами, а также иными субъектами, за счет бюджетных средств в соответствии с положениями Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее – Закон о контрактной системе). Кроме этого некоторые правоведы в своих работах отождествляют понятия государственных закупок и публичных закупок, как например, Кикавец В.В [\[1\]](#).

В свою очередь нам думается, что при исследовании публичных закупок в рамках финансового права возможно рассматривать иные виды закупок, а именно закупки отдельных юридических лиц, осуществляемых согласно положениям Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ (далее – Закон о закупках отдельными юридическими лицами). Данное будет рассмотрено и обосновано далее.

В связи с указанным в настоящей статье под публичными закупками будут пониматься закупки, проводимые в соответствии с положениями Законом о контрактной системе и Законом о закупках отдельными юридическими лицами.

Таким образом, исходя из вышесказанного, публичные закупки в юридической науке характеризуются как комплексный институт в системе российского права, отношения которых урегулированы нормами нескольких отраслей.

Одним из вопросов, которые рассматриваются в настоящей статье, является какие виды закупок возможно рассматривать в рамках системы финансового права, а для того, чтобы определить какие виды закупок входят в предмет регулирования финансового права необходимо определить правоотношения, которые регулируются данной отраслью права, следовательно, определить предмет данной отрасли.

В доктрине финансового права ученые при определении предмета этой отрасли

предлагают различные позиции.

К примеру, Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова под предметом финансового права понимают «общественные отношения, возникающие в процессе деятельности по планомерному образованию (формированию), распределению и использованию государственных, муниципальных и иных публичных денежных фондов (финансовых ресурсов) в целях реализации задач публичного характера» [\[2\]](#).

Ю. А. Крохина определяет предмет финансового права «как совокупность однородных имущественных и связанных с ними неимущественных общественных отношений по поводу аккумулирования, распределения и использования публичных фондов денежных средств, осуществления финансового контроля и привлечения к ответственности за совершение финансового правонарушения, складывающихся между государством (муниципальным образованием) и иными субъектами либо в интересах публичной власти» [\[3\]](#).

В учебнике по финансовому праву под редакцией Г. Ф. Ручкиной предлагается мнение о том, что предмет финансового права составляют «общественные отношения, возникающие при осуществлении финансовой деятельности государства, муниципальных образований, иных хозяйствующих субъектов...» [\[4\]](#).

Е. Ю. Грачева считает, что в предмет финансового права входят «общественные отношения, складывающиеся в процессе финансовой деятельности государства и муниципальных образований...» [\[5\]](#).

Таким образом, под предметом финансового права понимаются общественные отношения, возникающие при аккумулировании, использовании и распределении (финансовая деятельность) публичных денежных фондов государством и иными субъектами для решения публичных задач.

Так как финансовое право традиционно относится к публичным отраслям права, то его воздействие на общественные отношения направлено на удовлетворение публичного интереса. Публичный интерес, а также интерес как категории в правовой науке являются важной темой для исследования. Кратко отметим основные положения науки относительно данного вопроса в правовой доктрине.

Хоть понятие публичного интереса активно используется в нормативно-правовых актах, однако законодатель не закрепил в них легальное определение этого понятия. В юридической науке не сложилось единого подхода к определению публичных интересов.

Анализируя категорию публичного интереса, Тихомиров Ю.А. приходит к следующему выводу: «публичный интерес есть признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития» [\[6\]](#). Схожей позиции придерживаются Глазунова И. В. и Маслова К. В., так, по их мнению, «публичные интересы представляют собой общественные интересы, признанные государством и обеспеченные правом» [\[7\]](#).

В свою очередь Финогентова О. Е. и Ломаев А. Ю. определяют публичный интерес как «взаимообусловленный интерес общества и государства, сущностные социально-нравственные установки и политико-правовые правила разумной и справедливой организации общества, признанные государством и урегулированные (обеспеченные) правом» [\[8\]](#). Ергашев Е. Р., Панкова А. А. считают, что публичный интерес можно

определить как неперсонифицированный интерес общества и государства, признанный государством и охраняемый правом, представляющий собой конституционно-значимую ценность [\[9\]](#).

Некоторые исследователи по ряду причин скептически относятся к использованию в нормативно-правовых актах и правовой литературе понятия публичных интересов [\[10\]](#). Однако такой взгляд в науке не является популярным, и другие правоведы активно рассматривают данную тему.

При этом данная тема достаточно обширна и имеет множество дискуссионных вопросов, включая вопрос о соотношении понятий «публичные интересы», «государственные интересы», «общественные интересы», а также вопрос о содержании этих понятий. Детально рассматривать данную тематику в настоящей статье мы не будем, но дадим определение публичным интересам исходя из тех видов интересов, которые многие правоведы вкладывают в это понятие и цели их удовлетворения. Так под публичным интересом мы понимаем необходимую потребность государства, общества, в том числе большой социальной группы, для их стабильного существования и развития, которая признается государством и соответственно обеспечивается правом.

Важной категорией в финансово-правовой науке является публичные финансы, так как именно на них направлено регулирование данной отрасли права и в зависимости от понимания публичных финансов определяется широта предмета регулирования финансового права.

В науке существует несколько позиций по определению понятия публичных финансов. Согласно одной из них под публичными финансами следует понимать исключительно централизованные публичные денежные фонды, то есть бюджеты всех уровней, а также государственные внебюджетные фонды.

Другая позиция исходит из того, что к публичным финансам следует относить не только бюджетные и внебюджетные фонды, но финансы государственных корпораций, публичных компаний, а также иные организации с государственным участием. При таком широком подходе также нет единого мнения о денежных фондах, которые можно отнести к публичным финансам, а также о критериях их отнесения к таким финансам. Например, Карасева М. В. считает, что отношения в сфере публичных финансов можно разделить на две группы. «Во-первых, это отношения, возникающие в ходе финансовой деятельности государства и муниципальных образований. Во-вторых, это отношения, возникающие в ходе финансовой деятельности иных субъектов, реализующих публичные интересы в силу задач, возложенных на них государством.» [\[11\]](#). Таким образом, Карасева М. В. для определения содержания публичных финансов и отнесения определенных фондов к данной категории исходит из критерия наличия у субъекта публичного интереса. Похожий подход к определению публичных финансов выражала Саттарова Н.А.: «публичные финансы - совокупность бюджетных средств и государственных средств, определенных правом собственности публично-правовых образований, за счет которых и решаются задачи государства.» [\[12\]](#).

Также схожей позиции придерживается Селюков А.Д., по его мнению, «есть основания расширить сферу применения понятия «публичные финансы», включив в него не только денежные фонды, принадлежащие на праве собственности государству и муниципальным образованиям, но также денежные средства, закрепленные за Центральным банком РФ, государственными корпорациями.» [\[13\]](#). Кроме этого, в понятие публичных финансов

Селюков А.Д. предлагал включать финансы унитарные предприятия, государственные (муниципальные) учреждения, различные юридические лица с государственным участием, как например, ОАО «РЖД», и даже религиозные и общественные организации, которые представляют интересы любого члена общества. Данное предложение обосновывалось направленностью деятельности таких организаций, которая заключается в удовлетворении публичных интересов.

Вторая позиция относительно публичных финансов представляется более соответствующей настоящей экономической действительности, при которой не только государственные и муниципальные образования непосредственно через свои бюджеты осуществляют публичную финансовую деятельность, которая направлена на удовлетворение общественного (публичного) интереса. Вместе с тем считаем, что мнение Карасевой М. В. о критерии возложения государством решения публичных задач на негосударственных субъектов сужает возможную область финансовых отношений, которую регулирует финансовое право. Но в тоже время позиция Селюкова А.Д. о широком понимании публичных финансов, основывающейся только на критерии реализации публичного интереса в деятельности субъектов, представляется нам излишней и приводящей к сильному размыванию границ между частными и публичными финансами, так как многие организации, деятельность которых осуществляется в публичном интересе, создаются лицами на свои частные денежные средства, на которые государство (муниципалитеты) не имеют прав владения, пользования и распоряжения, в связи с чем не могут быть предметом публичной финансовой деятельности.

В связи с вышеуказанным, считаем необходимым добавить также критерий отнесения к публичным финансам денежные фонды негосударственных субъектов, а именно критерий возможности государственных и муниципальных органов управлять, то есть распоряжаться такими финансами. На основании такого подхода к публичным финансам следует относить государственные и муниципальные бюджеты, государственные внебюджетные фонды, а также негосударственные (децентрализованные) денежные фонды, в которых доля государственного или муниципального участия позволяет в том или ином виде распоряжаться финансовыми ресурсами.

Как нам представляется, вторая позиция относительно понимания публичных финансов в современных условиях является более предпочтительной, так как с момента внедрения в российскую экономику рыночных механизмов многие организации осуществляют значимые для общества и государства виды деятельности, в связи с чем государство или муниципалитеты имеют долю участия в их уставном капитале более 50%, что позволяет им управлять такими организациями, в том числе и финансовыми ресурсами. Так, ПАО «Газпром», в уставном капитале которого в совокупности Российская Федерация имеет долю участия больше 50%, осуществляет общественно значимую деятельность, связанную с добычей и сбытом газа и нефти, а также выполнение не менее социально значимых проектов.

Таким образом, описанное понимание публичных финансов позволит обосновано и точно определить виды закупок и субъектов, проводящих их, в сферу регулирования финансового права.

На основании вышеизложенного возможно определить критерии отнесения отношений возникающих при осуществлении закупок к предмету регулирования финансового права. К таким критериям, по нашему мнению, следует отнести наличие публичного интереса в осуществлении закупок, а также реализацию через закупочные процедуры публичных финансов.

Данные закупки являются одним из важнейших инструментов для обеспечения государственных и муниципальных органов товарами, работами и услугами, что позволяет им стабильно осуществлять свои публичные функции и выполнять возложенные на них задачи. Также через данный вид закупок и их регулирование государство имеет возможность оказывать необходимое воздействие на экономику.

При этом через государственные и муниципальные закупки на обеспечение государственных и муниципальных органов, а также иных субъектов расходуются бюджетные средства. В связи с этим в рамках финансового права исследователи рассматривают государственные и муниципальные закупки как часть бюджетного права в рамках института расходования бюджетных средств. Так в своем диссертационном исследовании Маркеловым К.Б. была выявлена природа государственных и муниципальных закупок как института бюджетного права [\[14\]](#).

Также стоит отметить, что основы проведения таких закупок закреплены в статье 72 Бюджетного кодекса Российской Федерации. По этой причине некоторые правоведы рассматривают бюджетно-правовую природу государственных и муниципальных закупок. Так, например, Юдин В.А. отмечает: «Несмотря на междисциплинарность исследуемой темы, природа контрактной системы имеет приоритетный бюджетно-правовой характер, поскольку предпосылки создания института государственных закупок связаны с удовлетворением потребностей публично-правовых образований за счет бюджетных средств, а также с повышением эффективности расходов бюджетов бюджетной системы Р Ф » [\[15\]](#). С данным мнением сложно не согласиться, ведь действительно государственные и муниципальные закупки в первую очередь осуществляются в целях максимально эффективного, использования средств бюджетов всех уровней, то есть за минимальный размер используемых средств получить необходимые и качественные товары, работы и услуги без потерь таких средств в связи с злоупотреблениями должностных лиц. В связи с этим, развитие и совершенствование законодательства о контрактной системе необходимо для повышения эффективности расходования бюджетных средств.

Несмотря на достаточно большое количество научных работ в области финансового права по теме закупок, исследователи не рассматривают закупки, проводимые в соответствии с Законом о закупках отдельными юридическими лицами, и в связи с чем данный вид закупок остается в не рамок финансово-правовой науки. Однако на наш взгляд осуществляемые закупочные процедуры в соответствии с Законом о закупках отдельными юридическими лицами необходимо рассматривать с точки зрения финансового права, что в дальнейшем позволит усовершенствовать правовое регулирование таких закупок, а также повысить эффективность их проведения.

Вместе с тем, может возникнуть вопрос: возможно ли включать в специфический предмет финансового права закупки товаров, работ и услуг отдельными юридическими лицами? Используя все критерии отнесения тех или иных видов закупок к финансовому праву, о которых говорилось ранее, думается, что мы можем говорить о распространении финансово-правового регулирования на этот вид закупок. Далее будет продемонстрирована связь критериев и отношений, возникающий при проведении закупок отдельных юридических лиц.

Прежде всего необходимо раскрыть субъектный состав правоотношений, возникающих при проведении рассматриваемых закупок. Так, согласно Закону о закупках отдельными юридическими лицами к заказчикам относятся:

- государственные корпорации, государственные компании, публично-правовые компании, субъекты естественных монополий, организации, осуществляющие регулируемые виды деятельности в сфере электроснабжения, газоснабжения, теплоснабжения, водоснабжения, водоотведения, очистки сточных вод, обращения с твердыми коммунальными отходами, автономные учреждения, хозяйственные общества, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования в совокупности превышает пятьдесят процентов;
- дочерние хозяйственные общества вышеуказанных субъектов, в уставном капитале которых более пятидесяти процентов долей в совокупности принадлежит вышеуказанным юридическим лицам, а также их дочерним хозяйственным обществам, если их доля в уставном капитале также составляет более пятидесяти процентов;
- бюджетные учреждения;
- государственные и муниципальные унитарные предприятия.

Соответственно требования Закона о закупках отдельными юридическими лицами и проведении закупочных процедур распространяются по общему правилу на юридические лица, в которых принимают участие в размере превышающим 50 % государство или муниципальные образования, в том числе в лице своих органов, а также бюджетные учреждения и унитарные предприятия, которые в ходе закупок расходуют собственные, а не бюджетные средства. Однако стоит отметить, что в некоторых случаях обязанность по проведению закупок распространяется на лица, доля участия государства или муниципалитетов менее 50%, к ним относятся естественные монополии и ресурсоснабжающие организации при соответствии дополнительным критериям, и за ранее определим, что проводимые закупки и соответственно порождающие этим правоотношения данными лицами мы не относим к сфере действия финансового права, так как хоть установление обязанности проведения ими закупок преследует публичный интерес, но финансовые ресурсы таких организации нельзя отнести к публичным финансам в связи с отсутствием контроля государства из-за недостаточной доли участия в уставном капитале.

Таким образом, в сферу регулирования финансового права входят денежные фонды следующих лиц: государственные корпорации, государственные компании, публично-правовые компании, бюджетные учреждения, государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также субъекты естественных монополий, занимающихся определенными видами деятельности и хозяйственные общества, их дочерние организации с участием в уставном капитале свыше 50%.

Важно отметить, что государство в целом осуществляет достаточно сильное воздействие на деятельность данной группы юридических лиц. Данное воздействие реализуется, в том числе на уровне правового регулирования, так, например, устав ОАО «РЖД», в котором содержатся общие правила осуществления деятельности, ее цели и задачи, а также иные аспекты, утвержден постановлением Правительства РФ от 27.10.2021 № 1838 «Об утверждении устава открытого акционерного общества «Российские железные дороги». Возникновение и осуществление деятельности государственных корпораций, их цели, полномочия и др. основывается на специальных федеральных законах, посвященных определенным государственным корпорациям, как Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», которая создана и действует на основании федерального закона «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» от

01.12.2007 № 317-ФЗ.

Кроме этого, воздействие государства, в том числе и муниципалитетов, на деятельность рассматриваемых юридических лиц осуществляется через свое участие. Согласно ст. 65.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - Гражданский кодекс РФ) высшим органом управления хозяйственного общества является общее собрание участников этого общества. При этом по общему правилу согласно ст. 181.2 Гражданского кодекса РФ решение общего собрания принимается большинством голосов, которое в том числе зависит от той части доли участия в обществе, то есть более для единоличного принятия решения необходимо более 50% участия в уставном капитале хозяйственного общества.

При этом в соответствии со ст. 65.3 Гражданского кодекса РФ по общему правилу к компетенции общего собрания в частности относится: определение приоритетных направлений деятельности корпорации, принципов образования и использования ее имущества, утверждение и изменение устава корпорации утверждение годовых отчетов и бухгалтерской (финансовой) отчетности корпорации и др. Также стоит отметить, что гражданское и корпоративное право характеризуется диспозитивностью регулирования, в связи с этим учредительным документом могут быть предусмотрены дополнительные вопросы, разрешение которых входит в компетенцию общего собрания.

Так как участие публично-правовых образований в таких лица свыше 50%, то согласно положениям гражданского и корпоративного права такое участие позволяет беспрепятственно управлять такими организациями, а именно принимать самые важные решения относительно деятельности юридического лица, принимать и изменять устав, назначать людей на высокие управленческие должности, которые занимаются непосредственным управлением, а также осуществлять иные важные функции в том числе и общее распоряжение имуществом, включая денежные фонды таких юридических лиц.

Определив субъектный состав заказчиков, осуществляющих закупки по Закону о закупках отдельными юридическими лицами, перейдем к аргументам отнесения этого вида закупок к предмету финансового права.

Одним из выделенных нами критериев является публичный интерес, в связи с чем рассмотрим, как он реализуется в рамках закупок отдельными видами юридических лиц.

Ранее мы определили, что к заказчикам по Закону о закупках отдельными юридическими лицами относятся лица, которые полностью принадлежат Российской Федерации или доля участия государства больше 50%. При этом участие публично-правовых образований в данных юридических лицах по общему правилу необходимо в связи с их общественно значимой деятельностью. Например, ОАО «РЖД» единственная организация, которая обеспечивает железнодорожное сообщение по всей территории России, что важно, как для граждан, так для предпринимателей, а также для самого государства, или Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», которая реализует государственную политику по использованию и развитию атомной энергетики. Проведение закупок такими лицами позволяет осуществлять строительство общественно и государственно важных объектов, реализацию стратегически необходимых проектов, приобретение товаров и услуг нужных для стабильного функционирования таких лиц.

Поэтому эффективное обеспечение товарами, работами и услугами для стабильного осуществления деятельности таких лиц необходимо для стабильного функционирования государства и общества, в связи с этим закупки отдельными юридическими лицами

входит в публичный интерес, и соответственно требует особого правового регулирования со стороны государства. Следовательно, регулирование закупок товаров, работ и услуг отдельными юридическими лицами имеет публичный характер.

Следующим критерием является реализация публичных финансов через закупки и поэтому необходимо ответить на вопрос: входят ли в понятие публичных финансов денежные средства ранее указанных лиц?

Исходя из придерживаемой нами позиции относительно понимания публичных финансов, которая заключается в том, что к публичным финансам относятся денежные фонды, денежными средствами которых может управлять и распоряжаться государство. Так как заказчики, проводящие закупки согласно Закону о закупках отдельными юридическими лицами, по общему правилу имеют долю участия публично-правовых образований свыше 50%, которая дает право управлять, распоряжаться и регулировать, в том числе финансовые потоки в таких организациях, то финансы таких организаций возможно отнести к публичным и соответственно это означает, что правоотношения по управлению такими финансами, в том числе их расходование, входит в сферу регулирования финансового права.

Таким образом, учитывая, что через проводимые закупки в соответствии с Законом о закупках отдельными юридическими лицами достигается публичный интерес, а также расходуются публичные финансы, то часть правового регулирования данного вида закупок имеет финансово-правовой характер.

Вместе с тем рассматриваемые юридические лица по сравнению с государственными и муниципальными органами, проводящими закупки в соответствии с Законом о контрактной системе, обладают большей автономностью, в связи с чем распространение данного закона, который характеризуется большой императивностью на всех этапах, на них будет слишком излишней, так как может повлечь снижение эффективности закупок, но в то же время излишняя диспозитивность в закупках отдельных юридических лиц влечет повышенный риск злоупотреблений и неэффективное расходование финансов таких юридических лиц. Таким образом, регулирование закупочной деятельности юридических лиц с государственным участием должно стоять на балансе императивности и диспозитивности в закупочной деятельности. В настоящее время, на наш взгляд, законодатель в Законе о закупках отдельными юридическими лицами отдает предпочтение диспозитивному методу регулирования.

Заключение

По результатам рассмотрения правовой природы публичных закупок в российском законодательстве можно сделать следующие выводы.

На основе анализа доктринальных положений относительно предмет финансового права было обосновано применение широкого подхода к пониманию публичных финансов, одного из центральных понятий данной отрасли. Так к публичным финансам относятся не только бюджетные средства, но и средства денежных фондов организаций, которые находятся под контролем Российской Федерации, ее субъектов и муниципалитетов.

На основании вышеуказанного понимания публичных финансов обоснована финансово-правовая природа закупок, проводимых в соответствии с Законом о закупках отдельных юридических лиц организациями, деятельность которых находится под управлением публично-правовых образований.

Также выделен круг субъектов, осуществляющие закупочную деятельность и на которые распространяется регулирование норм финансового права.

Включение в сферу финансового права закупок, которые проводятся лицами, распоряжение финансами которых находится под контролем Российской Федерации, ее субъектов или муниципальных образований, в дальнейшем позволит развивать законодательство в соответствии с задачами финансово-правового регулирования, что в перспективе усовершенствует эффективность расходование финансов вышеуказанных лиц.

Библиография

1. Кикавец В.В. Правовое регулирование финансового обеспечения публичных закупок в России // Финансовое право. 2021. № 4. С. 17-26. DOI: 10.18572/1813-1220-2021-4-17-26 EDN: DGIMVV.
2. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. – С. 38. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/read-id=462762&page=38>. – Режим доступа: по подписке.
3. Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник / Ю.А. Крохина. – 6-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. – С. 59. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/read-id=449125&page=59>. – Режим доступа: по подписке.
4. Финансовое право: учебник для вузов / под ред. Г. Ф. Ручкиной. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 334 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-20575-6. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 57 – URL: <https://urait.ru/bcode/566225/p.57>.
5. Финансовое право: учебник для вузов / под ред. Е. М. Ашмариной. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 372 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18443-3. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 46 – URL: <https://urait.ru/bcode/560038/p.46>.
6. Тихомиров Ю.А. Публичное право: учебник для вузов / Ю.А. Тихомиров. – Москва: Бек, 1995. – 486 с.
7. Глазунова И.В., Маслов К.В. Публичный интерес как основа обеспечения финансовой безопасности // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 867-879. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).867-879. – EDN AWJCPZ.
8. Фиогентова О. Е., Ломаев А. Ю. Критерии разграничения публичного и частного интересов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – № 2. – С. 17-24. – EDN SGYDHL.
9. Ергашев Е. Р., Панкова А. А. Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2020. – № 2. – С. 53-60. DOI: 10.34076/2219-6838-2020-2-53-60. – EDN WKAPVJ.
10. Малинова А.Г. Публичные интересы: история, теория и аргументы против использования этого термина в российском законодательстве // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 65-84. DOI: 10.34076/20713797_2023_1_65. – EDN: XAVGNZ.
11. Карасева М. В. О предмете финансового права в современных условиях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 4(39). – С. 187-199. – EDN YVWVAK.
12. Саттарова Н.А. Дезорганизация публичных финансов как угроза финансовой безопасности // Финансовое право. 2022. № 11. С. 7-10. DOI: 10.18572/1813-1220-2022-11-7-10. – EDN: VUNIBT.

13. Селюков А. Д. Структура публичных финансов в контексте обеспечения публичных интересов (правовые аспекты) // Публичные финансы в XXI веке: сборник научных статей, Москва, 18 декабря 2014 года / под ред. А.Д. Селюкова и В.А. Слепова. – Москва: Издательство "Русайнс", 2017. – С. 170-182. – EDN XAQRKD.

14. Маркелов К.Б. Государственные и муниципальные закупки как институт бюджетного права: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14. – Москва, 2012. – 18 с. [Место защиты: Рос. акад. правосудия].

15. Юдин В.А. Бюджетно-правовая природа контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.04. – Москва, 2021. – 22 с. [Место защиты: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации].

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Место публичных закупок в финансовом праве»

Предмет исследования - определение места и границ правового регулирования публичных закупок в системе финансового права. Автор фокусируется на анализе возможности и необходимости распространения финансово-правового регулирования не только на закупки по 44-ФЗ (бюджетные средства), но и на закупки отдельных юридических лиц по 223-ФЗ, аргументируя это через призму категорий «публичный интерес» и «публичные финансы».

Методология исследования

В статье декларируется использование общенаучных методов (анализ, синтез) и частнонаучных подходов. Фактически применяется формально-логический анализ правовых норм и сравнительно-правовой метод для сопоставления различных доктринальных позиций (Химичева, Крохина, Ручкина, Карасева и др.). Методология направлена в основном на теоретическое обоснование авторской позиции.

Актуальность темы обоснована убедительно. Автор верно указывает на расширение предмета финансового права в условиях современной экономики и на пробел в науке, связанный с отсутствием финансово-правового анализа закупок по 223-ФЗ. Вопрос о том, какие фонды денежных средств и связанную с ними деятельность следует относить к сфере публичных финансов, является одним из центральных и дискуссионных в современной финансово-правовой доктрине.

Научная новизна заключается в попытке системного обоснования финансово-правовой природы закупок по 223-ФЗ для определенного круга заказчиков. Автор предлагает оригинальную связку двух критериев для отнесения отношений к предмету финансового права: 1) наличие публичного интереса в деятельности заказчика и 2) возможность публично-правового образования управлять (распоряжаться) его фондами денежных средств в силу преобладающей доли участия (>50%). На наш взгляд, это удачная конструктивная попытка решить проблему размыwania границ между публичными и

частными финансами.

Стиль, структура, содержание

Стиль научный, в целом соблюден. Однако текст избыточно описателен и многословен, особенно в части пересказа известных доктринальных позиций.

Структура логичная: введение, постановка проблемы, анализ понятий «предмет финансового права», «публичный интерес», «публичные финансы», применение критериев к закупкам по 223-ФЗ, выводы.

Содержание чёткое. Продемонстрировано хорошее знакомство автора с доктриной. Сильной стороной является последовательный концептуальный анализ. Однако после теоретического обоснования неясно, какие конкретные меры законодательного или организационного характера предлагает автор для «совершенствования правового регулирования» и «повышения эффективности».

Библиография

Список литературы обширен (15 источников) и включает современные, монографии, статьи и учебники, в том числе в авторитетных изданиях. Используются актуальные источники 2024-2025 гг. Это свидетельствует о проведенной серьезной работе с литературой. Можно отметить небольшой дисбаланс в пользу учебной литературы, но это допустимо для обоснования места публичных закупок в системе финансового права.

Апелляция к оппонентам

Автор активно и корректно апеллирует к различным научным позициям, что является основой статьи. Он не просто их перечисляет, а использует для формирования собственной аргументации. Например, полемизирует с узким (бюджетным) и чрезмерно широким (Селюков А.Д.) пониманием публичных финансов, предлагая компромиссный критерий контроля. Диалог с оппонентами выстроен корректно и содержательно.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы сформулированы корректно, но носят обобщающий характер и по сути повторяют основную гипотезу. Не хватает раздела с конкретными рекомендациями, вытекающими из проведенного анализа. Видимо автор планирует написать отдельную статью по практике применения действующего законодательства и предложениям по его совершенствованию.

Статья представляет определенный интерес для учёных-юристов, специализирующихся на финансовом и административном праве, а также для аспирантов и магистрантов. Она может быть полезна законодателям и регуляторам (Минфин России, ФАС России) как теоретическая основа для возможного пересмотра подходов к регулированию закупочной деятельности госкомпаний и корпораций с государственным участием.

Общий вывод

Статья представляет собой добротное, теоретически насыщенное исследование, вносящее вклад в дискуссию о границах финансового права. Автор демонстрирует глубокое понимание проблемы и способность к системному анализу. Однако имеется некоторый дисбаланс между сильной теоретической частью и отсутствием конкретных предложений по совершенствованию законодательства. Автору рекомендуется написать отдельную статью, посвященную возможным направлениям изменения регулирования закупок по 223-ФЗ с учетом обоснованной финансово-правовой природы этих отношений (например, усиление финансового контроля, унификация отдельных процедур с 44-ФЗ для «публичных» заказчиков и т.п.).

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Блещик А.В. Правовая экспертиза нормативных актов в обеспечении конституционно-правовой коммуникации

// Юридические исследования. 2025. № 12. С. 46-55. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77452 EDN: QALXZL

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77452

Правовая экспертиза нормативных актов в обеспечении конституционно-правовой коммуникации

Блещик Александр Владимирович

ORCID: 0000-0001-9166-4432

кандидат юридических наук

доцент; кафедра конституционного права; Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

620137, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21



✉ bleszczyk@yandex.ru

[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77452

EDN:

QALXZL

Дата направления статьи в редакцию:

19-12-2025

Дата публикации:

26-12-2025

Аннотация: Предметом настоящей статьи являются отношения, возникающие в системе публичной власти в связи с функционированием отдельных ее институтов, охватываемые также понятием «конституционно-правовая коммуникация». Автором предлагается рассмотреть проблематику конституционно-правового диалога в системе публичной власти на примере нормотворческой деятельности, а точнее законотворчества. Конституционно-правовая коммуникация в системе публичной власти осуществляется с применением ряда разнообразных правовых и политических инструментов, особое место среди которых занимает правовая экспертиза нормативных правовых актов, представляющая собой устойчивую сформировавшуюся юридическую практику, нацеленную на определение качества принимаемых правовых актов. Задача

исследования состоит в том, чтобы описать параметры этого инструмента, показать, какие функции могут выполнять органы публичной власти, применяя правовую экспертизу, а также ответить на вопрос, каким образом правовая экспертиза может влиять на повышение эффективности конституционно-правовой коммуникации между институтами публичной власти. В качестве методологического подхода к исследованию заявленной темы избрана коммуникативная концепция права, согласно которой правовая реальность может интерпретироваться коммуникативно. Предложенный подход дает возможность рассматривать привычные правовые инструменты в коммуникативном контексте, позволяет выявлять функциональные особенности правовой экспертизы как инструмента, обеспечивающего конституционно-правовой диалог, общение субъектов права в системе публичной власти. Изучение роли правовой экспертизы в обеспечении конституционно-правовой коммуникации позволило прийти к выводу, что правовая экспертиза служит средством выполнения органами публичной власти ряда разнообразных функций, к которым, в частности, относятся контрольная (надзорная) функция; юрисдикционная функция; квалифицирующая функция; блокирующая функция; консультативная функция. Кроме того, было показано, как практика правовой экспертизы выступает способом предупреждения и разрешения разногласий, возникающих в системе органов публичной власти, что проявляется в четырех основных аспектах. 1. Применяя правовую экспертизу, субъекты конституционно-правовых отношений могут аргументированно выражать собственные правовые позиции по спорным вопросам. 2. Инструменты правовой экспертизы позволяют формулировать предложения по преодолению конституционных конфликтов. 3. Формулирование противоречий, осуществляемое в ходе правовой экспертизы, является способом профилактики конфликтов. 4. Правовой мониторинг и анализ экспертной практики позволяют органам публичной власти заранее выявлять и обозначать потенциально конфликтогенные области.

Ключевые слова:

коммуникативная концепция права, конституционно-правовая коммуникация, конституционно-правовой диалог, коммуникативный конституционализм, система публичной власти, единство правового пространства, конституционные конфликты, экспертиза нормативных актов, нормотворчество, законотворческий процесс

С точки зрения коммуникативной концепции, право рождается во взаимодействии субъектов, участников коммуникации. А.В. Поляков, один из основоположников отечественной коммуникативной теории права, например, определяет право как «основанный на социально признанных и общеобязательных нормах коммуникативный порядок отношений, субъекты которого обладают взаимообусловленными правомочиями и обязанностями» [\[1, с. 10\]](#). Право при таком подходе – это не только система общеобязательных и формально определенных норм, но система отношений, коммуникаций между субъектами.

С учетом этого конституционное право можно легко представить себе в виде диалога между гражданами, их объединениями и обществом в целом с государством в том числе по поводу формирования и функционирования системы публичной власти. Участники этого конституционно-правового диалога (как и любого другого диалога) имеют свои потребности, интересы и цели, а также установленные юридические формы, в рамках которых происходит удовлетворение соответствующих потребностей и достижение

соответствующих целей.

Конституционно-правовой диалог наиболее интенсивно протекает между публично-правовыми институтами и гражданами. К наиболее динамично развивающимся предметным областям коммуникативного конституционализма И.А. Кравец, например, относит «сферу разработки и обсуждения общественных инициатив, проектов нормативных правовых актов; сферу делиберативного участия на различных уровнях организации публичной власти (в том числе инициативные проекты, правотворческие инициативы граждан, участие в общественных палатах и общественных советах)» [\[2, с. 46\]](#). В особых процессуальных формах и при помощи специальных правовых и политических инструментов (процедур и практик) осуществляется диалог внутри системы публичной власти, между ее институтами, к числу которых относятся органы государственной власти и органы местного самоуправления. Мы рассмотрим применение таких процедур и практик на отдельном участке конституционно-правовой коммуникации – коммуникации в сфере законотворчества (по поводу установления новых юридических норм).

Какие инструменты могут быть использованы для организации и обеспечения эффективного конституционно-правового диалога в этой сфере?

Во-первых, это право законодательной инициативы, которое позволяет субъекту конституционно-правовых отношений вступить в конституционно-правовой диалог с начальным исходящим сообщением (а также производное от права законодательной инициативы право вносить поправки к законопроектам); во-вторых, это предварительный конституционный нормоконтроль, осуществляемый в отдельных случаях Конституционным Судом Российской Федерации по запросу Президента Российской Федерации; в-третьих, это квалифицированная оценка законодательной инициативы уполномоченными органами.

Такая оценка может даваться в различных формах, это может быть принятие закона в соответствии с парламентской процедурой Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. Актом принятия нижняя палата российского парламента выражает свое согласие с предложенной инициативой. Аналогичным образом, по сути, действует Совет Федерации, одобряя принятый федеральный закон, и Президент, подписывая его.

При этом квалифицированная оценка инициативы также может даваться путем реализации права «вето» Президентом. Согласно части 3 статьи 107 Конституции России Президент Российской Федерации в течение четырнадцати дней с момента поступления федерального закона вправе отклонить его. При этом институт президентского вето (его инструментальные аспекты) довольно слабо разработан в российской законотворческой практике. Как отмечает в связи с этим О.А. Фомичева, «исключительные полномочия Президента РФ на завершающей стадии законотворческого процесса следует детально проработать и урегулировать порядок их реализации во внутрипарламентских процедурах» [\[3, с. 273\]](#).

Наконец, квалифицированная оценка инициативы осуществляется и в форме дачи заключения органа, например, согласно части 3 статьи 104 Конституции России законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской

Федерации.

Кроме того, в соответствии со статьей 26 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»^[1] Правительство Российской Федерации может направлять в палаты Федерального Собрания официальные отзывы на рассматриваемые палатами Федерального Собрания федеральные законы и законопроекты. Конечно, правовые последствия дачи заключения (направления отзыва) на проект закона и принятия закона различны, но и в том, и в другом случае в соответствии с полномочиями государственного органа объективируется его мнение относительно конкретной нормотворческой инициативы.

Заключение уполномоченного органа представляет собой формализованный результат квалифицированной оценки проекта нормативного правового акта. Эта оценка может даваться по результатам проведения правовой экспертизы или экономического анализа такого проекта. Иными словами, можно сказать, что правовая экспертиза, обеспечивающая субъектам конституционно-правовых отношений возможность аргументированно критиковать принимаемые другими субъектами регулятивные решения или, наоборот, солидаризироваться с ними, является одной из практик, используемых для выстраивания конституционно-правового диалога в системе публичной власти.

Рассмотренные выше примеры связаны с федеральным законотворческим процессом, хотя понятно, что правовая экспертиза используется в конституционно-правовом диалоге не только по поводу создания норм федеральных законов. Правовая экспертиза осуществляется и в подзаконном нормотворчестве, она опосредует общение между различными уровнями публичной власти (например, между органами прокуратуры и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в рамках надзора за соблюдением норм федерального законодательства).

Правовая экспертиза в коммуникации между уровнями публичной власти. Органы, относящиеся к каждому из существующих уровней публичной власти, наделены нормотворческими полномочиями. Причем поскольку нормотворчество осуществляется в рамках единого правового пространства, субъекты этой деятельности должны применять общие подходы к созданию юридических норм и поддерживать системность правового регулирования. Как отмечает В.Б. Евдокимов, «единство правового пространства означает предопределенное Конституцией Российской Федерации положение согласованности, соотносимости и соподчиненности правовых норм, основанное на их юридическом верховенстве»^[4, с. 11]. Обеспечение единства правового пространства возложено на федеральные государственные органы, в том числе на органы прокуратуры Российской Федерации.

Согласно Конституции прокуратура Российской Федерации представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. В рамках надзорной деятельности в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»^[2] прокурор приносит протесты на противоречащие закону правовые акты в орган или должностному лицу, которые издали эти акты, либо в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу, либо обращается в суд. Протест прокурора обычно завершается требованием исключить из правового акта дефектные положения, внести изменения, направленные на восполнение

пробелов в правовом регулировании, привести отдельные положения в соответствие с федеральным законодательством, исключить коррупциогенные факторы.

В ряду условий поддержания единства правовой системы государства И.Н. Барциц называет «наличие... юридических механизмов, устанавливающих разграничение полномочий между Федерацией и ее субъектами, а также способы устранения возникающих противоречий» [5, с. 63]. Одним из таких способов можно считать и правовую экспертизу. Так, на выводах, полученных в результате проведенной правовой экспертизы, основывается квалифицированная оценка правового акта прокурором. Элементы порядка проведения правовой экспертизы органами прокуратуры определяются в том числе приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 31.08.2023 № 584 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» [3]. Согласно этому приказу решение задач прокуратуры в сфере правотворческой деятельности осуществляется в том числе посредством изучения проектов нормативных правовых актов, подготовки и направления замечаний и предложений (заключений) в случае несоответствия проектов нормативных правовых актов федеральному и региональному законодательству, наличия коррупциогенных факторов и нарушений правил юридической техники.

Несколько иначе строится правовая коммуникация в сфере нормотворчества между региональной государственной и муниципальной властью. Одним из аспектов взаимоотношений органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере нормотворчества является регистрация муниципальных нормативных правовых актов. Для этой цели статьей 55 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [4] предусматривается создание федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов, который состоит из аналогичных регистров субъектов Российской Федерации. Практическая польза регистра муниципальных актов заключается во внешнем контроле за муниципальным нормотворчеством и профилакировании возможных в этой сфере дефектов.

Региональные регистры организуются и ведутся органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядках, установленных региональными законами. В российских регионах используются различные модели организации деятельности по ведению регистров (подробнее см. [6]), например, в Свердловской области согласно Закону от 26 декабря 2008 г. № 145-ОЗ «Об организации и ведении Свердловского областного регистра муниципальных нормативных правовых актов» [5] государственным органом, уполномоченным в сфере ведения регионального регистра, является Правительство Свердловской области. Реализацию соответствующих полномочий Правительства обеспечивает Аппарат Губернатора и Правительства Свердловской области. Специальным подразделением Аппарата с целью определения соответствия документов, включаемых в регистр, федеральному и областному законодательству, а также уставам муниципальных образований проводится правовая экспертиза муниципальных нормативных актов.

Методика рассматриваемой правовой экспертизы среди прочего предусматривает:

– правовую оценку формы муниципального нормативного правового акта, его целей и задач, предмета правового регулирования, компетенции органа, принявшего

муниципальный нормативный правовой акт, достаточности правового регулирования общественных отношений;

– анализ содержащихся в муниципальном нормативном правовом акте норм на предмет соответствия Конституции Российской Федерации, законодательству Российской Федерации, законодательству Свердловской области и уставу муниципального образования;

– оценку соответствия муниципального нормативного правового акта правилам юридической техники.

Как видно, реализуемая в Свердловской области методика не ограничивается проверкой соответствия исследуемых актов законодательству и иным муниципальным нормативным правовым актам – к предмету экспертизы также относится установление целей и задач правового регулирования и определение его достаточности.

В информации об исполнении Закона Свердловской области «Об организации и ведении Свердловского областного регистра муниципальных нормативных правовых актов», подготовленной Аппаратом Губернатора и Правительства Свердловской области и направленной в региональное Законодательное Собрание 05.09.2023, обозначаются основные типы ошибок и дефектов в муниципальных правовых актах, выявляемых по результатам правовой экспертизы. В частности, сообщается, что одно из основных замечаний состоит в отсутствии закрепленной в уставе муниципального образования компетенции органа местного самоуправления на принятие нормативного правового акта, что приводит к принятию актов, регулирующих одни и те же общественные отношения, разными органами местного самоуправления. Также широко распространены нарушения, касающиеся компетенции органов местного самоуправления при регулировании отношений в сфере муниципальной службы и определении статуса лиц, замещающих муниципальные должности. Проводимые по результатам правовой экспертизы анализ и обобщение нормотворческой практики органов местного самоуправления позволяет органам государственной власти выявлять наиболее проблемные сферы правового регулирования, а в последующем оказывать методическую помощь для устранения и профилактики нормотворческих дефектов.

Итак, правовая экспертиза обеспечивает нормальное течение конституционно-правового диалога, способствует коммуникации субъектов конституционного права, в том числе элементов государственного аппарата. На основании доступной экспертной практики различных государственных органов можно сделать вывод и о том, что правовая экспертиза в ходе конституционно-правовой коммуникации служит средством выполнения органами ряда разнообразных функций, обеспечивая достижение субъектами конституционно-правовых отношений своих целей.

Речь, в частности, идет о контрольной (надзорной) функции, когда правовая экспертиза используется для оценки качества правовых актов в целях недопущения дефектов в правовых актах подчиненных (поднадзорных) органов. Выводы правовой экспертизы в таком случае, например, могут быть положены в основу акта прокурорского реагирования.

Юрисдикционная функция реализуется посредством правовой экспертизы, когда на основе ее результатов принимаются судебные решения (в рамках рассмотрения дел об оспаривании нормативных правовых актов или в рамках конституционного нормоконтроля).

Квалифицирующая функция связана с использованием правовой экспертизы для вынесения квалифицированного заключения, выражения мнения органа о том или ином правовом акте (проекте правового акта). Причем в этом случае иные правовые последствия для этого правового акта по результатам экспертизы не наступают. Это можно наблюдать в деятельности Правительства Российской Федерации при подготовке им заключений на проекты федеральных законов. Такие заключения носят консультативный характер, но позволяют исполнительной власти высказывать свое аргументированное мнение по поводу проектов федеральных законов.

Иначе дело обстоит в тех ситуациях, когда на основе выводов правовой экспертизы проект правового акта отклоняется или его дальнейшее движение в цепи согласования прекращается. Реализацию этой функции, которая может быть названа блокирующей, мы рассматривали на примере президентского вето, хотя в деятельности исполнительной власти ситуации, при которых решения органов или специальных подразделений могут блокировать дальнейшее согласование проектов правовых актов, гораздо более частотны, чем реализация права вето.

Экспертиза может способствовать выполнению функции подготовки проекта правового акта. Здесь ее смысл сводится к сопровождению подготовки технически совершенного проекта внутри отдельного государственного органа (так, например, происходит при взаимодействии депутатов и Аппарата Государственной Думы). Экспертизы, связанные с реализацией этой функции, традиционно именуют внутренними экспертизами.

Еще одна функция – консультативная – реализуется в тех случаях, когда экспертиза снабжает государственные органы дополнительной аргументацией для принятия решения. Например, в случае с институтом *amicus curiae* (т.н. институтом «друзей суда») независимые эксперты помогают государственному органу (в частности, суду), при этом сама их экспертиза напрямую не влияет на судьбу правового акта или его проекта. Разумеется, нужно помнить, – и на это обращали внимание В.В. Игнатенко и А.А. Петров, когда институт *amicus curiae* применялся в конституционном судопроизводстве, – что «экспертиза в деятельности Конституционного Суда РФ выступает лишь вспомогательным инструментом, способствующим принятию законных и обоснованных судебных решений, но не подменяющих их» [\[7, с. 10\]](#).

Также нельзя не отметить, что правовая экспертиза выступает одним из способов предупреждения и разрешения разногласий, возникающих в деятельности органов публичной власти, конституционно-правовых конфликтов (о роли правовой экспертизы в разрешении правовых конфликтов подробнее см. [\[8\]](#)). Во-первых, правовая экспертиза, результатом которой, как правило, является экспертное заключение, позволяет субъекту конституционно-правовых отношений выразить собственную правовую позицию по спорному вопросу. Заключение чаще всего содержит развернутую аргументацию и конечные выводы, отражающие позицию экспертов. Во-вторых, в рамках правовой экспертизы через формулирование разногласий намечается путь к их преодолению. Например, нередко можно видеть, что в заключениях Аппарата Госдумы содержатся рекомендации по устранению выявленных дефектов [\[6\]](#). Практические рекомендации встречаются в экспертных заключениях и иных органов. В-третьих, через обсуждение и «проговаривание» разногласий по результатам правовой экспертизы участники конституционно-правового диалога профилактируют развитие конфликтов. Наконец, в-четвертых, анализ экспертной практики органов публичной власти позволяет определить конфликтогенные области (области наибольшего риска возникновения конфликтов) в правовом регулировании и конституционно-правовых отношениях, что в литературе

также именуется «конституционно-конфликтной диагностикой» [\[9, с. 136\]](#).

[\[1\]](#) СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

[\[2\]](#) СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472,

[\[3\]](#) Законность. 2023. № 11.

[\[4\]](#) СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

[\[5\]](#) Областная газета. 2008. № 414-415.

[\[6\]](#) Согласно статье 112 Регламента Государственной Думы (принят постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 № 2134-II ГД (СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801)) в случае выявления при проведении правовой экспертизы законопроектов противоречий и прочих дефектов, они должны быть названы конкретно. Кроме того, требуется дать рекомендации, как можно устранить противоречия.

Библиография

1. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. – СПб.: ООО Издательский дом "Алеф-Пресс", 2014. EDN: UXPFNS.
2. Кравец И.А. Коммуникативный конституционализм, конституционное вовлечение и гражданство в публично-правовом пространстве алгоритмического и информационного общества // Lex Russica. 2023. № 11 (204). С. 41-56. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056. EDN: ICWOCS.
3. Фомичева О.А. О полномочиях Президента России в законотворческом процессе // Конституционализм в современном государстве: итоги и перспективы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации, 30-летию юридического факультета Амурского государственного университета. Благовещенск, 2024. С. 264-273. EDN: VQDLBQ.
4. Евдокимов В.Б. Участие органов прокуратуры и конституционной юстиции в обеспечении единства правового пространства // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 7. С. 10-13. EDN: PGSKRG.
5. Барциц И.Н. Правовое пространство России: современное состояние и перспективы развития // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 3 (226). С. 54-67. EDN: TTGNMF.
6. Блещик А.В. Правовая экспертиза муниципальных правовых актов как средство реализации принципа единства системы публичной власти (на примере Свердловской области) // Муниципалитет: экономика и управление. 2023. № 3 (44). С. 58-67. DOI: 10.22394/2304-3385-2023-3-58-67. EDN: VXBBQI.
7. Правовая экспертиза в конституционном судопроизводстве [Л. В. Гаврилова и др.] / Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского. Иркутск, 2014.
8. Блещик А.В. Конституционно-правовая коммуникация в системе публичной власти на примере законопроекта об общих принципах организации местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2025. № 1 (50). С. 88-96. EDN: YESAQD.
9. Третьяк И.А. Конституционная конфликтология: монография. – М.: Проспект, 2021. DOI: 10.31085/9785392333547-2021-208. EDN: IWVOMW.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью: «Правовая экспертиза нормативных актов в обеспечении конституционно-правовой коммуникации»

1. Предмет исследования - правовая экспертиза нормативных актов как специальная юридическая практика и инструмент, обеспечивающий коммуникацию между субъектами конституционного права. Автор рассматривает экспертизу в контексте диалогической (коммуникативной) природы права, фокусируясь на ее роли во взаимодействии между институтами публичной власти (федеральный, региональный, муниципальный уровни), а также между властью и обществом в законотворческом процессе.

2. Методология исследования

В основе работы лежит коммуникативный подход к праву, опирающийся на труды А.В. Полякова и И.А. Кравец. В рамках этого подхода применяется комплекс методов: структурно-функциональный анализ для выявления и классификации функций правовой экспертизы; институциональный анализ для изучения экспертизы в деятельности конкретных государственных органов; сравнительно-правовой метод для сопоставления практик экспертизы на разных уровнях власти; формально-юридический метод для анализа нормативных оснований проведения экспертизы.

3. Актуальность исследования обусловлена усилением внимания к качеству правотворчества и проблемам правового единства в федеративном государстве, а также развитием идей коммуникативной юриспруденции и теории правового диалога. Статья посвящена правовой экспертизе как социально-коммуникативной процедуре, обеспечивающей согласованность правовой системы.

4. Научная новизна статьи заключается в рассмотрении правовой экспертизы благодаря конституционно-правовой коммуникации.

5. Стил, структура и содержание

Статья написана научным, четким и логичным языком. Структура является ясной и последовательной. Содержание глубоко проработано, демонстрирует отличное знание автором как теоретической базы, так и практики (включая региональную). Работа хорошо аргументирована, выводы следуют из проведенного анализа.

6. Библиография

Список литературы современен. Библиография свидетельствует о комплексном освоении темы и обеспечивает надежную основу для исследования.

7. Апелляция к оппонентам

Автор косвенно полемизирует взглядом на правовую экспертизу, рассматривающим ее лишь как технико-юридическую проверку. Позиция статьи заключается в том, что экспертиза — это содержательный элемент правового диалога, форма обмена аргументами и выработки согласованных решений.

8. Выводы и интерес для читательской аудитории

Выводы статьи логически завершают исследование, обобщая тезис о том, что правовая экспертиза является ключевой процедурой, обеспечивающей связность, аргументированность и предсказуемость конституционно-правового диалога. Работа представляет определенный интерес для теоретиков права, специалистов в области конституционного, муниципального права и правотворчества, законодателей и практиков.

Общий вывод.

Статья «Правовая экспертиза нормативных актов в обеспечении конституционно-правовой коммуникации» представляет собой качественное, оригинальное и актуальное научное исследование. Работа выполнена на высоком научном уровне, отличается структурной целостностью и доказательностью.

Статья рекомендуется к опубликованию в журнале «Юридические исследования».

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Арзуманян А.Э. Применение систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности прокурора: преимущества и недостатки // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77167 EDN: TIRUKC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77167

Применение систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности прокурора: преимущества и недостатки

Арзуманян Арам Эдвардович

ORCID: 0009-0001-0182-0655

кандидат юридических наук

доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»;
начальник уголовно-судебного управления прокуратуры Саратовской области

410056, Россия, Саратовская обл., г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., д. 104



✉ aearzumanyan@yandex.ru

[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77167

EDN:

TIRUKC

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2025

Дата публикации:

31-12-2025

Аннотация: Актуальность настоящего исследования обусловлена нарастающим противоречием между стремительным внедрением систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальную деятельность прокурора и отсутствием целостной теоретико-правовой модели регулирования применения подобных инновации. Этот дисбаланс создает существенные риски в реализации таких основополагающих принципов уголовного судопроизводства, как законность, состязательность и право на защиту. Предметом исследования выступает комплекс общественных отношений, формирующихся в процессе использования прокурорами при осуществлении уголовно-процессуальной

деятельности систем искусственного интеллекта, а также сопутствующие правовые и организационные проблемы. Цель работы заключается в проведении разностороннего анализа преимуществ и недостатков применения прокурорами систем искусственного интеллекта в уголовном процессе, а также в разработке на этой основе научно обоснованных предложений по формированию правового регулирования, обеспечивающего баланс между технологической эффективностью и гарантиями прав личности. В исследовании применяются методы сравнительно-правового анализа международного опыта, эмпирический анализ практики внедрения ИИ-ассистента в прокуратуре Саратовской области, а также системный и прогностический анализ различных аспектов использования прокурорами систем искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Научная новизна и практическая значимость исследования определяются характером проведенного анализа преимуществ и недостатков использования систем искусственного интеллекта в деятельности прокурора. Формируемые выводы и предложения основаны не только на теоретических изысканиях, но и на непосредственном опыте применения ИИ-ассистентов в правоприменительной практике. По итогам исследования представлены предложения по интеграции в УПК РФ норм о правовом статусе результатов применения искусственного интеллекта, порядке их фиксации и обжалования. Указывается на необходимость закрепления специальных требований по обработке, хранению и передаче данных, используемых для обучения и при эксплуатации систем искусственного интеллекта в уголовном процессе. Предложено принять закон об использовании ИИ государственными органами, в котором закрепить требования о наличии у разрабатываемых для уголовного процесса систем ИИ функции детализированного логического отчета; по обучению государственных систем ИИ на верифицированных и актуальных национальных базах данных; об осуществлении обязательного контроля со стороны государства.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, прокурор, государственное обвинение, зарубежный опыт, риски и угрозы, кибербезопасность, предвзятость искусственного интеллекта, цифровая трансформация, автоматизация

Современный этап технологической детерминации права характеризуется стремительным переходом от дискретного использования цифровых инструментов к их системной интеграции в фундаментальные процессуальные конструкции. В сфере уголовного судопроизводства это выражается в формировании новой парадигмы, где алгоритмические системы становятся не вспомогательными, а конституирующими элементами процесса доказывания и принятия решений. Однако, подобная трансформация, центром которой оказывается фигура прокурора как субъекта, ответственного за законность и обоснованность уголовного преследования, опережает становление адекватной теоретико-правовой основы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена нарастающим противоречием между стремительным внедрением систем искусственного интеллекта (СИИ) в уголовно-процессуальную деятельность и фрагментарным, латентным характером осмысления их правовых последствий. Практика эмпирической апробации систем искусственного интеллекта развивается в условиях концептуального вакуума. При этом многие исследования возможностей, перспектив и проблем использования СИИ в уголовно-

процессуальной деятельности прокурора основываются в большей мере на прогностическом анализе [1, с. 572; 2, с. 46-47; 3, с. 61-64]. Личный опыт автора настоящей статьи по использованию ИИ-ассистента государственного обвинителя в прокуратуре Саратовской области позволяет проанализировать преимущества и недостатки не только с теоретической точки зрения, но и с учетом реальной практики.

Предметом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с применением систем искусственного интеллекта для поддержки и автоматизации отдельных действий и решений прокурора в уголовном судопроизводстве, а также сопутствующие этому правовые, этические и организационные проблемы.

Цель исследования заключается в комплексном анализе потенциала и рисков применения СИИ в уголовно-процессуальной деятельности прокурора, а также в разработке на этой основе научно обоснованных подходов к оптимизации правового регулирования данных инноваций.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: провести анализ современного состояния и тенденций внедрения СИИ в уголовно-процессуальную деятельность органов прокуратуры в Российской Федерации и за рубежом; систематизировать и оценить ключевые преимущества (повышение эффективности, скорости обработки информации, минимизация рутинных ошибок, выявление латентных связей в доказательственном массиве) и недостатки (риски алгоритмических предубеждений, «черного ящика», девальвации человеческого профессионального суждения) такого применения.

Теоретико-правовые основы и направления применения систем ИИ в деятельности прокурора

На состоявшейся 19 ноября 2025 г. 10-й Международной конференции «AI Journey» («Путешествие в мир искусственного интеллекта»), организованной Сбербанком, Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что масштабное внедрение ИИ дает государству преимущества и поручил создать штаб руководства отраслью, «если мы хотим, чтобы эта работа шла уверенно» [1].

В органах прокуратуры отправной точкой для системного внедрения технологий искусственного интеллекта в прокурорскую деятельность стало утверждение Генеральным прокурором РФ в марте 2024 года соответствующего Плана на 2024–2026 годы [2]. Данный документ прямо коррелирует с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта до 2030 года [3], а также Концепцией цифровой трансформации органов прокуратуры до 2030 года, принятой в сентябре 2025 года [4].

Применение систем ИИ именно в уголовно-процессуальной деятельности прокурора обусловлено тремя фундаментальными факторами. Во-первых, экспоненциальным ростом объема информации. Только в 2024 году в органы прокуратуры поступило почти 7 млн. обращений, а количество автоматически обрабатываемых через систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) запросов с 2020 года выросло в 7,5 раз [5]. По каждому уголовному делу необходимо учитывать тысячи единиц информации. Во-вторых, усложнением криминальных схем, особенно в сфере экономических и киберпреступлений, что, как обоснованно указывает А.Ю. Чурикова, требует нетривиальных методов анализа больших данных [4, с. 48]. В-третьих, как отмечает Н.В. Спесивов, повышенными требованиями к обоснованности и эффективности

государственного обвинения в условиях усиления общественного контроля в связи с цифровизацией [\[5, с. 131-132\]](#).

Научная дискуссия о роли искусственного интеллекта в праве характеризуется плюрализмом подходов. В доктрине можно выделить несколько ключевых векторов. Одни исследователи, например, И.И. Карташов и А.Ю. Чурикова, фокусируются на функциональной классификации направлений использования ИИ: предиктивная аналитика, системы поддержки принятия решений, автоматизация документооборота [\[6, с. 359-360; 7, с. 23-24\]](#). Другие, например, Д. В. Бахтеев и С.В. Зуев [\[8, с. 65-203\]](#), а также Е. В. Рябцева, делают акцент на процессуальных стадиях, где возможно применение технологий: от досудебного производства до вынесения и исполнения приговора [\[9, с. 74-75\]](#).

В настоящее время в прокуратуре Саратовской области уже внедрен ИИ-ассистент, который применяется государственными обвинителями при подготовке к судебным заседаниям. Функционал текущей версии позволяет провести первичный анализ текстовых материалов уголовного дела. ИИ-ассистент способен производить семантический анализ протоколов допросов, очных ставок, заключений экспертов и иных документов. ИИ-ассистент по запросу сравнивает показания различных лиц (потерпевшего, подсудимого, свидетелей) по ключевым фактам (время, место, действия) и формирует для прокурора отчет с указанием конкретных страниц дела, где зафиксированы разночтения.

Основным направлением использования данного ИИ-ассистента является составление проектов процессуальных документов. На основе загруженных материалов и заданных прокурором параметров, ИИ-ассистент генерирует шаблонные проекты речи государственного обвинителя, а также иных процессуальных документов (например, проекты ходатайств).

Данный инструмент уже сейчас позволяет государственным обвинителям Саратовской области экономить время на рутинной работе и концентрироваться на выстраивании стратегии обвинения.

Обобщая теоретические воззрения и эмпирические данные, для уголовно-процессуальной деятельности прокурора можно выделить следующие, существующие в настоящее время, ключевые направления применения СИИ:

- 1) интеллектуальный анализ доказательственной базы;
- 2) проверка законности процессуальных решений и документов на соответствие УПК РФ;
- 3) автоматизированная подготовка проектов обвинительных речей, ходатайств и иных документов;
- 4) стратегическое моделирование судебного процесса (роль «виртуального спарринг-партнера»);
- 5) прогностическая аналитика для оценки перспектив дела и возможных решений суда;
- 6) обучение и повышение квалификации на основе интерактивных тренажеров.

Зарубежный опыт применения систем ИИ в уголовном процессе

Анализ зарубежной практики позволяет оценить как потенциал, так и проблемы,

возникающие при внедрении систем ИИ в уголовно-процессуальную деятельность. Анализ опыта таких стран, как США, КНР, Великобритания, Республика Корея и государств СНГ, позволяет выделить три основных сферы применения СИИ правоохранительными органами: 1) раскрытие и расследование преступлений; 2) профилактика; 3) автоматизация процессов («электронное правосудие»).

В сфере расследования показателен пример американской компании Palantir Technologies, чьи платформы создают целую аналитическую инфраструктуру, интегрируя данные из ДНК-баз, систем видеонаблюдения, перехвата коммуникаций, соцсетей и финансовых транзакций [\[10, p. 336-342; 11\]](#). Как указывают Э. Найт и А. Геккер, это позволяет выявлять сложные сетевые связи, например, при расследовании террористической деятельности [\[12, p. 233\]](#). В Великобритании бот Ravn ACE позволил Бюро по борьбе с мошенничеством за день анализировать до 600 тысяч документов по делу компании Rolls-Royce, автоматически сортируя их по важности и находя взаимосвязи [\[13\]](#).

В сфере профилактики широко применяется пространственно-временное прогнозирование. Американская программа Blue Crush [\[14, p. 450\]](#), бразильский CrimeRadar (использовался перед Олимпиадой 2016) [\[15, p. 203-205\]](#) и японская Crime Nabi [\[16, p. 480\]](#) строят «тепловые карты преступности», прогнозируя наиболее вероятные места и время совершения преступлений на основе ретроспективных данных, демографии и даже погоды [\[17\]](#).

Особого внимания заслуживает прогнозирование индивидуального преступного поведения. Американская система COMPAS (используется с 1998 г.) оценивает риск рецидива на основе 137 параметров о заключенном, включая психологические тесты. Точность прогноза – около 65%, что сопоставимо с экспертными оценками [\[18\]](#). Ее британский аналог HART помогает судам решать вопрос о мере пресечения [\[19, p. 29-30\]](#). Однако эти системы неоднократно критиковались за возможную дискриминацию и «зашитые» в алгоритмы предубеждения [\[20, p. 36-39\]](#).

В сфере «электронного правосудия» примером является китайская «Система 206», интегрированная в работу судов, МВД и прокуратуры. Она автоматически собирает все материалы дела в единую базу, анализирует показания на предмет противоречий (помечая их красным цветом), а по итогам судебного следствия дает заключение о доказанности вины, квалификации и возможном наказании [\[21\]](#). Прокуратура КНР использует ИИ-систему «Цифровой прокурор» для принятия решений по восьми наиболее распространенным видам преступлений [\[22, p. 89-90\]](#).

В странах СНГ также наблюдается активное внедрение систем ИИ в уголовно-процессуальную деятельность прокуроров. В Казахстане созданы система «Гособвинитель» для поддержки прокурора в суде и «Цифровой помощник» для следователя, формирующий планы расследования и транскрибирующий допросы [\[6\]](#). В Узбекистане утверждена Стратегия «Цифровая прокуратура-2030», предусматривающая создание Центра цифровых технологий со штатом программистов, обладающих статусом прокуроров [\[7\]](#).

Выводы из анализа международного опыта неоднозначны. С одной стороны, очевидна высокая эффективность СИИ в обработке данных, прогнозировании и автоматизации. С другой стороны, применение СИИ в уголовном судопроизводстве имеет существенные

недостатки и сопряжено с рисками. Ключевым риском, отмечаемым многими зарубежными учеными, является предвзятость алгоритмов ИИ [20, п. 36-38; 23; 24, п. 3-6]. Например, такая проблема отмечалась в работе системы COMPAS [20, п. 37]. Кроме того, существует риск принятия СИИ ошибочных решений [25, п. 338-340; 26], как в это имело место быть в случае с австралийской системой ИИ Robodebt, которая ошибочно обвинила полмиллиона граждан в мошенничестве при получении социальных выплат [8].

Также для больших языковых моделей (например, ChatGPT и DeepSeek) характерно представление ложной, но правдоподобно звучащей информации. Этот недостаток ярко проявляется, когда правоприменители используют результаты, выдаваемые такой системой ИИ без их должной перепроверки. Например, как в случае адвоката из Нью-Йорка, который использовал ChatGPT для составления иска с вымышленными судебными прецедентами [9]. Следовательно, без правовых и этических рамок внедрение СИИ в уголовно-процессуальную деятельность может привести к возникновению проблем правового и фактического характера.

Преимущества применения систем ИИ в деятельности прокурора

Внедрение ИИ-ассистентов способно кардинально повысить эффективность и качество работы прокурора, что подтверждается как международной практикой, так и отечественными наработками.

ИИ способен за часы провести семантический анализ тысяч страниц протоколов, выявить скрытые противоречия в показаниях, построить хронологию и установить корреляции, неочевидные для человека. Опыт применения ИИ-ассистента в прокуратуре Саратовской области позволяет говорить о достаточно высоком уровне эффективности данной системы ИИ в проведении анализа обезличенных материалов уголовных дел. Например, система ИИ способна идентифицировать ключевых участников преступной схемы, выявлять взаимосвязи между ними, определять суммы и даты переводов, а также строить хронологию событий. В итоге ИИ-ассистент выдает структурированную информацию со ссылками на конкретные акты дела, что позволяет в сжатые сроки более глубоко ознакомиться с материалами уголовного дела.

Применение СИИ способствует повышению качества и скорости принятия процессуальных решений. ИИ-ассистент, созданный в прокуратуре Саратовской области, может осуществлять анализ загруженных в него данных по нескольким направлениям: как на соответствие действий и решений законодательству РФ, так и на соответствие требованиям, указываемым государственным обвинителем в запросе. СИИ может выступать как система контроля, проверяя процессуальные документы на соответствие требованиям УПК РФ, полноте обоснования и т.д.. Функционал ИИ-ассистента включает анализ как всего уголовного дела, так и его отдельных процессуальных документов. Система, обученная сверять документы с требованиями УПК РФ, выполняет такую проверку на основе заданных в запросе критериев. При анализе, например, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, она автоматически контролирует наличие всех обязательных реквизитов, соответствие формулировок обвинения закону, соблюдение процессуальных сроков и наличие подписей о разъяснении прав. Результатом работы системы является отчет, используемый прокурором при подготовке к поддержанию государственного обвинения.

Следующим существенным преимуществом применения СИИ, способствующим минимизации рутины в уголовно-процессуальной деятельности прокуроров, является

возможность автоматической генерации проектов обвинительных речей, актов прокурорского реагирования, суммаризации докладных записок (в центральном аппарате их около 63 тыс. ежегодно по 250 обобщениям), что высвобождает время для творческой, аналитической работы. Это позволяет прокурору стать «редактором-стратегом», а не составителем шаблонных текстов.

Кроме того, специализированные СИИ могут использоваться для разъяснения участникам уголовного судопроизводства их прав и обязанностей наиболее доступным и понятным для них языком, а также оказания помощи заявителям в формулировании обращений, что может напрямую положительно повлиять на скорость их рассмотрения.

Функция «виртуального спарринг-партнера» позволяет прокурору проиграть различные сценарии защиты, сгенерированные СИИ на основе анализа практики по аналогичным делам. Например, по уголовному делу о причинении тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) прокурор может дать ИИ-ассистенту запрос: «Сформулируй вероятные доводы защиты, основанные на отсутствии прямого умысла и ссылке на состояние аффекта». Система, проанализировав материалы дела и базу судебных решений по аналогичным составам, генерирует список типичных и вероятных аргументов, а также тактических ходов стороны защиты, предлагая прокурору возможные линии контраргументации. Это не только укрепляет обвинение, но и способствует более взвешенному принятию решений, например, о возможности переквалификации, избрании меры пресечения, формировании позиции по делу. Предиктивная аналитика может оценивать вероятные исходы дела, основываясь на статистике судебных решений. Все это способствует повышению качества подготовки к судебному разбирательству.

Также несомненным преимуществом применения систем ИИ в органах прокуратуры является возможность их использования для обучения и повышения квалификации. Интерактивные тренажеры на базе СИИ, моделирующие ход судебного заседания с виртуальными судьей, адвокатом, свидетелями, позволяют в безопасной среде отрабатывать навыки допроса, произнесения речи и реакции на нестандартные ситуации.

Риски и недостатки использования систем искусственного интеллекта в прокурорской деятельности

Несмотря на потенциал, внедрение систем ИИ сопряжено с комплексом рисков, которые становятся предметом активной научной и профессиональной полемики.

Ключевым риском, влияющим на правоприменение, является правовой вакуум и проблема легитимации результатов применения СИИ. Действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ не содержит норм, регламентирующих статус систем ИИ, порядок их применения, фиксации в материалах дела и оценки результатов, полученных с их помощью. Использование СИИ для подготовки, например, обвинительной речи или анализа доказательств находится в «серой зоне». Это создает угрозу принципам законности, состязательности и права на защиту, поскольку сторона защиты может быть лишена возможности оспорить использование системы ИИ или исходные данные, на которых основаны выводы СИИ.

К технологическим рискам использования СИИ прокурорами относится неинтерпретируемость результатов, выдаваемых алгоритмами ИИ. Сложные нейросетевые модели часто представляют собой «черный ящик», так как невозможно понять логику, по которой система пришла к тому или иному выводу [\[27, p. 53-58\]](#). Это противоречит требованию мотивированности процессуальных решений. В настоящее

время ведутся разработки по созданию так называемых «объяснимых» систем ИИ [28; 29]. Однако, до их внедрения в практическую деятельность необходимо принять меры правового и организационного характера, направленные на обеспечение возможности иным участникам уголовного судопроизводства получать информацию о применении прокурорами систем ИИ, а также выражать свое согласие или несогласие на использование такой системы в тех случаях, когда это прямо может повлиять на соблюдение их конституционных прав и законных интересов.

Кроме того, как отмечают ученые [23; 24, п. 3-6] и показывает практика использования ИИ-ассистента, система ИИ транслирует «предубеждения», формируемые в процессе обучения на загружаемых в нее данных. Эти предубеждения вызваны выявлением СИИ очевидных или скрытых корреляционных взаимосвязей в исследуемых данных. Например, если в судебных решениях, на которых обучалась СИИ, всем лицам старше 39 лет назначалось максимальное наказание, то система ИИ, обученная на таких данных, будет транслировать соответствующее «предвзятое» отношение к лицам старше 39 лет.

Следовательно, СИИ не смогут быть полностью беспристрастны, так как у них всегда в основе решений лежит опыт прошлых лет и прошлых решений, а в них будут так или иначе накапливаться дискриминационные признаки. Единственным способом нейтрализовать данный существенный недостаток является установление для специализированных (применяемых в правоохранительных органах, включая органы прокуратуры) систем ИИ программных ограничений, позволяющих обойти пристрастность, получаемую в результате обучения данных систем.

Предвзятость – не единственная проблема, возникающая при обучении систем ИИ. Алгоритм может быть «переобучен» в процессе эксплуатации на так называемых «шумовых» данных и потерять способность к корректному обобщению [10]. Кроме того, наборы данных, на которых происходило обучение системы, могут устареть к моменту внедрения СИИ.

Существенной проблемой, возникающей в процессе правоприменения, также является отсутствие конкурентоспособных отечественных аналогов ChatGPT, что приводит к технологической зависимости, создает риски информационной безопасности и суверенитета. Данная проблема достаточно глубокая и значимая, так как в настоящее время даже существующие российские системы ИИ, применяемые в уголовном судопроизводстве, разрабатываются коммерческими организациями. Такие организации могут использовать облачные инфраструктуры или компоненты, физически расположенные за рубежом, либо зависеть от импортных вычислительных мощностей и программных библиотек. Обработка материалов уголовных дел, в том числе персональных данных и показаний участников уголовного судопроизводства, материалов оперативно-разыскной деятельности и т.д., в такой среде несет риск несанкционированного доступа к конфиденциальной и значимой информации, а также возможных «закладок» вредоносных алгоритмов в работу системы. В связи с этим возникает объективная необходимость в том, чтобы специализированное программное обеспечение (системы ИИ для уголовного судопроизводства) разрабатывалось либо непосредственно под контролем государства, либо при его прямом и глубоком участии, а также СИИ, используемые государственными органами и должностными лицами при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, должны обучаться исключительно на сертифицированных и защищенных национальных базах данных.

Научная полемика также разворачивается вокруг вопросов, связанных с возможной

утратой профессиональных компетенций [\[30; 31, p. 869-870\]](#). Не приведет ли удобство ИИ-ассистентов к «деградации» экспертных навыков прокурора? Если система будет эффективно готовить проекты решений и анализировать доказательства, у следующего поколения прокуроров может не сформироваться критическое мышление, умение самостоятельно выстраивать стратегию и глубоко анализировать материалы. Безусловно, утрата способности к самостоятельному мышлению для прокурора, чьи решения влияют на судьбы людей, недопустима. Следовательно, требуется разработка соответствующих правовых и организационных мер, направленных на минимизацию данного риска. Например, создание методических рекомендаций по взаимодействию прокуроров с системами ИИ.

Кроме того, обработка конфиденциальной информации, персональных данных, материалов уголовных дел в ИИ-системах создает угрозы утечек, компрометации, а также манипулирования данными. Даже локальное развертывание моделей в закрытом контуре требует беспрецедентных мер защиты на всех этапах – от сбора до хранения данных. Следовательно, требуется нормативное закрепление специальных правил сбора, хранения и передачи данных для обучения и использования систем ИИ в уголовном процессе.

Предложения по совершенствованию законодательства, направленные на обеспечение возможности применения СИИ в уголовно-процессуальной деятельности прокурора

На основе проведенного анализа преимуществ и рисков использования прокурорами систем искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, представляется целесообразным внесение ряда изменений в действующее законодательство. Целью таких изменений является создание правовых основ для безопасного, эффективного и законного применения СИИ, которое бы раскрывало их потенциал для поддержки прокурора, но при этом гарантировало соблюдение принципов законности, состязательности и защиты прав личности.

Для преодоления правового вакуума и терминологической неопределенности в УПК РФ следует ввести базовые понятия, связанные с применением СИИ в уголовном судопроизводстве. В частности, необходимо закрепить определение «результат применения системы искусственного интеллекта». В связи с чем, предлагаем дополнить ст. 5 УПК РФ п. 36.2 следующего содержания: «результат применения системы искусственного интеллекта – информация, сгенерированная системой искусственного интеллекта в ходе обработки материалов уголовного дела и используемая компетентными государственными органами и должностными лицами в целях, установленных Настоящим кодексом».

Также в УПК РФ необходимо включить отдельную статью, а в последующем, с учетом развития технологий ИИ и потребности в детализации использования СИИ, главу, регламентирующую:

- 1) цели и допустимые формы применения СИИ и информации, полученной при использовании СИИ в уголовном судопроизводстве, прямо указав, что СИИ не могут подменять собой самостоятельное профессиональное суждение прокурора, оценку доказательств судом или выступать в качестве самостоятельного источника доказательств;
- 2) порядок фиксации факта и результатов использования СИИ, закрепив, что любое применение СИИ прокурором для подготовки процессуального документа

(обвинительного заключения, речи, ходатайства) или анализа доказательств должно отражаться в материалах дела. Это может быть сделано путем приложения соответствующей справки-отчета, сгенерированной системой, с указанием ее названия, версии, даты применения и полученных результатов;

3) право стороны защиты на информацию об использовании системы ИИ, в соответствии с которым сторона защиты должна быть уведомлена о применении СИИ в рамках ознакомления с материалами уголовного дела и иметь право заявлять ходатайства о проверке или оспаривании методологии и исходных данных, на которых основаны выводы системы.

В специальном нормативном акте об использовании ИИ в государственном секторе, который также требуется принять для регулирования применения СИИ в органах государственной власти, необходимо установить обязательные требования к системам ИИ, применяемым в правоохранительной деятельности:

- обучение и валидация специализированных СИИ для суда, прокуратуры и других правоохранительных органов должны проводиться на верифицированных и актуальных национальных базах данных (судебных решениях, процессуальных документах), сформированных с соблюдением требований, предусматривающих обеспечение равенства и непредвзятости;

- наличие функции детализированного логического отчета для СИИ, используемых в уголовном процессе, что обеспечит возможность в доступной форме объяснить ключевые факторы, повлиявшие на вывод СИИ (например, какие именно противоречия в показаниях были выявлены и на основе каких фраз);

- осуществление обязательного контроля со стороны государства за разработкой и апробацией специализированных, то есть применяемых в уголовного судопроизводстве компетентными государственными органами и должностными лицами, систем ИИ.

Кроме того, необходимо законодательно закрепить приоритет использования отечественных СИИ и инфраструктур при обработке материалов уголовных дел, содержащих конфиденциальную информацию, государственную тайну и персональные данные.

Требуется установить специальные стандарты защиты информации для СИИ, используемых в прокуратуре и других правоохранительных органах, включая требования к локальному развертыванию, сертификации программного обеспечения и криптографической защите данных на всех этапах. В законе следует предусмотреть ответственность разработчиков и операторов СИИ за обеспечение безопасности и отсутствие в алгоритмах дефектов или уязвимостей, которые могут привести к утечке данных или манипуляции результатами.

Необходимо внести изменения в Федеральный закон «О персональных данных», установив специальный правовой режим обработки персональных данных правоохранительными органами с использованием ИИ в целях уголовного судопроизводства. Этот режим должен, с одной стороны, исключать необходимость получения согласия субъекта данных для такой обработки, а с другой – устанавливать максимально жесткие требования к их защите, анонимизации и безопасному хранению.

Генеральной прокуратуре РФ совместно с научным сообществом необходимо разработать и утвердить:

- типовой регламент взаимодействия прокурора с ИИ-ассистентом, определяющий процедуры запроса, проверки и утверждения результатов, создаваемых системой;
- методические рекомендации по проведению проверки результатов работы СИИ на предмет возможной алгоритмической предвзятости и технических ошибок;
- программы обучения прокуроров, направленные на формирование цифровых компетенций, понимания принципов работы СИИ, их ограничений и развития навыков критической работы с результатами, сгенерированными искусственным интеллектом.

Предложенные меры по совершенствованию законодательства носят комплексный характер и направлены на формирование сбалансированного правового режима. Такой режим должен, с одной стороны, создать необходимые условия для внедрения передовых технологий в работу прокуратуры, а с другой – установить надежные правовые гарантии и процессуальные фильтры, исключающие угрозу автоматизации ошибок, дискриминации и нарушения фундаментальных принципов уголовного судопроизводства. Только на прочном правовом фундаменте цифровая трансформация прокуратуры сможет стать фактором повышения эффективности и качества правосудия.

Заключение. Проведенное исследование позволяет утверждать, что интеграция систем искусственного интеллекта в уголовный процесс представляет собой качественно новый этап технологической детерминации правоприменения, фокусом которого объективно становится фигура прокурора. Настоящая работа, опираясь на анализ отечественных и зарубежных практик, а также на эмпирический опыт апробации конкретных инструментов, вносит вклад в преодоление существующего концептуального вакуума. В исследовании продемонстрировано, что внедрение систем ИИ выходит за рамки простой автоматизации, трансформируя традиционные процессуальные конструкции и формируя новую парадигму работы с доказательственной информацией.

Научная значимость исследования заключается в комплексном и сбалансированном анализе двух взаимосвязанных аспектов проблемы. С одной стороны, детально раскрыт потенциал СИИ как катализатора эффективности, позволяющего преодолеть информационную перегрузку, минимизировать рутинные ошибки и вывести аналитическую работу прокуроров на уровень стратегического моделирования. С другой стороны, выявлена система имманентных рисков, среди которых ключевыми являются непрозрачность алгоритмических решений, воспроизводство заложенных в данных социальных предубеждений, угрозы кибербезопасности и эрозия профессионального экспертного суждения. Исследованные риски и недостатки систем ИИ создают угрозу фундаментальным принципам судопроизводства, таким как состязательность, законность и право на защиту.

Практическая значимость работы определяется ее направленностью на формирование основ адекватного правового регулирования. В исследовании обосновывается необходимость опережающего развития нормативной базы, которая должна не просто констатировать возможность использования инноваций, а создавать процедурные гарантии и фильтры. Разработанные предложения по совершенствованию законодательства могут быть использованы в законодателем и правоприменителями качестве «дорожной карты» по внедрению систем ИИ в уголовно-процессуальную деятельность. Они нацелены на достижение баланса между раскрытием операциональных преимуществ технологий и обеспечением верховенства закона.

Успех цифровой трансформации органов прокуратуры зависит не от скорости внедрения технологий как таковых, а от способности правовой системы выработать адекватные

ответы на новые вызовы. Только при условии формирования прочного правового фундамента, гарантирующего прозрачность и безопасность, правоприменители смогут раскрыть весь позитивный потенциал систем искусственного интеллекта в уголовном процессе.

[1] Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта» // Президент России: официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78498> (дата обращения: 10.12.2025).

[2] План по внедрению технологий искусственного интеллекта и автоматизации деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации на 2024-2026 гг. Утв. Генеральным прокурором РФ 22.03.2024 г. № пл-17-24 // Архив прокуратуры Саратовской области.

[3] Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41, ст. 5700; 2024. № 8, ст. 1102.

[4] Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11.09.2025 № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=107950259> (дата обращения: 12.10.2025).

[5] См.: Статистические данные // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/> (дата обращения: 14.12.2025).

[6] Как Генпрокуратура использует цифровые технологии для раскрытия преступлений // Mail.kz – национальный портал электронного сервиса. [Электронный ресурс] URL: <https://mail.kz/ru/news/kz-news/kak-genprokuratura-ispolzuet-cifrovye-tehnologii-dlya-raskrytiya-prestuplenii> (дата обращения: 19.12.2025)

[7] Указ Президента Республики Узбекистан, от 03.11.2025 г. № УП-204 «Об утверждении Стратегии «Цифровая прокуратура – 2030» и мерах по ее эффективной реализации». [Электронный ресурс] URL: <https://lex.uz/docs/7813709> (дата обращения: 19.12.2025)

[8] Интеллект искусственный, а ошибки человеческие и нередко фатальные // СВОДКАплюс. [Электронный ресурс] URL: <https://svodka-plus.ru/article/20250227/16611> (дата обращения: 10.10.2025)

[9] ChatGPT обманул опытного адвоката, придумав прецеденты, которых в реальности не было. Теперь адвокату грозит наказание // C-news. [Электронный ресурс] URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-05-29_chatgpt_obmanul_opytnejshogo (дата обращения: 11.11.2025)

[10] Богданова А. Переобучение – что это такое, как потеря обобщения искажает знание и почему избыточность разрушает смысл в ИИ. [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/id4616024/2283790-pereobuchenie-v-ii-poterja-obobshhenija-i-razrushenie-smysla> (дата обращения: 14.12.2025)

Библиография

1. Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 571-574. EDN: JVJPKG.
2. Лебедев З. С. Некоторые вопросы применения искусственного интеллекта в уголовном процессе России // Основы экономики, управления и права. 2021. № 4 (29). С. 45-48. DOI: 10.51608/23058641_2021_4_45 EDN: SKRSCT.
3. Веревошников Е. А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 1 (71). С. 59-67. EDN: MOZPRA.
4. Чурикова А. Ю. Применение искусственного интеллекта и индикаторов риска для противодействия киберпреступности // Российский следователь. 2024. № 5. С. 47-51. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-5-47-51. EDN: CTVJOV.
5. Спесивов Н. В. Цифровизация и прозрачность как основы модернизации уголовнопроцессуальной деятельности прокурора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 4(96). С. 129-136. EDN: UGMRAX.
6. Карташов И. И. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: потенциал и риски использования // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума, Тюмень, 17-19 октября 2024 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 358-361. EDN: HBCGJQ.
7. Чурикова А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе: возможности и риски использования // Информационное право. 2023. № 4(78). С. 22-25. DOI: 10.55291/1999-480X-2023-4-22-25. EDN: JOBZSW.
8. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / Д. В. Бахтеев, Е. А. Буглаева, А. И. Зазулин [и др.]. Москва: Издательство "Юрлитинформ", 2022. 216 с. ISBN 978-5-4396-2315-0. EDN: HNCNFY.
9. Рябцева Е. В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 73-80. DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).73-80 EDN: GTQMIU.
10. Iliadis A., Acker A. The seer and the seen: Surveying Palantir's surveillance platform // The Information Society. 2022. Vol. 38. № 5. P. 334-363. DOI: 10.1080/01972243.2022.2100851 EDN: URAPKE.
11. Ulbricht L., Egbert S. In Palantir we trust? Regulation of data analysis platforms in public security // Big Data & Society. 2024. Vol. 11. № 3. DOI: 10.1177/20539517241255108 EDN: UCELEB.
12. Knight E., Gekker A. Mapping interfacial regimes of control: Palantir's ICM in America's post-9/11 security technology infrastructures // Surveillance & Society. 2020. Vol. 18. № 2. P. 231-243. DOI: 10.24908/ss.v18i2.13268 EDN: FKVMBE.
13. Banerjee R. Corporate Frauds: Now Bigger, Broader and Bolder. Penguin Random House India Private Limited, 2024.
14. Tulumello S., Iapaolo F. Policing the future, disrupting urban policy today. Predictive policing, smart city, and urban policy in Memphis (TN) // Urban Geography. 2022. Vol. 43. № 3. P. 448-469. DOI: 10.1080/02723638.2021.1887634 EDN: XQWOWK.
15. Duarte D. E. The making of crime predictions: Sociotechnical assemblages and the

- controversies of governing future crime // *Surveillance & Society*. 2021. Vol. 19. № 2. P. 199-215. DOI: 10.24908/ss.v19i2.14261 EDN: LNFIUO.
16. Ohyama T., Amemiya M. Applying crime prediction techniques to Japan: A comparison between risk terrain modeling and other methods // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2018. Vol. 24. № 4. P. 469-487. DOI: 10.1007/s10610-018-9378-1 EDN: TAQONK.
17. McElreath D. H., DioGuardi S., Doss D. A. Pre-Crime Prediction // *International Journal of Service Science, Management, Engineering, and Technology*. 2022. Vol. 13. № 1. DOI: 10.4018/IJSSMET.298672.
18. Vaccaro M. A. Algorithms in human decision-making: A case study with the COMPAS risk assessment software. 2019. URL: <https://dash.harvard.edu/entities/publication/09126374-044c-457b-9c75-0436c0a84ecf>.
19. McKay C. Predicting risk in criminal procedure: actuarial tools, algorithms, AI and judicial decision-making // *Current Issues in Criminal Justice*. 2020. Vol. 32. № 1. P. 22-39. DOI: 10.1080/10345329.2019.1658694.
20. Gravett W. Sentenced by an algorithm – Bias and lack of accuracy in risk-assessment software in the United States criminal justice system // *Journal of Criminal Justice*. 2021. Vol. 34. № 1. P. 31-54. DOI: 10.47348/SACJ/v34/i1a2 EDN: XEZLNV.
21. Wu W., Lin X. Access to technology, access to justice: China's artificial intelligence application in criminal proceedings // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2025. Vol. 81. P. 100741. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2025.100741 EDN: AJJZSJ.
22. Zhiyuan G., Jiajia Y. The Application of Artificial Intelligence in China's Criminal Justice System // *Legal Issues in the digital Age*. 2025. № 1. P. 83-104. DOI: 10.17323/2713-2749.2025.1.83.104 EDN: OQTFGW.
23. Nazer L. H. et al. Bias in artificial intelligence algorithms and recommendations for mitigation // *PLOS digital health*. 2023. Vol. 2. № 6. P. e0000278. DOI: 10.1371/journal.pdig.0000278 EDN: NDEBSM.
24. Fazil A. W., Hakimi M., Shahidzay A. K. A comprehensive review of bias in AI algorithms // *Nusantara Hasana Journal*. 2023. Vol. 3. № 8. P. 1-11. DOI: 10.59003/nhj.v3i8.1052 EDN: ETVEWJ.
25. Bontempi G. Between accurate prediction and poor decision making: the AI/ML gap // *International Conference on Machine Learning, Optimization, and Data Science*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 333-343. DOI: 10.1007/978-3-031-82481-4_23.
26. Anand A. S. et al. All AI Models are Wrong, but Some are Optimal // *arXiv preprint arXiv:2501.06086*. 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2501.06086.
27. Palmiotto F. The black box on trial: the impact of algorithmic opacity on fair trial rights in criminal proceedings // *Algorithmic Governance and Governance of Algorithms: Legal and Ethical Challenges*. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 49-70. DOI: 10.1007/978-3-030-50559-2_3.
28. Minh D. et al. Explainable artificial intelligence: a comprehensive review // *Artificial Intelligence Review*. 2022. Vol. 55. № 5. P. 3503–3568. DOI: 10.1007/s10462-021-10088-y EDN: NVPVSU.
29. Longo L. et al. Explainable artificial intelligence: Concepts, applications, research challenges and visions // *International cross-domain conference for machine learning and knowledge extraction*. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 1-16. DOI: 10.1007/978-3-030-57321-8_1.
30. Carrel A. Legal intelligence through artificial intelligence requires emotional intelligence: a new competency model for the 21st century legal professional // *Ga. St. UL Rev*. 2018. Vol. 35. P. 1153.
31. Kluttz D. N., Mulligan D. K. Automated decision support technologies and the legal profession // *Berkeley technology law journal*. 2019. Vol. 34. № 3. P. 853-890. "

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «Применение систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности прокурора: преимущества и недостатки» для опубликования в журнале «Юридические исследования». Предметом исследования является комплекс общественных отношений, складывающихся в связи с внедрением и использованием систем искусственного интеллекта (СИИ) для поддержки и автоматизации уголовно-процессуальной деятельности прокурора. Автор фокусируется на анализе операциональных преимуществ, системных рисков и разработке предложений по совершенствованию правового регулирования. Методология исследования основана на применении в работе комплекса методов от сравнительно-правового анализа российского и зарубежного опыта, системного и функционального анализа, метода классификации, а также эмпирического обобщения на основе личного опыта апробации ИИ-ассистента в прокуратуре Саратовской области. Методологическая база в целом адекватна целям исследования. Однако, с учетом наличия собственного уникального опыта, эмпирическая составляющая могла бы быть обогащена соответствующими статистическими данными об эффективности пилотных проектов внедрения ИИ в региональной прокуратуре, а также сравнительного анализа с аналогичным опытом коллег из прокуратур других субъектов РФ. Тема обладает научной и практической актуальностью. Она напрямую связана с реализацией Национальной стратегии развития ИИ до 2030 года, Концепции цифровой трансформации органов прокуратуры и поручений Президента РФ. Актуальность подтверждается активной законодательной работой (как на уровне ЕС, так и в РФ) и нарастающей дискуссией в научной среде о правовых и этических границах использования ИИ в правоприменении. Исследование отвечает на запрос правоприменительной практики на конкретные, взвешенные рекомендации. Научная новизна статьи заключается в синтезе теоретического анализа с результатами практического использования ИИ-ассистента государственным обвинителем. Автор не ограничивается общим перечислением «плюсов и минусов», а проводит детальный разбор функционала СИИ применительно к конкретным задачам прокурора (семантический анализ доказательств, проверка законности документов, роль «виртуального спарринг-партнера»). Значимым вкладом является разработка конкретных законодательных предложений по интеграции СИИ в УПК РФ, включая введение новых процессуальных понятий и гарантий законности и обоснованности принимаемых процессуальных решений. Стиль, структура, содержание работы соответствуют предъявляемым требованиям. Статья написана научным языком, свойственным для юридического исследования. Текст статьи четко структурирован, логически выделены постановка проблемы и анализ теоретических основ, рассмотрен зарубежный опыт, детальный разбор преимуществ и рисков, сформулированы заключительные положения. Название статьи полностью отражает ее содержание. Правила орфографии и пунктуации соблюдены. Текст в целом соответствует требованиям ГОСТ Р 7.0.100-2018 к оформлению научных статей. Библиография обширна и представлена 31 источником. Список литературы включает ключевые современные источники (2023-2025 гг.), такие как работы А.Ю. Чуриковой, Н.В. Спесивова, Е.В. Рябцевой, а также актуальные зарубежные публикации в изданиях, индексируемых в

Scopus и Web of Science. Это соответствует требованию использования релевантных источников последних лет. В списке присутствуют также более ранние работы (2018-2020 гг.), что в данном контексте оправдано их классическим или фундаментальным характером для темы. Апелляция к оппонентам в тексте работы присутствует. Автор корректно и аргументированно ведет научную полемику, учитывая позиции различных исследователей. Критикуется антропоморфный подход к пониманию ИИ, указывается на ограниченность узкотехнологических определений. В дискуссии о рисках автор опирается на работы, критикующие алгоритмическую предвзятость (Gravett W., Nazer L.H.), и учитывает аргументы о риске деградации профессиональных навыков (Kluttz D.N., Mulligan D.K.). Однако диалог с отечественными оппонентами, выражающими более скептическую позицию относительно внедрения ИИ в уголовный процесс (например, с позициями, акцентирующими несовместимость «черного ящика» с принципом непосредственности оценки доказательств), мог бы быть более развернутым. Выводы статьи являются логичным завершением проведенного анализа: интеграция СИИ – это качественно новый этап, требующий опережающего формирования сбалансированного правового режима. Практическая ценность работы высока, так как предложенные изменения в УПК РФ и иные законодательные инициативы носят конкретный, прикладной характер. Статья будет полезна широкому кругу специалистов (представителям законодательных органов власти, сотрудникам прокуратуры всех уровней, научным работникам), обучающимся вузов и всем интересующимся цифровой трансформацией в государственных органах. Таким образом, статья «Применение систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности прокурора: преимущества и недостатки» представляет собой завершенное, актуальное научное исследование, выполненное на высоком теоретическом и методологическом уровне. Автор демонстрирует глубокое понимание предмета, подкрепляя теоретические выводы уникальным практическим опытом. Статья может быть рекомендована к публикации в журнале «Юридические исследования».

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Черешнева И.А. Трансформация права на информационное самоопределение в эпоху развития искусственного интеллекта и других цифровых технологий: вызовы и перспективы // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77307 EDN: TTVLDG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77307

Трансформация права на информационное самоопределение в эпоху развития искусственного интеллекта и других цифровых технологий: вызовы и перспективы

Черешнева Ирина Анатольевна

ORCID: 0000-0001-8135-4166

кандидат юридических наук

научный сотрудник; Институт государства и права РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ iachereshneva@gmail.com



[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77307

EDN:

TTVLDG

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2025

Аннотация: Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении трансформации права на информационное самоопределение, впервые сформулированное в практике Федерального конституционного суда Германии, в право на цифровое самоопределение как одного из цифровых прав человека нового поколения, обеспечение которого требует соответствующих духу времени правовых механизмов, в том числе институциональных. В условиях развития искусственного интеллекта и других цифровых технологий, которые приобретают характер фактического принуждения (концепция «код есть закон»), проблема обеспечения права на цифровое самоопределение приобретает особую актуальность, поскольку «на кон поставлены» автономия, свобода и достоинство личности. В этой связи в работе представляются основные вызовы, с которыми сталкивается реализация права на цифровое самоопределение, а также намечаются возможные пути их преодоления. В

исследовании использованы следующие приемы научного познания: анализ, синтез, обобщение, аналогия и др.; применялись системный подход, специально-юридический и сравнительно-правовой методы. В ходе проведенного исследования автор приходит к следующим выводам: 1) право на информационное самоопределение, основанное на идее достоинства и автономии личности, в условиях цифровизации претерпевает качественную перестройку, трансформируясь в право на цифровое самоопределение – цифровое право человека нового поколения; 2) ключевыми вызовами реализации права на цифровое самоопределение выступают информационная асимметрия, ограниченность информированного согласия субъекта данных, парадокс конфиденциальности, недостаточный уровень цифровой грамотности, а также усиление манипулятивного потенциала алгоритмических систем; 3) рассмотрение субъекта данных в качестве экономически и технологически более слабой стороны информационного взаимодействия с цифровыми платформами требует от государства предоставления субъектам данных дополнительных гарантий защиты их прав и законных интересов; 4) обеспечение права на цифровое самоопределение предполагает формирование комплексной системы правовых механизмов, включающей регулирование алгоритмических систем на принципах алгоритмической транспарентности и подотчетности; ограничение манипулятивных технологий и наблюдения; расширение и конкретизацию прав субъектов данных, а также установление дополнительных обязанностей для крупных цифровых платформ.

Ключевые слова:

информационное самоопределение, цифровое самоопределение, цифровые технологии, искусственный интеллект, персональные данные, права человека, автономия личности, цифровые права человека, дискриминация, цифровое неравенство

Кто обладает данными – тот обладает властью [\[1\]](#).

Введение. В условиях стремительного развития цифровых технологий проблема защиты фундаментальных прав человека, шире – автономии личности приобретает новое звучание. В качестве иллюстрации можно привести право на информационное самоопределение, впервые сформулированное в 1983 году Федеральным конституционным судом Германии (далее – ФКС), предметом рассмотрения которого стали положения Закона о переписи населения, профессий, мест проживания и работы 1983 года [\[2\]](#). В своем решении ФКС указал, что «в центре конституционного порядка стоят ценность и достоинство личности, действующей в свободном самоопределении, как звено свободного общества. Ее защите служат – наряду со специальными гарантиями свободы – гарантированные абз. 1 ст. 2 во взаимосвязи с абз. 1 ст. 1 Основного закона всеобщие личные права, которые могут обрести значение именно с точки зрения современного развития и связанных с ним новых угроз человеческой личности (см. BVerfGE 54, 148 [\[153\]](#)) ... по общему правилу, общие личные права охватывают [...] также следующее из идеи о самоопределении право каждого человека самостоятельно определять, когда и в какой мере раскрывать факты личной жизни (см. далее BVerfGE 56, 37 [41 и далее]; 63, 131 [142 и далее]).» [\[2\]](#).

Не случайно свобода в философском и политическом ракурсах определяется как «некоторая идея, отражающая такое отношение лица к своему поведению (действиям, бездействию) и отношение окружающих его субъектов к его поведению, при котором

данное лицо является (признается) основной причиной такого поведения и оно (поведение) непосредственно не обусловлено внешним воздействием.» [\[3\]](#).

При этом, как отмечает Э. В. Талапина, «отправной точкой в подходе Суда послужила кантовская теория моральной автономии личности.» [\[4\]](#). И. Кант рассматривал человека в качестве рационального морального агента, способного устанавливать морально оправданные цели, а также выбирать подходящие средства для их достижения. Из чего складывается человеческое достоинство, обозначаемое как наша «внутренняя ценность» [\[5\]](#). Независимо от личных чувств – утверждал он – человек «обязан уважать достоинство и автономию», т. е. самоопределение других [\[6\]](#). В этой связи термин «самоопределение» зачастую приписывается И. Канту [\[7\]](#).

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении трансформации права на информационное самоопределение в право на цифровое самоопределение как одного из цифровых прав человека нового поколения, обеспечение которого требует соответствующих духу времени правовых механизмов. В условиях развития цифровых технологий (если исходить из магистральных технологических направлений (кластеров), то выделяются: искусственный интеллект, киберфизические технологии, цифровая инфраструктура, цифровые финансы и индустрия 4.0 [\[8\]](#)) эта проблема приобретает особую актуальность, поскольку «на кон поставлены» автономия, достоинство и свобода личности, в этой связи в работе представляются основные вызовы, с которыми сталкивается реализация права на цифровое самоопределение, а также намечаются возможные пути их преодоления. В исследовании использованы следующие приемы научного познания: анализ, синтез, обобщение, аналогия и др.; применялись системный подход, специально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Право на информационное самоопределение представляет собой «право индивида самому решать, кто, что, когда и при каких обстоятельствах будет знать о нем; знание (прозрачность процедуры обработки данных); свободу выбора при обработке своих данных.» [\[9\]](#). Производное от права на свободу человека (согласно ФКС «сбор, хранение и использование личной информации будут угрожать свободе человека») [\[4\]](#) и права на достоинство и автономию личности право на информационное самоопределение расширяется: данные становятся не просто отражением информации о человеке, но и основой для прогнозирования его поведения, профилирования и принятия автоматизированных решений, в том числе управленческих [\[10\]](#). В этой связи традиционные механизмы обеспечения права на информационное самоопределение, которые и так были далеки от совершенства, сталкиваются с серьезными структурными вызовами, обусловленными масштабностью обработки данных и стремительным развитием алгоритмических систем, включая системы искусственного интеллекта (далее – ИИ), что ставит перед правовой доктриной как отечественной [\[4, 11, 12, 13, 14\]](#), так и зарубежной [\[7, 15, 16\]](#) вопрос о трансформации права на информационное самоопределение в право на цифровое самоопределение.

Концепция цифрового самоопределения базируется на философском основании автономии личности – способности принимать информированные и свободные от принуждения решения, «помещенной» в контекст цифрового взаимодействия [\[16\]](#). Она включает в себя контроль над персональными данными, возможность осознанного участия в цифровой среде, а также оказание влияния на технологические инфраструктуры, которые формируют общественную жизнь. Данная концепция тесно

связана с таким понятием, как суверенитет данных, где фокус смещается в сторону юрисдикционных и имущественных прав в отношении данных, в то время как цифровое самоопределение этим не ограничивается, поскольку включает также политическое участие и коллективное управление, осуществляемое в цифровых экосистемах [\[15\]](#).

На фундаментальном уровне концепция цифрового самоопределения опирается на понимание того, что в цифровом обществе индивид и данные не следует рассматривать в качестве отдельных сущностей, напротив, они взаимно формируют друг друга. Поэтому контроль со стороны каждого человека над представлением своих данных фактически является вопросом индивидуальной автономии и свободы [\[7\]](#). В этой связи следует согласиться со следующим пониманием конфиденциальности данных – «это вопрос гражданских прав, свободы самовыражения, свободы от преследований, интересов коллективной автономии, а также того, как личная информация используется для ослабления нашего внимания, нашего психического благополучия и наших общественных институтов» [\[17\]](#).

Укажем, что в отечественной юридической доктрине право на цифровое самоопределение выступает в качестве одного из главных цифровых прав – нового поколения прав человека [\[18\]](#), наряду с «правом на доступ в сеть Интернет и соцсети (право на “цифровую жизнь”); право на защиту персональных данных; право на конфиденциальность (шифрование); право на забвение (право на “цифровую смерть”); право на обеспечение цифрового суверенитета человека; право на цифровой иммунитет индивида» [\[11\]](#); сюда же необходимо, на наш взгляд, включить и право на объяснение, под которым понимается право человека на получение объяснения относительно полученного алгоритмом (как правило, системой ИИ) результата [\[19\]](#). Тем самым рассмотрение права на цифровое самоопределение как цифрового права человека вызывает к жизни проблему реализации и обеспечения этого права, которое сталкивается с определенными вызовами; отметим ключевые.

Во-первых, информационная асимметрия. Развитие цифровых платформ [\[20, 21\]](#), технологий больших данных, ИИ и других цифровых технологий формирует качественно новую среду. С одной стороны, увеличиваются возможности для информационного обмена и коммуникации, с другой – появляется информационная асимметрия между субъектом данных и обработчиками данных, обладающими гораздо большими техническими и аналитическими ресурсами. Так, пользователь, оставляя цифровой след, нередко не осознает масштаб его накопления и возможные способы вторичного использования данных, тем самым становясь уязвимой стороной в информационном обмене. В качестве иллюстрации можно привести алгоритмическое профилирование, которое усиливает дискриминацию, манипуляцию поведением, действие охлаждающего эффекта [\[22\]](#), а также подрывает автономию выбора.

Во-вторых, ограниченность традиционной правовой модели, основанной на принципе информированного согласия субъекта данных, в цифровой среде. Согласие субъекта данных, как правило, является формальным: человек не способен полноценно оценить последствия обработки информации, условия использования сервисов фактически исключают свободу выбора, а сложность понимания функционирования алгоритмических систем (не только для пользователей, но даже для самих разработчиков, так называемая проблема «черного ящика») не позволяет предвидеть конечный результат, который будет сформирован на основе данных.

В-третьих, так называемый парадокс конфиденциальности [\[23\]](#) – «люди, с одной стороны, знают о том, что бесконтрольное распространение персональных данных ставит под угрозу их частную жизнь, но с другой — показывают высокую готовность делиться данными в обмен на предоставляемые им услуги и сервисы.» [\[17\]](#). Как справедливо отмечается в доктрине, «не только технологический ландшафт складывается в пользу операторов [данных], но и у граждан нет стремления к повышению уровня контроля над своими данными» [\[17\]](#); напротив, скорее наблюдается обратная ситуация. В этой связи можно выделить объективный (развитие цифровых технологий) и субъективный (индифферентное отношение граждан к контролю за своими данными) барьеры на пути осуществления права на цифровое самоопределение.

В-четвертых, реализация цифровой грамотности в контексте обеспечения конфиденциальности применительно к поведению человека в сети Интернет. В этой связи в доктрине выделяется несколько аспектов цифровой грамотности, которые оказывают влияния на поведение человека в сети Интернет: 1) знакомство с техническими аспектами Интернета; 2) осведомленность об общих институциональных практиках; 3) понимание текущей политики конфиденциальности. Укажем, что цифровая грамотность играет ключевую роль в продвижении, а иногда и в ограничении активного информационного контроля в сети Интернет. Некоторые пользователи имеют больше возможностей для осуществления контроля, в то время как другие остаются неспособными к активной роли. В этой связи цифровая грамотность должна распространяться на все слои населения в целях содействия активному и эффективному участию пользователей в общественной и экономической жизни [\[24\]](#). Соответственно высокий уровень цифровой грамотности (именно в ракурсе отношения к контролю за своими данными, в том числе онлайн) способствует реализации права на цифровое самоопределение, в то время как низкий уровень выступает в качестве еще одного барьера, усиливающего цифровое неравенство [\[25, 26\]](#).

В результате индивидуальный контроль над данными перестает быть достаточной гарантией информационной автономии, а некоторые исследователи полагают, что такой контроль вряд ли возможен вообще [\[27\]](#). Ситуация усугубляется и тем обстоятельством, что «существование человека в рамках интернет-технологий происходит через опосредованные каналы, которые в большинстве случаев принадлежат частным компаниям или владельцу которых неизвестен. Это создает дополнительные угрозы для комфортной и безопасной деятельности человека в информационной среде, трансформации обязательств государств по защите прав человека в цифровой сфере...» [\[28\]](#). Тем самым мы можем говорить о том, что при взаимодействии с операторами данных, в том числе в лице технологических гигантов, субъект данных предстает в качестве уязвимой стороны информационного обмена. В этой связи особая роль отводится государству. Это вытекает как из ст. 2 Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года, согласно которой признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, так и из ст. 7 Конституции РФ, в соответствии с которой Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Укажем, что при анализе правовых позиций Конституционного Суда РФ в части определения содержания принципа социального государства А. В. Габовым, в том числе была выявлена такая задача социального государства, как «защита слабой стороны в

отношении"; к примеру, в Постановлении от 25 мая 2010 г. № 11-П: "...работник представляет в трудовом правоотношении экономически более слабую сторону, что предопределяет обязанность Российской Федерации как социального государства обеспечивать надлежащую защиту его прав и законных интересов..."» [\[31\]](#). Данная правовая позиция, на наш взгляд, применима и к информационному взаимодействию, особенно с цифровыми платформами [\[29\]](#), в рамках которого пользователь (субъект данных) представляет не только экономически, но и технологически более слабую сторону. В качестве еще одной аналогии можно привести законодательство о защите прав потребителей, которое обеспечивает надлежащую защиту прав и законных интересов потребителя при их взаимодействии с субъектами предпринимательской деятельности – профессиональными участниками рынка.

Сказанное приводит нас к необходимости обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов, который «является неперенным условием реализации как социальных гарантий [в данном контексте защита слабой стороны], предусмотренных Конституцией РФ, так и экономических свобод.» [\[3\]](#). Как отмечает Л. фон Мизес, «индивид свободен в рыночной экономике в том смысле, что законы и государство не заставляют его отказываться от автономии и самоопределения в большей степени, чем это делают неизбежные прагматические законы» [\[30\]](#). Однако в алгоритмическом обществе, т. е. обществе, основу которого составляют цифровые технологии (ИИ, большие данные и др.), на передний план выходит проблема принудительной силы технологий, игнорирование которой чревато далеко идущими последствиями. С учетом того, что программное обеспечение, реализующее алгоритм, представляет собой не просто написанный языком программирования набор строк, а принуждение, которое определенным образом ограничивает поведение людей и их взаимодействие друг с другом в рамках этих технологий (идея Лоуренса Лессига «Код есть закон» или «Код как закон» [\[31\]](#)), защита слабой стороны – пользователя/субъекта данных/человека – это необходимость, обеспечение и реализация права на цифровое самоопределение – инструмент. При этом усилить последний можно с помощью:

- регулирования алгоритмических систем, предусматривающее прозрачность использования ИИ (понятность, объяснимость, доступность) [\[19\]](#), а также алгоритмическую подотчетность;
- ограничения манипулятивных технологий и недопущения тотального наблюдения [\[32\]](#);
- расширения прав субъектов данных и их закрепления как на международно-правовом уровне [\[11\]](#), так и в рамках национальных правовых порядков (право на объяснение, право на оспаривание автоматизированных решений, в том числе принятых с использованием технологий ИИ, в судебном и административном порядке, право на портативность данных, право на забвение);
- установления дополнительных обязанностей в отношении крупных цифровых платформ, оказывающих влияние на общественные процессы.

Трансформация права на информационное самоопределение в право на цифровое самоопределение, как и прежде, предполагает примат интересов личности. Для его полноценной реализации необходимы соответствующие духу времени правовые механизмы, которые будут направлены на снижение информационной асимметрии, купирование или сокращение рисков алгоритмического воздействия (предвзятость, дискриминация, проблема «черного ящика» и др.) и укрепление автономии личности. В

этой связи защита конфиденциальности (в значении «privacy») должна восприниматься как гарантия сохранения достоинства и автономии личности в условиях постоянно увеличивающейся зависимости человека от технологий. Отсюда, в том числе особое значение приобретает развитие институтов надзора, включая создание независимых органов по защите данных, цифровых омбудсменов, а также реализация механизмов, предусматривающих ответственность крупных технологических компаний перед обществом. Такой подход позволит обеспечить реальную, а не декларативную возможность человека контролировать свою цифровую идентичность. В противном случае может возникнуть «угроза создания интрузивной среды, в которой государства и крупные частные предприятия могут осуществлять масштабное наблюдение за гражданами, анализировать и прогнозировать их поведение и даже манипулировать им.» [\[17\]](#).

Заключение. В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, право на информационное самоопределение, основанное на идее достоинства и автономии личности, в условиях цифровизации претерпевает качественную перестройку, трансформируясь в право на цифровое самоопределение – цифровое право человека нового поколения. Данная трансформация обусловлена изменением роли данных: переход от представления информации о человеке к инструменту прогнозирования поведения и алгоритмического принятия решений, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта.

Во-вторых, ключевыми вызовами реализации права на цифровое самоопределение выступают информационная асимметрия, ограниченность информированного согласия субъекта данных, парадокс конфиденциальности, недостаточный уровень цифровой грамотности, а также усиление манипулятивного потенциала алгоритмических систем, что в совокупности приводит к уязвимому положению человека в цифровом взаимодействии и снижает уровень его автономии и свободы выбора.

В-третьих, рассмотрение по аналогии с трудовым законодательством и законодательством о защите прав потребителей субъекта данных в качестве экономически и технологически более слабой стороны информационного взаимодействия с цифровыми платформами требует от государства предоставления субъектам данных/пользователям цифровых платформ дополнительных гарантий защиты их прав и законных интересов.

В-четвертых, обеспечение права на цифровое самоопределение предполагает формирование комплексной системы правовых механизмов, включающей регулирование алгоритмических систем (ИИ) на принципах алгоритмической транспарентности (объяснимость, понятность, доступность) и подотчетности; ограничение манипулятивных технологий и наблюдения; расширение и конкретизацию прав субъектов данных (право на объяснение, право на оспаривание автоматизированных решений); а также установление дополнительных обязанностей для крупных цифровых платформ.

Таким образом, реализация права на цифровое самоопределение должна основываться на примате интересов личности и обеспечении баланса между технологическим развитием, экономическими интересами и фундаментальными правами человека, при активной роли государства в создании институциональных гарантий, включая независимые органы по защите данных, цифровых омбудсменов и механизмы ответственности технологических компаний перед обществом. Только при таком подходе

право на цифровое самоопределение может стать ключом к сохранению автономии человека как в киберпространстве, так и в объективной реальности.

Библиография

1. Veliz C. Privacy is Power: Why and How You Should Take Back Control of Your Data. London: Penguin Random House; 2020. 320 p.
2. Решение Первого Сената Суда от 15.12.1983. 1 BvR209/83, 1 BvR269/83, 1 BvR362/83, 1 BvR420/83, 1 BvR440/83, 1 BvR484/83 / Избранные решения Федерального конституционного суда Германии. М.: 2018. С. 75-86.
3. Габов А. В. Баланс конституционных принципов свободы экономической деятельности и социального государства (на примере правовых позиций Конституционного Суда) // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом : Сборник научных статей II-ой международной научно-практической конференции, Москва, 22 апреля 2015 года / Под общей редакцией С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. – Москва: ООО "Юстицинформ"; 2015. – С. 109-127.
4. Талапина Э. В. Право на информационное самоопределение: на грани публичного и частного // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 24-43. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.24.43 EDN: JYVMRV.
5. Кант И. Сочинения в шести томах. М.: изд-во "Мысль"; 1965. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) Т. 4. Ч. 2. 478 с.
6. Kant I. The metaphysics of morals. In: Gregor MJ, ed. Practical Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press; 1997. Available from: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813306>.
7. Verhulst S.G. Operationalizing digital selfdetermination // Data & Policy. 2023. P. 1-17.
8. Топ-10 цифровых технологий в России и мире. Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1000590046.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).
9. Вайхерт Г. Защита персональных данных в рамках серии дискуссий. Настоящее будущего. – URL: <https://www.datenschutzzentrum.de/uploads/vortraege/20110224-weichert-datenschutz-moskau-ru.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).
10. Талапина Э. В., Черешнева И. А. Правовые проблемы ответственности за государственные управленческие решения с использованием искусственного интеллекта // Информационное общество. 2024. № 6. С. 98-106. EDN: AASLOI.
11. Карташкин В.А. Право на цифровое самоопределение: перспективы международно-правового регулирования // Современное право. 2024. № 9. С. 151-156. DOI: 10.25799/NI.2024.76.88.026 EDN: IJFSUL.
12. Жигарева Ю.С., Смирнова Л.А. Конституционные права человека в цифровом измерении // Законность и правопорядок. 2022. № 2 (34). С. 63-67.
13. Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 949-962. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-949-962 EDN: UKXTQM.
14. Костюк Н. Н. К вопросу о праве физических лиц на цифровое самоопределение // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права : Сборник научных статей к 50-летию кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева; 2024. – С. 89-97. EDN: LTIAEA.
15. Remolina N., Findlay M.J. The Paths to Digital Self-Determination-A Foundational Theoretical Framework. URL: <https://ssrn.com/abstract=3831726> (дата обращения: 20.11.2025).

10.12.2025).

16. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. OUP Oxford; 2014. 248 p.

17. Карпов С.А. Концепция информационного самоопределения и восстановление баланса сил в сфере обработки персональных данных // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 2. С. 113-141. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-2-karpov EDN: AHEUZL.

18. Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 3. С. 122-146. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina EDN: DYOFJK.

19. Черешнева И. А. Искусственный интеллект в государственном управлении и прозрачность: европейский опыт // Государственная служба. 2022. Т. 24, № 2(136). С. 80-87. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-2-80-87 EDN: BYXQGB.

20. Габов А. В., Саяпин С.П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 11(228). С. 9-33. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.009-033 EDN: DGUVWW.

21. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13-82. EDN: LWDBGO.

22. Roughton L. Informational Self-Determination in Context: Privacy and Data Protection in the Age of Big Data and Surveillance Capitalism: MPhil thesis. Oxford: University of Oxford, School of Law; 2021.

23. Kokolakis S. Privacy attitudes and privacy behaviour: A review of current research on the privacy paradox phenomenon // Computers & security. 2017. Vol. 64. P. 122-134.

24. Park Y.J. Digital Literacy and Privacy Behavior Online // Communication Research. 2013. № 40. P. 215-236.

25. Соловяненко Н. И. Проблемы реализации и защиты прав участников экономических отношений в условиях цифрового неравенства // Государство и право. 2023. № 2. С. 188-193. DOI: 10.31857/S102694520024344-9 EDN: YYIQMJ.

26. Черешнева И. А. Цифровое неравенство: возможные пути преодоления // Образование и право. 2022. № 9. С. 139-144. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-139-144 EDN: JNMSQY.

27. Thouvenin F. Informational Self-Determination: A Convincing Rationale for Data Protection Law? // Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law. 2021. Vol. 12. P. 246-256.

28. Тарасова А.Е., Лысова Я.В. Цифровые права как новое поколение прав человека в системе международного права в сфере прав человека // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 1. С. 87-95. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-1-10 EDN: GXRIWD.

29. Соловяненко Н. И. Реализация и защита прав субъектов экономических отношений как компоненты комфортной регуляторной среды цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 6. С. 112-117. DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-6-112-117 EDN: KTQURK.

30. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. М.: ОАО "НПО "Экономика"; 2000. 878 с.

31. Lawrence Lessig. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books; 1999. 297 p.

32. Талапина Э. В. Наблюдение (слежка) и права человека: новые риски цифровой эпохи // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 6(145). С. 123-136. DOI: 10.21128/1812-7126-2021-6-123-136 EDN: EHVBHL.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью: «Трансформация права на информационное самоопределение в эпоху развития искусственного интеллекта и других цифровых технологий: вызовы и перспективы»

1. Предмет исследования - эволюция фундаментального права на информационное самоопределение в условиях цифровой трансформации. Автор анализирует процесс его трансформации в право на цифровое самоопределение, рассматривая философские основания (автономия и достоинство личности), современные технологические вызовы (искусственный интеллект, большие данные, цифровые платформы) и перспективы формирования адекватных правовых механизмов его защиты.

2. Методология исследования

В работе применяется комплексный междисциплинарный методологический подход, сочетающий философско-правовой анализ; сравнительно-правовой метод; системный подход и др. Методологическая база позволяет достичь поставленной цели.

3. Актуальность темы статьи не вызывает сомнений. Стремительное развитие технологий ИИ, доминирование цифровых платформ создают принципиально новые угрозы автономии, достоинству и свободе личности. Исследование трансформации фундаментального права в ответ на эти вызовы весьма актуально.

4. Научная новизна статьи является дискуссионным аспектом, так как проблема трансформации фундаментальных прав в цифровую эпоху, включая право на самоопределение, активно исследуется в современной доктрине. Авторская позиция о переходе от «информационного» к «цифровому» самоопределению отражает современный подход в научной литературе. В этом смысле работу можно скорее охарактеризовать как систематизирующий аналитический обзор и авторскую интерпретацию сложившейся дискуссии.

Основная научная ценность статьи заключается не в открытии абсолютно новой концепции, а в авторской систематизации, продуктивной аналогии и компиляции решений, адаптированных к контексту российской правовой системы. Работа выполняет важную функцию обобщения и концептуализации широкого круга идей, представленных в современной литературе, и предлагает собственный путь их интеграции.

5. Стил, структура и содержание

Статья написана ясным, академическим языком с корректным использованием специальной терминологии. Структура логична и последовательна. Содержание демонстрирует глубокую теоретическую проработанность темы и умение работать с разнородными источниками (от классической философии до современных зарубежных и отечественных исследований).

6. Библиография

Список литературы обширен, репрезентативен и современен.

7. Апелляция к оппонентам

Автор ведет заочную полемику с несколькими оппонентами: с теми, кто полагает, что традиционных механизмов защиты персональных данных достаточно в новых условиях; с исследователями, скептически относящимися к возможности индивидуального контроля над данными; с теми, кто признает нерегулируемым технологическое развитие. Утверждение о необходимости активной роли государства, установления обязанностей для платформ и примата интересов личности представляет собой четкую нормативную позицию.

8. Выводы и интерес для читательской аудитории

Выводы статьи являются логичным завершением исследования, суммируя тезисы о трансформации права, вызовах и необходимых правовых механизмах. Работа представляет интерес для теоретиков права и философов права, специалистов в области информационного и конституционного права, законодателей и правоприменителей

Общий вывод

Несмотря на то, что общая проблематика трансформации прав в цифровую эпоху является активно разрабатываемой, автор демонстрирует глубокое понимание дискуссии и предлагает собственный системный анализ и конструктивные предложения, увязанные с отечественным правовым контекстом. Работа представляет собой добротное аналитическое исследование, вносящее вклад в развитие темы. Рекомендуется к публикации.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Плешанов А.Г. Сфера действия как критерий классификации принципов цивилистического процессуального права // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77390 EDN: TRYZVO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77390

Сфера действия как критерий классификации принципов цивилистического процессуального права

Плешанов Александр Геннадьевич

кандидат юридических наук

доцент; кафедра гражданского процесса; Уральский государственный юридический университет им.
В.Ф. Яковлева

620137, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, оф. 404

✉ algenp0911@gmail.com



[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77390

EDN:

TRYZVO

Дата направления статьи в редакцию:

21-12-2025

Аннотация: Объектом исследования является одна из ключевых проблем теории принципов цивилистического процессуального права – проблема их классификации. Объектом исследования является одна из ключевых проблем теории принципов цивилистического процессуального права – проблема их классификации. Новизна исследования состоит в том, что классификация принципов по сфере действия рассматривается сквозь призму выделения в современной правовой системе России двух отраслевых образований – цивилистического процессуального права (включающего в себя две подотрасли – гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное право) и административного процессуального права, возникшего путем обособления части судебных процедур, ранее существовавших в правовом поле гражданского судопроизводства. Предметом исследования выступают работы учёных в области цивилистического процесса, посвященные вопросам теории принципов гражданского процессуального права, а также нормы процессуального (гражданского, арбитражного и административного) законодательства, посредством которых

осуществляется прямое и косвенное закрепление принципов цивилистического процессуального права. Методологическую основу исследования составили следующие методы: анализ, синтез, системно-структурный, формально-логический, теоретико-прогностический, сравнительно-правовой, толкование норм права. Основными выводами проведенного исследования являются следующие положения. Сфера действия сохраняет свое значение центрального критерия классификации принципов, посредством которого осуществляется приведение принципов, выражающих специфику такого предмета регулирования, как цивилистический процесс, в юридически и логически стройную систему. С точки зрения идентификационной функции принципов, а также исторически сложившейся типологии процессов, сфера действия, как критерий классификации, проявляется в следующих трех форматах: 1) сегмент процессуального права, охватывающий три существенно различающихся по правовой природе вида процесса – цивилистический, административный и уголовный (в данном сегменте правовой системы действуют принципы, общие для цивилистического процессуального, административного процессуального и уголовного процессуального права); 2) сегмент процессуального права, охватывающий два вида процесса – цивилистический и административный (в данном сегменте правовой системы действуют принципы, общие для двух отраслей, основанных на едином стандарте процесса и процессуальной формы, но различающихся по характеру защищаемых интересов и целям реализуемых видов судопроизводства – цивилистического процессуального и административного процессуального права); 3) институт процессуального права (цивилистического и административного).

Ключевые слова:

цивилистическое процессуальное право, отраслевые принципы, классификация принципов, общеправовые принципы, специфические принципы, институциональные принципы, система принципов, принципы судебного примирения, принципы судебного доказывания, принципы института компетенции

Одним из наиболее важных вопросов теории принципов гражданского процессуального права традиционно признается вопрос об их классификации. Познавательное значение классификации принципов состоит в том, что она позволяет раскрыть ту или иную сторону механизма действия принципов, относящихся к определенному виду, и системы принципов в целом. По меткому выражению Т. В. Сахновой, ««работа» системы принципов гражданского процессуального права наглядно отражается в классификации принципов» [\[27, с. 87\]](#).

Приступая к рассмотрению вопроса, вынесенного в заглавие настоящей статьи, необходимо четко обозначить соотношение понятий «классификация принципов» и «система принципов», поскольку указанные понятия, несмотря на близость (подразумевают упорядочивание множества элементов, образующих единое целое; предполагают наличие внутренней согласованности элементов целого), несут различную смысловую нагрузку. Классификация есть разделение целого на составные части по определенному классифицирующему критерию; главное в системе принципов — связи между отдельными принципами, а систематизация принципов есть не что иное, как сведение принципов к внутренне согласованному единству или, иными словами, деятельность по упорядочению принципов, приведению их в систему [\[27, с. 86\]](#).

В доктрине гражданского процессуального права наибольшее распространение получили три критерия разделения принципов на виды: 1) по источнику нормативного закрепления; 2) по сфере действия и 3) по объекту регулирующего воздействия.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает второй из указанных критериев (сфера действия принципов), на основе которого в литературе, как по общей теории права [34, с. 280], так и по гражданскому процессу [5, с. 35], обычно выделяют четыре вида принципов: 1) общеправовые, т.е. охватывающие все право; 2) межотраслевые, т.е. действующие одновременно в нескольких отраслях права; 3) отраслевые, или специфические отраслевые, сферой действия которых является только одна отрасль права; 4) принципы отдельных правовых институтов (институциональные).

Представляется, что данная классификация и положенный в ее основание критерий нуждаются в переосмыслении, имея в виду, что с момента введения их в научный оборот в правовом регулировании деятельности по отправлению правосудия в России произошли довольно радикальные изменения.

Что касается общеправовых принципов, то, на первый взгляд, сложившееся понимание данного вида принципов в силу своей предельной четкости не нуждается ни в критическом анализе, ни тем более в каких-либо корректировках: под общеправовыми принципами понимаются такие нормативно-руководящие положения, которые распространяются на всю систему российского права (принципы законности, гуманизма, справедливости, всемерной охраны и защиты прав и свобод, сочетания личных и общественных интересов, единства прав и обязанностей и некоторые другие).

И все же, как минимум, одно внутреннее противоречие в обозначенном общепринятом подходе к общеправовым принципам имеет место. Согласно устоявшемуся в теории права подходу, *принципы индивидуализируют отрасль права, являющуюся сферой их влияния*, т.е. наряду с такими фундаментальными характеристиками, как предмет и метод, определяют специфику данной отрасли права как самостоятельного правового образования в системе права. Возникает вопрос: как принцип, будучи общим для всей системы права, может выполнять индивидуализирующую функцию по отношению к конкретной, отдельно взятой отрасли? Если исходить из буквального понимания, все общеправовые принципы охватывают своим действием сферу судопроизводства по гражданским делам. В реальности же влияние на правовое регулирование в указанной сфере оказывают лишь некоторые общеправовые принципы (в частности, законность, равенство всех перед законом и судом, справедливость, разумность, правовая определенность).

Другой, не менее значимый вопрос связан с нормативным выражением общеправовых принципов, хотя этот вопрос касается другого критерия классификации принципов — источника их нормативного закрепления. И тем не менее. Нормативность, то есть закреплённость в конкретных нормах, традиционно рассматривается как обязательный признак, без которого нельзя говорить о той или иной значимой идее как о правовом принципе [22, с. 100]. По источнику нормативного закрепления, как известно, различаются принципы конституционные и закреплённые в отраслевом законодательстве [43, с. 24; 15, с. 32]. Может ли считаться общеправовым принцип, закреплённый в отраслевом законодательстве, но не имеющий закрепления в Конституции? Если нет, то означает ли это, что общеправовыми могут считаться исключительно конституционные принципы? Без ответа на данный вопрос вряд ли возможно очертить круг общеправовых принципов.

Высказанные соображения относительно общеправовых принципов с логической неизбежностью наводят на мысль о противоречии между родовым и видовым понятиями. Объектом классификации по сфере действия выступают принципы гражданского процессуального права (родовое понятие), а общеправовые принципы, для которых гражданское процессуальное право выступает лишь одним из сегментов сферы действия, выступают в качестве одного из видовых понятий. В таком случае представляется, что общеправовые принципы нельзя рассматривать как один из видов в рамках классификации принципов гражданского процессуального права по сфере действия. Общеправовые принципы в силу своей всеобщности находят специфические формы выражения в области гражданского судопроизводства и в этом смысле дополняют представления о нем, формируемые, прежде всего, на основе отраслевых принципов. В этой связи представляется, что специфика *конкретной отрасли* процессуального права находит концентрированное выражение в принципах трех видов — межотраслевых, отраслевых и институциональных. Однако, речь не идет об исключении общеправовых принципов из классификации, скорее об их особом положении в системе принципов права в целом и особом значении в развитии процессуальных отраслей права (гражданского, арбитражного, административного, уголовного).

Наиболее пристального внимания в рамках рассматриваемой классификации, по нашему мнению, заслуживают два вида принципов — межотраслевые и отраслевые, или специфические отраслевые.

Несомненно, на момент введения классификации по сфере действия ситуация радикально отличалась от современной: гражданское процессуальное право являлось своего рода моноотраслью процессуального права, предметом которой охватывалось судопроизводство по гражданским делам, как частноправовой, так и публично правовой направленности, а дела экономического характера рассматривались в рамках особой несудебной процедуры специальными органами несудебной юрисдикции — государственными и ведомственными арбитражами.

В описанной ситуации вполне обоснованно констатировалось существование межотраслевых принципов, которые распространяют свое действие и на гражданское процессуальное, и на уголовное процессуальное право, а также специфически отраслевых - характерных исключительно для гражданского процессуального права и присущих только уголовному процессуальному праву [\[29, с. 221\]](#)

Возникновение системы арбитражных судов на базе советских органов арбитража в сочетании с появлением нормативно установленного порядка отправления правосудия по экономическим спорам стало основой для вывода о появлении нового элемента в системе российского права — арбитражного процессуального права, которое характеризуется не только наличием кодифицированного акта как основного источника (АПК РФ), но также своими предметом, методом, системой и принципами. При этом в литературе справедливо отмечалось, что гражданское процессуальное право и арбитражное процессуальное право в основе своей имеют практически одни и те же принципы, действие которых в каждой из двух родственных отраслей характеризуется отдельными особенностями.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда практически все принципы, характерные для гражданского процессуального права, обрели статус межотраслевых, поскольку своим действием охватывали одновременно как минимум две отрасли (а некоторые — три, с учетом уголовного процессуального права). При этом отраслевые принципы, которые призваны выполнять идентификационную функцию (выражать специфику одной

определенной отрасли российского права), практически сошли на нет. До определенного момента в эту группу попадал только один принцип — непрерывность судебного разбирательства, который сохранялся в гражданском процессе, но отсутствовал в арбитражном и уголовном, однако в силу ряда причин Федеральным законом от 29.07.2017 № 260-ФЗ нормы о непрерывности судебного разбирательства были исключены из действующего ГПК РФ. Но если все принципы, кроме общеправовых, имеют одинаковый статус межотраслевых, во-первых, резко снижается познавательное значение рассматриваемой классификации; во-вторых, размывается идентификационная функция отраслевых принципов, ведь фактически их место занимают принципы межотраслевые.

В известной мере схожая ситуация повторилась в 2015 году, когда был принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ). Хотя принятие КАС РФ не привело к формированию специальных судебных органов по рассмотрению административных дел, сам факт принятия кодифицированного акта не мог не породить научной дискуссии о соотношении трех видов судопроизводства — гражданского, арбитражного и административного, и одновременно о существовании административного процессуального права как самостоятельной отрасли наряду с гражданским процессуальным и арбитражным процессуальным.

Обозначились две точки зрения. Согласно первой точке зрения, административное судопроизводство включается в содержание гражданского процесса наряду с гражданским и арбитражным процессами [\[8, с. 87; 20, с. 92; 41, с. 62; 7, с. 42; 21, с. 324; 26, с. 491-507\]](#). В соответствии с другой точкой зрения понятием «гражданский процесс» охватывается совокупность гражданского и арбитражного процесса, административное судопроизводство представляет собой особый порядок рассмотрения дел, не являющихся частью гражданского процесса [\[18, с. 52-53; 24, с. 16-18; 9, с. 23-35; 14, с. 279; 32, с. 12; 33, с. 5-8\]](#).

Не вступая в полемику относительно существа обозначенного вопроса (поскольку он выходит за рамки настоящей статьи), необходимо отметить, что каждая из указанных точек зрения имеет под собой определенные основания. Однако, существует вполне определенное правовое регулирование, не позволяющее на сегодняшний день говорить о существовании целостного понятия «гражданский процесс», которое охватывало бы три вида судопроизводства — гражданское, арбитражное и административное. Законодатель сделал несколько шагов, недвусмысленно указывающих на придание судопроизводству по гражданским делам публично-правовой направленности статуса самостоятельного вида судопроизводства, отличного от гражданского и арбитражного: включение административного судопроизводства в перечень признаваемых на конституционном уровне видов судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ), принятие детализированного процессуального регламента рассмотрения дел по спорам между гражданами и органами публичной власти, выделение самостоятельных понятий «административное дело» и «административное исковое заявление» и т. д. В этой связи представляется верным вывод Ю. Н. Старилова о том, что КАС РФ создает судебный процесс разрешения административных споров, сформировавшихся в области осуществления органами публичного управления действий и принятия решений, и полноценно определяет процессуальные порядки судебной деятельности по осуществлению контроля за публичным управлением, [\[32, с. 12\]](#).

Административное судопроизводство, исходя из современного состояния правового регулирования, представляет собой сферу правоотношений, генетически связанную с

публичными интересами, что с неизбежностью оказывает влияние на природу административных дел, которая не может не отличаться от природы гражданских дел, ; , [17, с. 33-51; 14, с. 274; 3, с. 423-437]. Другой значимый фактор — различие в целях гражданского и административного судопроизводства, [12, с. 88-91]. Оба указанных фактора, выражающие специфику предмета регулирования административного процессуального права, не могут не оказывать влияния и на другие признаки юридического своеобразия данной отрасли права — ее систему, метод и принципы. Таким образом, представляется верным предположение в литературе определение административного процессуального права как самостоятельной отрасли российского процессуального права, которая представляет собой совокупность процессуально-правовых норм, регулирующих отношения, возникающие при отправлении правосудия по административным делам, [42, с. 7-9].

При этом процессуальная форма административного судопроизводства своим происхождением неразрывно связана с гражданским судопроизводством и гражданской процессуальной формой, которые возникнув как ответ на потребность в урегулировании государством споров о частных правах, стали основой для формирования процессуальной формы для урегулирования споров между гражданами и властными субъектами по поводу реализации ими своих публичных полномочий (споров о публичных правах). В этой связи автор настоящей статьи разделяет мнение ученых, которые квалифицируют факт принятия КАС как законодательное обособление части судебных процессуальных процедур, [28, с. 3-10]. Такое обособление положило начало формированию административной процессуальной формы, родственной своим базовым характеристикам к гражданской процессуальной форме.

В этой связи закономерно, что административное судопроизводство базируется в основном на тех же принципах, что и гражданское и арбитражное, однако это не исключает, а скорее подразумевает, наличие целого ряда особенностей действия таких принципов. Так, в частности, законность, по мысли законодателя, должна реализовываться при рассмотрении административных дел в неслучайной связке со справедливостью, а состязательность и равноправие сторон — при активной роли суда.

Таким образом, современное состояние правового регулирования дает достаточные основания говорить о едином для двух правовых образований в системе российского права (гражданского процессуального и арбитражного процессуального права) предмете правового регулирования, каковым является гражданско-правовой процесс, то есть деятельность по отправлению правосудия как по гражданским делам, так и по экономическим спорам, которые по сути представляют собой разновидность гражданских дел. Именно единство предмета регулирования обуславливает общность метода, системы и принципов. Существование отдельных процессуальных особенностей рассмотрения дел общей гражданской направленности и дел по экономическим спорам не способно поколебать единство процессуальной формы, одним из проявлений которого является единство принципов. Таким образом, гражданско-правовой процесс является предметом регулирования единой отрасли — гражданского процессуального права, которое состоит из двух подотраслей — гражданского процессуального и арбитражного процессуального права.

Исходя из признания факта параллельного существования гражданского процессуального права и родственного по базовым характеристикам административного процессуального права, необходимо констатировать трансформацию принципов, которые ранее принято было именовать отраслевыми, или специфически отраслевыми, в

межотраслевые принципы, сферой действия которых выступают одновременно гражданское процессуальное право, состоящее из двух подотраслей (гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное право) и административное процессуальное право. К числу таких принципов в настоящее время относятся принципы диспозитивности, доступности судебной защиты, судейского руководства процессом, установления истины, процессуальной экономии.

Отдельную группу межотраслевых принципов образуют принципы, действующие одновременно в гражданском процессуальном, административном процессуальном и уголовном процессуальном праве (состязательность, процессуальное равноправие сторон, независимость судей и подчинение их только Конституции и федеральному закону, государственный язык судопроизводства, гласность, осуществление правосудия только судом, разумность сроков судопроизводства). Говорить о межотраслевом характере принципов, действующих одновременно в двух подотраслях гражданского процессуального права (гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном), представляется некорректным. Ведь по сути речь идет о принципах одной отрасли, которые могут иметь конкретные особенности действия в той или иной из подотраслей, обусловленные спецификой гражданских дел и дел по экономическим спорам.

Что касается специфических отраслевых принципов, то логично предположить, что в таком качестве должны выступать принципы, сферой действия которых является только одна из трех отраслей - гражданское процессуальное, административное процессуальное или уголовное процессуальное право. Однако, в силу единства происхождения первых двух отраслей, в настоящее время говорить о существовании таких принципов проблематично. И тем не менее, учитывая, что все перечисленные типы процессов и отрасли процессуального права динамично развиваются, появление специфических принципов в будущем вполне реально.

Дискуссионным в науке остается вопрос о выделении такой разновидности принципов, как институциональные.

Со времен, когда данный вопрос был впервые поставлен в литературе [\[29, с. 221\]](#), прошло уже более полувека, российское гражданское судопроизводство пережило несколько крупных трансформаций, и есть все основания для того, чтобы попытаться заново осмыслить современное состояние доктрины, законодательства и практики по данному вопросу.

Примечательно, что в фокусе научной дискуссии по проблеме институциональных принципов неизменно продолжает оставаться лишь один вопрос — могут ли считаться принципами права начала, действие которых ограничено рамками относительно небольших по объему правовых образований, каковыми являются правовые институты, имея в виду, что одной из ключевых характеристик принципов права традиционно признается способность охватывать своим действием *все нормы и институты* отрасли, в частности гражданского процессуального права [\[30, с. 16-17\]](#), то есть своего рода всеохватность. Иными словами, принцип права имеет определяющее значение для всей системы процессуальных институтов [\[38, с. 7\]](#), а значит начало, которое имеет определяющее значение только для одного института отрасли не может претендовать на статус принципа отрасли [\[36, с. 10\]](#).

Не оспаривая логическую стройность приведенной позиции, нельзя не отметить, что при ближайшем рассмотрении она вызывает серьезные возражения. Прежде всего,

необходимо констатировать, что эффект рассмотрения институциональных принципов исключительно сквозь призму классификации по сфере действия оказался скорее негативным, чем позитивным, говоря более конкретно, этот эффект привел значительную часть исследователей к отрицанию самого существования таких принципов. В этой связи представляется необходимым сменить парадигму, в которой рассматриваются институциональные принципы, взглянув на проблему с позиции положения таких принципов в системе принципов, а не их классификации. Это положение носит двуединый характер. Будучи концентрированным выражением сущности института, в нормах которого закреплён тот или иной институциональный принцип, он одновременно позиционируется как принцип специальный по отношению к принципам, которые выражают сущность и специфику отрасли в целом. Тем самым подчеркивается значимость правового института как самостоятельного объекта исследования, о чем справедливо указывалось в литературе [\[16, с. 6\]](#), и в то же время делается дополнительный акцент на том факте, что принципы, как явление сложное и многогранное, могут выражать специфику отрасли через характеристику разных составляющих предмета ее правового регулирования (институтов, стадий цивилистического процесса, видов производств). В этой связи высказанная рядом исследователей идея специальных принципов, одним из проявлений которых являются принципы отдельных правовых институтов, представляется заслуживающей внимания и перспективной [\[11, с. 158-166; 10, с. 18-19; 1, с. 19-24; 18, с. 38-42; 13, с. 10-11, 17, 20\]](#). Подчеркнем лишь один немаловажный момент: было бы не верно ставить знак равенства между институциональными принципами и принципами специальными. В основе выделения специальных принципов лежит не сфера действия, а характер определяемых ими отношений: общие принципы оказывают регулирующее воздействие на отношения, имеющие значение для цивилистического процессуального права в целом, а специальные принципы — лишь для отдельных институтов этой отрасли, а также стадий и видов производств цивилистического процесса.

Обращает на себя внимание также проблема верификации всеохватности как признака, имманентно присущего любому принципу права: как определить, имеет ли принцип отношение *ко всем институтам и нормам процессуального права*. Между тем, исходя из буквального смысла рассматриваемого признака, действие любого принципа гражданского процессуального права должно прослеживаться во всех без исключения нормах и институтах гражданского процессуального права.

Однако, это не соответствует реальному положению вещей. Так, процессуальная доктрина не ставит под сомнение статус диспозитивности, гласности и независимости судей как принципов, присущих отрасли в целом. А между тем, нельзя не отметить, что степень интегрированности указанных принципов в нормы и институты гражданского процессуального права не одинакова. Наиболее широким является охват институтов, характерный для принципа диспозитивности, ведь распоряжаемость, как свойство материальных и процессуальных прав, лежащая в основе диспозитивности, уже сама по себе предполагает влияние данного принципа на реализацию многочисленных процессуальных прав участников процесса, которые, в свою очередь, возникают в недрах различных институтов процессуального права. Относительно независимости судей говорить о таком же охвате институтов, как у диспозитивности, уже не приходится: несмотря на широчайший спектр гарантий данного принципа, процессуальное ядро судебной независимости все-таки ограничено рамками трех институтов — отводов, доказательств и судебного решения. Наконец, принцип гласности, хотя и действует преимущественно в стадии судебного разбирательства, отражает открытость как одно из базовых условий деятельности суда по отправлению правосудия и по этой причине имеет

прямое закрепление в Конституции.

Еще одно возражение в связи с абсолютизацией признака всеохватности принципа — неочевидный, сложный характер корреляции между всеохватностью принципов и их системностью. Системность означает, что только через объективные связи между отдельными принципами, их обусловленность, взаимозависимость и внутреннюю согласованность между собой возможно эффективное воздействие принципов на право, а значит, и воздействие права на регулируемые им общественные отношения. В литературе справедливо отмечается, что значение каждого принципа определяется его взаимодействием с остальными и влиянием всех вместе принципов в системе на все стадии и институты. Именно связь принципов по содержанию, их взаимообусловленность и взаимодействие лежат в основе системы принципов. Иными словами, системность является по сути выражением способа существования принципов отрасли права.

Согласно преобладающей в науке точке зрения, системность присуща только принципам отрасли права в целом, поскольку производна от системного построения отрасли: именно за счет интегрированности принципа отрасли в ее систему он начинает взаимодействовать с другими принципами отрасли и тем самым оказывать влияние на все институты и все стадии судебной деятельности [\[39, с. 54-56; 6, с. 30\]](#), а значит, охватывать своим действием отрасль в целом, деятельность суда, осуществляемую по правилам процессуального права.

По нашему мнению, системность нельзя рассматривать как свойство, однозначно исключающее существование институциональных принципов права вообще и цивилистического процессуального права в частности.

Дело в том, что институциональные принципы, как и отраслевые, интегрируются в систему отрасли, но если отраслевые интегрируются в нее напрямую, как начала в которых раскрываются сущностные черты судопроизводства в целом, то интеграция институциональных принципов осуществляется опосредованно - через нормы того института, сущностные аспекты которого такими принципами раскрываются.

Ярким примером такой интеграции является принцип свободной оценки доказательств. Определяющее значение этот принцип, безусловно, имеет для института доказательств и доказывания, но в системе с другими принципами и прежде всего с такими, как независимость судей, судебское руководство процессом, состязательность, юридическая истина, принцип свободной оценки доказательств оказывает серьезное влияние на весь строй гражданского судопроизводства, на все институты гражданского процессуального права.

Другой пример - принцип полного или частичного возмещения судебных расходов стороне в зависимости от исхода дела (принцип пропорционального возмещения судебных расходов), действие и значение которого ограничено рамками института судебных расходов.

Наконец, возражение против всеохватности, как непременного свойства принципа права, вызывает и такой фактор, как существование сложной системы связей между разноуровневыми принципами цивилистического процесса.

В этой связи нельзя не согласиться с Т.В. Сахновой в том, что главное в системе принципов — связи между отдельными принципами, а систематизация принципов есть не что иное, как сведение принципов к внутренне согласованному единству или, иными

словами, деятельность по упорядочению принципов, приведению их в систему [\[27, с. 86\]](#).

По нашему мнению, в системе принципов объективно существуют связи трех типов, а именно: между отраслевыми принципами, между отраслевыми и институциональными принципами и наконец, между институциональными принципами.

Существование многочисленных связей между различными отраслевыми принципами, в частности между состязательностью и диспозитивностью, состязательностью и процессуальным равноправием сторон, судебским руководством процессом и установлением истины, отмечается рядом ученых, которые указывают на связи как основу системы принципов, в отличие от классификации, которая основывается на специально выделяемых критериях [\[27, с. 86-89\]](#). Не менее значимыми, на наш взгляд, являются связи между отраслевыми и институциональными принципами, например связь между таким принципом примирения, как добровольность, и специфическим отраслевым принципом диспозитивности: по существу, свобода применения той или иной примирительной процедуры, выраженная в данном принципе, является частным проявлением свободы выбора заинтересованным в деле лицом варианта поведения в процессе защиты своего права в суде.

Связи третьего типа — между принципами различных институтов — объективно обусловлены связями между отдельными институтами, которые являются сферой действия соответствующих институциональных принципов. Ярким примером связей такого типа являются связи между принципами доказывания и принципами судебного разбирательства. Указанные институты органически связаны между собой: два важнейших этапа судебного доказывания - исследование и оценка доказательств - протекают в стадии судебного разбирательства. Выстраивается следующая взаимозависимость: принцип непосредственности, с одной стороны предопределяет способы исследования отдельных видов доказательств, а с другой - характеризует базовое условие оценки доказательств, в основе которой лежат принципы непредустановленности и свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи.

Изложенное дает основание для следующего вывода: для институциональных принципов характерно своеобразное сквозное (объединительное, системное) действие, в рамках которого каждый из них отвечает за конкретный, значимый с точки зрения достижения целей правосудия, «участок» (сегмент) правового регулирования процессуальных правоотношений. Однако, значение институционального принципа не исчерпывается действием в рамках какого-либо одного института, а напротив, определяется его взаимодействием с остальными принципами и влиянием всей системы принципов в целом на течение, алгоритм гражданского судопроизводства [\[27, с. 87\]](#). Оказывая непосредственное влияние на одну критически значимую сторону процесса, институциональный принцип оказывает опосредованное действие на нормы и институты, регулирующие другие важные стороны судопроизводства. Так, прямое действие принципов устности и непосредственности сконцентрировано на стадии судебного разбирательства. Однако опосредованное влияние указанных принципов прослеживается в нормах института судебных доказательств, органически связанного с институтом судебного разбирательства. Таким образом, достигается своеобразный синергетический эффект: действие системы отрасли права усиливает действие системы принципов, тем самым придавая каждому из принципов свойство всеобщности в рамках данной конкретной отрасли права.

Итак, институциональные принципы составляют неотъемлемый элемент системы принципов любой процессуальной отрасли (и цивилистического процессуального, и административного процессуального права) и одновременно сами эти принципы, находясь во взаимосвязях и взаимозависимостях с принципами отрасли в целом, образуют систему, но уже на своем уровне.

Характеризуя систему институциональных принципов, прежде всего, хотелось бы выдвинуть два базовых тезиса.

Во-первых, система институциональных принципов является довольно динамичным образованием, находится в состоянии активного эволюционирования. Во-вторых, существование правового института как неотъемлемого элемента системы отрасли процессуального права представляет собой основу, своего рода фундамент, «питательную среду» для возникновения и развития принципов, выражающих сущность и значимость института для развития отрасли.

Означает ли сказанное, что во всех без исключения правовых институтах должны существовать свои принципы? Представляется, что на этот вопрос необходимо дать отрицательный ответ. Все-таки жизнеспособность института не находится в жесткой зависимости от наличия в его основе принципов. Здесь видится иная зависимость: институциональные принципы формируются лишь в недрах тех институтов, которые способны оказывать влияние на развитие отрасли в целом. В этой связи, не случайными представляются предпринимавшиеся в разное время в отечественной литературе попытки обоснования принципов таких институтов, как подведомственность [\[16, с. 7-8, 12-13; 4, с. 129; 40, с. 75-106\]](#) и судебное доказывание [\[37, с. 115; 23, с. 22-24; 25, с. 56-60\]](#).

Значение этих институтов для развития процессуального права (как цивилистического, так административного) является фундаментальным: принципы компетенции определяют границы применимости судебной формы защиты, что крайне важно как с точки зрения нормального функционирования судебной системы, так и с точки зрения реализации права на судебную защиту; принципы доказывания напрямую обеспечивают и модель, и задачи судопроизводства по гражданским делам.

Однако, речь не идет о застывшем, не подверженном каким-либо изменениям положении вещей. Как и любой живой организм, отрасль претерпевает трансформации в процессе своего развития, в связи с чем могут появляться новые институты, а значимость существующих институтов может повышаться или, наоборот, понижаться. В этой связи неизбежны корректировки и в системе институциональных принципов.

Важную роль в развитии системы институциональных принципов, как представляется, имеет ценностный (аксиологический) фактор. Вводя тот или иной институт в процессуальное законодательство в ответ на возникшую в обществе потребность, законодатель имеет все основания для того, чтобы в рамках формируемой им совокупности норм нового института выделить норму, определяющую состав принципов этого института, а также некоторое количество норм, раскрывающих содержание зафиксированных этой нормой принципов. При этом важно, чтобы формируемая совокупность принципов нового института вписалась (интегрировалась) в систему уже существующих принципов отрасли, то есть, как минимум, не вступала в диссонанс с ними, а, как максимум, служила своего рода продолжением признанных отраслевых принципов, усиливая уже существующие элементы их содержания и пополняя круг известных сложившихся проявлений принципов отрасли за счет закрепления новых элементов.

Особенно ярко данный тезис подтверждается на примере принципов примирения, получивших закрепление одновременно с выделением в системе отрасли одноименного института, нормы которого были объединены в гл. 14.1 ГПК, гл. 15 АПК и ст. 137.1-137.7 КАС (Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). До этого вопросы примирения ставились в отечественной процессуальной науке преимущественно в контексте мирового соглашения как распорядительного акта, выражающего двустороннее волеизъявление сторон на урегулирование спора, как правило, на основе взаимных уступок. Придание примирительным процедурам статуса самостоятельного процессуального института стало результатом переосмысления законодателем ценности примирения как способа урегулирования возникшего гражданско-правового спора. Совершенно очевидно, что, закрепляя нормы о примирительных процедурах в отдельной главе кодифицированного акта, законодатель стремился повысить интерес сторон к примирению. При таком подходе для достижения целей правового регулирования важно, чтобы в основе деятельности, направленной на примирение, лежала логически стройная система ясных и в то же время выверенных в доктринальном и практическом плане идей.

Сформировавшаяся на данный момент система институциональных принципов цивилистического процессуального права представляет собой *соединение отличающихся взаимосвязанностью на функциональной основе принципов отдельных институтов (выступающих в качестве элементов системы) в единое целое.*

В настоящее время данная система включает в себя следующие институциональные принципы процессуального (цивилистического и административного) права:

- 1) принципы института компетенции: принцип универсальной подсудности гражданских дел судам общей юрисдикции [\[40, с. 89-106\]](#), принцип отрицательной арбитрабельности, принцип относительной некомпетентности суда общей юрисдикции при наличии арбитражного соглашения;
- 2) принципы института доказывания: содействие суда сторонам в собирании доказательств, непредустановленность доказательств (свободная оценка доказательств), допустимость доказательств [\[37, с. 115; 25, с. 56-60\]](#);
- 3) принципы института судебного разбирательства: непосредственность, устность, руководящая роль председательствующего в судебном заседании, жесткая связанность суда и других участников процесса регламентом судебного разбирательства (принцип алгоритмичности);
- 4) принципа института примирения: добровольность, сотрудничество, равноправие, конфиденциальность;
- 5) принципы института проверки и пересмотра судебных актов [\[13, с. 10-11, 17, 20; 35, с. 10-11, 19-20\]](#): последовательное обжалование судебных актов, многообразие форм проверки и пересмотра судебных актов (принцип многоформия, или полиформизма в оспаривании судебных актов), деволютивность.

Дальнейшее развитие системы институциональных принципов, без сомнения, будет определяться запросом общества на совершенствование законодательства в области цивилистического процесса, а также новыми вызовами, возникающими в ходе его развития [\[31, с. 8-13\]](#).

Так, современное процессуальное законодательство позволяет говорить о формировании нового института процессуального права - института электронного правосудия, фундаментальную основу которого, с высокой степенью вероятности, составят институциональные принципы электронного правосудия, среди которых обосновывается выделение, в частности, принципа дистанционности, принципа информационной открытости правосудия и принципа доступности информации о деятельности органов судебной власти, [\[2, с. 59-62\]](#).

Подводя итоги проведенного анализа, необходимо отметить следующее.

Сфера действия сохраняет свое значение центрального критерия классификации принципов, посредством которого осуществляется приведение принципов, выражающих специфику такого предмета регулирования, как цивилистический процесс, в юридически и логически стройную систему.

С точки зрения идентификационной функции принципов, а также исторически сложившейся типологии процессов, сфера действия, как критерий классификации, проявляется в следующих трех форматах:

1) сегмент процессуального права, охватывающий три существенно различающихся по правовой природе вида процесса — цивилистический, административный и уголовный (в данном сегменте правовой системы действуют принципы, общие для цивилистического процессуального, административного процессуального и уголовного процессуального права);

2) сегмент процессуального права, охватывающий два вида процесса — цивилистический и административный (в данном сегменте правовой системы действуют принципы, общие для двух отраслей, основанных на едином стандарте процесса и процессуальной формы, но различающихся по характеру защищаемых интересов и целям реализуемых видов судопроизводства — цивилистического процессуального и административного процессуального права);

3) институт процессуального права (цивилистического и административного).

Для общеправовых принципов характерно особое положение в системе принципов права в целом и одновременно особое значение в развитии процессуальных отраслей права (гражданского, арбитражного, административного, уголовного).

Говоря более конкретно, общеправовые принципы в силу своей всеобщности не выражают специфику конкретной отрасли, но находят специфические формы выражения в области цивилистического процесса и административного судопроизводства и в этом смысле дополняют представления о них, формируемые, прежде всего, на основе отраслевых принципов.

Специфика *собственно* цивилистического процессуального и административного процессуального права в настоящее время находит концентрированное выражение в межотраслевых принципах и в принципах отдельных институтов обеих указанных отраслей.

Межотраслевые принципы отличаются большим разнообразием и образуют две группы, различающихся по отраслевым параметрам действия:

1) действующие одновременно в цивилистическом процессуальном, административном процессуальном и уголовном процессуальном праве (принципы состязательности, процессуального равноправия сторон, независимости судей и подчинения их только

Конституции и федеральному закону, государственного языка судопроизводства, гласности, осуществления правосудия только судом, разумности сроков судопроизводства);

2) действующие одновременно в цивилистическом процессуальное право (гражданском процессуальном, арбитражном процессуальном) и в административном процессуальном праве (принципы диспозитивности, доступности судебной защиты, судейского руководства процессом, установления истины, процессуальной экономии).

Институциональные принципы цивилистического процессуального права необходимо рассматривать, прежде всего, как элемент системы принципов процессуального права, и только во вторую очередь как один из видов принципов, выделяемых по критерию сферы действия. Поэтому рассмотрение институциональных принципов сквозь призму всеохватности представляется некорректным. Свое предназначение и статус принципов институциональные принципы обретают не благодаря всеохватности, а благодаря системности, являющейся выражением способа существования принципов права и в то же время неперенным условием их эффективного воздействия на право, а значит, и воздействия права на регулируемые им общественные отношения. Именно в системе (через объективные связи между отдельными принципами, их обусловленность, взаимозависимость и внутреннюю согласованность между собой) полностью раскрывается механизм действия каждого отдельно взятого институционального принципа, его значение для характеристики соответствующей процессуальной отрасли.

Таким образом, с одной стороны, значение каждого институционального принципа не исчерпывается действием в рамках какого-либо одного института, а определяться его взаимодействием с остальными принципами и влиянием всей системы принципов в целом на течение, алгоритм судопроизводства. Иными словами, о каком бы институциональном принципе ни шла речь, он вносит свою «лепту» в реализацию задач гражданского судопроизводства не автономно, а посредством своих многочисленных связей и взаимосвязей с другими принципами, т.е. будучи встроенным в систему принципов, согласованным, взаимно увязанным со всеми остальными элементами системы — принципами соответствующей отрасли процессуального права. С другой стороны, институциональные принципы выражают сущностные черты правового института, как важного структурного элемента системы отрасли и в этом смысле, безусловно, заслуживают статуса самостоятельного вида принципов процессуального права в рамках классификации по сфере действия.

Институциональные принципы имеют много общего с принципами отрасли, но при этом характеризуются и рядом черт, подчеркивающих их своеобразие. Прежде всего, институциональные принципы - явление более динамичное, нежели принципы, которые позиционируются как принципы права вообще или конкретной отрасли права. Они более «отзывчивы» к потребностям, порождаемым самой жизнью в различных сферах правоотношений, в частности в сфере отправления правосудия по гражданским делам, и ходом развития отрасли как правового образования. При поверхностном взгляде в этом можно усмотреть некоторую конъюнктурность, сиюминутность институциональных принципов: появляется новый институт, а вместе с ним и некий набор принципов данного института, как своего рода принадлежность вещи, неразрывно с ней связанная. Но это ложное впечатление рассеивается при более пристальном рассмотрении. Институциональные принципы обеспечивают эффективное применение института, нормами которого он закрепляется и одновременно придают устойчивость этому институту, а значит и системе отрасли в целом. Кроме того, в корреляции с принципами права принципы паровых институтов дают своего рода синергетический эффект,

обеспечивая более разностороннее и последовательное действие принципа права, в генетической связи с которым находится институциональный принцип.

Динамичность институциональных принципов во многом объясняется другой их отличительной чертой: объекты регулирующего воздействия институциональных принципов имеют иной, нежели у принципов права, масштаб. Иными словами, институциональный принцип всегда отвечает на вопрос более частного характера по сравнению с вопросом, на который отвечает принцип права.

Однако, ограниченность масштаба непосредственного объекта регулирующего воздействия не делает институциональные принципы малозначимым явлением второго или третьего ряда в системе принципов права, просто их влияние на цивилистический процесс и цивилистическое процессуальное право, в отличие от влияния, оказываемого принципами права, является опосредованным. В то же время это влияние носит объективный характер, поскольку в его основе лежат объективные связи между отраслью в целом и составляющими ее институтами.

Библиография

1. Агаларова М. А. Специальные принципы гражданского процессуального права на отдельных стадиях судопроизводства // Актуальные вопросы права в банковской сфере : материалы Междунар. банк. форума, 24–25 сент. 2020 г. – Самара, 2020. – С. 19-24.
2. Василькова С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе. – Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2018. – 251 с.
3. Величко М. Б. Отдельные особенности административного судопроизводства по сравнению с гражданским, которые подлежат отражению в процедуре доказывания, применения правил о преюдициальности судебного акта, обуславливая их особенности // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 423-437.
4. Викиут М. А., Зайцев И. М. Гражданский процесс России. – М., 1999. – 383 с.
5. Гражданский процесс: учебник / Под ред. К. С. Юдельсона. – М., 1972. – 439 с.
6. Гражданский процесс / Под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. – М., 1996. – 480 с.
7. Громошина Н. А. О месте административного судопроизводства в правовой системе // Журнал административного судопроизводства. – 2016. – № 1. – С. 25-28.
8. Демичев А. А. Объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, разработка Концепции единого Гражданского процессуального кодекса... Что дальше? // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 5. – С. 87-95.
9. Зеленцов А. Б. Дифференциация и унификация административного судопроизводства: концептуальные проблемы // Административное право и процесс. – 2018. – № 3. – С. 23-35.
10. Исаенкова О. В. Принципы гражданского процессуального права: понятие, классификация и тенденции развития // Юридический аналитический журнал. – 2022. – № 17(2). – С. 7-23.
11. Карташов В. Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. – № 14. – С. 158-166.
12. Курочкин С. А. Реализация целей гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах Российской Федерации // Государство и право. – 2016. – № 8. – С. 88-91.
13. Липатова Т. Б. Реализация принципов гражданского процессуального права при производстве в суде второй инстанции. – Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. – 25 с.
14. Мартынов А. В. Понятие и сущность административного судопроизводства в

- Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 5–6. – С. 273-281.
15. Овсяйчук С. А. О месте и значении отраслевых принципов гражданского процессуального права // Вестник Амурского государственного университета. – 2003. – № 20. – С. 32-37.
16. Осипов Ю. К. Принципы процессуально-правового института подведомственности юридических дел // Проблемы применения норм гражданского процессуального права. – Свердловск, 1986. – С. 4-14.
17. Панкова О. В. Критерии разграничения административных и гражданских дел, рассматриваемых в судах общей юрисдикции // Журнал административного судопроизводства. – 2017. – № 2. – С. 33-51.
18. Плотников Д. А. Новые подходы к основаниям классификации принципов гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 7. – С. 38-42.
19. Поляков И. Н. О цивилистическом процессе и реформе российской судебной системы (вопросы гармонизации) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 8. – С. 51-56.
20. Постовалова Е. В. О сущности цивилистического процесса в контексте его унификации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 2. – С. 89-93.
21. Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. Реформирование процессуального законодательства: цели, проблемы, тенденции. – М., 2018. – 624 с.
22. Пузиков Р. В. Доктринальное осмысление понятия, места и роли принципов права в современной правовой политике // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / Под ред Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010. – 704 с.
23. Решетникова И. В. Доказательственное право в российском гражданском судопроизводстве. – Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1997. – 46 с.
24. Рожкова М. А., Глазкова М. Е., Савина М. А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства : монография / под общ. ред. М. А. Рожковой. – М. : ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. – 304 с.
25. Салманидина А. С. Принципы судебного доказывания в гражданском процессе. – Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 2022. – 257 с.
26. Самсонов Н. В. Система источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации. – Дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2021. – 622 с.
27. Сахнова Т. В. Курсгражданского процесса: теоретически и начала основные институты. – М., 2008. – 696 с.
28. Сахнова Т. В. Достижимо ли единство цивилистического процесса? (В контексте концепции единого ГПК РФ и Кодекса административного судопроизводства) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 4. – С. 3-10.
29. Семенов В. М. Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. – Свердловск, 1964. – Вып. 2. – С. 179-239.
30. Советский гражданский процесс: учебник / Под ред. М. А. Гурвича. – М., 1975. – 399 с.
31. Соловьева Т. В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформы судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 6. – С. 8-13.
32. Стариков Ю. Н. Дискуссия об административном судопроизводстве и кодексе административного судопроизводства российской федерации: год 2020-й // Журнал административного судопроизводства. – 2020. – № 3. – С. 5-23.
33. Табельский С. В. Административное судопроизводство в системе административно-

- процессуальных правоотношений // Журнал административного судопроизводства. – 2022. – № 1. – С. 5–8.
34. Теория государства и права: учебник для вузов / Под ред. В. К. Бабаева. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 582 с.
35. Федорова А. П. Последовательное обжалование судебных постановлений как принцип гражданского процессуального права России и условия его реализации – Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2025. – 33 с.
36. Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы и принципы гражданского процессуального права. – Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1989. – 16 с.
37. Фокина М. А. Принципы доказывания в гражданском судопроизводстве // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции. – Екатеринбург, 1998. – С. 114-129.
38. Фурсов Д. А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. – М., 2009. – 80 с.
39. Чечина Н. А. Принципы гражданского процессуального права // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. – Л., 1979. – С. 36-60.
40. Чудиновских К. А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права. – СПб., 2004. – 306 с.
41. Шерстюк В. М. Место процессуальных норм и институтов, регулирующих административное судопроизводство, в системе процессуального права // Законодательство. – 2020. – № 1. – С. 62-68.
42. Широкопояс Ю. А., Томбулова Е. Г. Административное судопроизводство (общие положения) : учеб. пособие. – Краснодар: КубГАУ. – 2018. – 88 с.
43. Щеглов В. Н. Советское гражданское процессуальное право. Лекции для студентов. – Томск, 1976. – 20 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

ПОВТОРНАЯ РЕЦЕНЗИЯ на статью «Сфера действия как критерий классификации принципов цивилистического процессуального права»

Автор провел серьезную и качественную доработку статьи, существенно усилив ее научный уровень. Ключевые замечания предыдущей рецензии в основном учтены. Работа стала более зрелой, аргументированной и актуальной. Ее можно рекомендовать к публикации после учета нескольких замечаний, направленных на повышение терминологической четкости и устранения мелких противоречий.

Предмет исследования

Остался без изменений. Предмет исследования - классификация принципов процессуального права по критерию сферы действия.

Методология исследования

Замечание полностью устранено. Методологическая база кардинально обновлена. В работе активно используются современные источники (2015-2025 гг.), в том числе работы по административному судопроизводству и актуальные доктринальные позиции.

Ссылки на устаревшие советские источники носят теперь справочно-исторический характер, а не составляют основу аргументации. Это сильная сторона доработанного варианта.

Актуальность

Актуальность подкреплена анализом новейшего законодательства (КАС РФ 2015 г., реформы 2017-2019 гг.).

Научная новизна

Значительно усилена. Заключается не в радикальной и спорной идее «мегаотрасли», а в пересмотре традиционной классификации с учетом новой архитектуры процессуального права, а именно: формирования административного процессуального права как самостоятельной отрасли и консолидации гражданского и арбитражного процесса в единое цивилистическое процессуальное право. Этот подход более взвешен и лучше обоснован.

Стиль, структура, содержание

Стиль остается научным и четким.

Структура логически выстроена: от анализа традиционной классификации через выявление ее противоречий в современных условиях к предложению авторской модели и детальному обоснованию ее элементов, особенно институциональных принципов.

Автор учел рекомендацию о полемике и сравнительном анализе. В статье представлены и проанализированы две ключевые точки зрения на место административного судопроизводства (с. 5-7), дан ответ на критический вопрос о конституционном основании (ст. 118 Конституции РФ), проведено сравнение с уголовным процессом (с. 8-9). Это придает работе дискуссионную глубину и убедительность.

Библиография

Коренным образом улучшена. Список литературы стал современным и соответствующим предмету исследования, включает монографии, диссертации и статьи в ведущих журналах за последние 10 лет, вплоть до 2025 года. Это соответствует уровню серьезного научного исследования.

Апелляция к оппонентам

Существенно усилена. Автор не просто занимает позицию, а вступает в содержательную дискуссию, анализирует аргументы сторон (например, о природе административного судопроизводства) и обосновывает свой выбор. Это соответствует критериям научной добросовестности.

Выводы

Выводы развернуты, конкретны и являются прямым следствием проведенного анализа. Они содержательно отражают предложенную автором трехуровневую модель классификации, что свидетельствует о достижении цели исследования.

Общий вывод

Доработанная статья представляет собой серьезное, актуальное и методически грамотное научное исследование. Автор успешно ответил на критические замечания, представив взвешенную, хорошо аргументированную и современную по источниковой базе концепцию трансформации классификации принципов. Предложенная модель вносит вклад в дискуссию о системе процессуального права и заслуживает внимания

научного сообщества.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Жужлов И.С. Возможности применения искусственного интеллекта в предупреждении преступлений //

Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.76431 EDN: TZTBGV URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76431

Возможности применения искусственного интеллекта в предупреждении преступлений

Жужлов Игорь Сергеевич

аспирант, кафедра уголовно-правовых дисциплин, Российская таможенная академия

140015, Россия, Московская обл., г. Люберцы, ул. Рождественская, д. 8, кв. 874

✉ zhuzh.igor@yandex.ru



[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.76431

EDN:

TZTBGV

Дата направления статьи в редакцию:

26-10-2025

Аннотация: Предметом исследования выступают способы и методы применения искусственного интеллекта (далее ИИ) в процессе предупреждения преступлений. Цель статьи состоит в анализе возможностей применения ИИ для предупреждения преступлений, а также разработка рекомендаций по оптимизации и интеграции в российскую правоприменительную практику систем на базе ИИ. В статье исследуются различные подходы к определению искусственного интеллекта, его ключевые признаки и характеристики. Анализируются возможности внедрения методов и способов, основанных на технологиях с использованием ИИ, для предупреждения преступлений. Рассматриваются проблемы и сложности, которые могут возникнуть при использовании данных систем. Особый акцент делается на таких технологиях как: предиктивная аналитика, системы поддержки принятия решений, системы распознавания лиц и изображений, анализ цифровых улик, обработка естественного языка. Исследование сопровождается практическими примерами, иллюстрирующими возможности технологий ИИ в процессе предупреждения преступлений. В статье рассматривается как зарубежный, так и российский опыт использования технологий ИИ в процессе

предупреждения преступлений. Методология исследования опирается на фундаментальные научные принципы диалектики, историзма и объективности. В работе применяются общенаучные методы, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция. Кроме того, используются частнонаучные методы: формально-юридический, системный и структурно-функциональный анализ. Также применен метод моделирования для мысленного создания возможных моделей по использованию технологий ИИ. Актуальность исследования обосновывается тем, что современные технологии ИИ, включая машинное обучение, анализ больших данных, обработку естественного языка, компьютерное зрение предоставляют новые возможности для анализа криминальных паттернов, предсказания потенциальных угроз и улучшения эффективности работы правоохранительных органов. Все эти технологии на данный момент активно внедряются и имеют большой потенциал для развития деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступлений, а также для развития криминалистики как науки в целом. В результате исследования были рассмотрены подходы к пониманию ИИ, изучены способы и основные технологии на базе ИИ, которые используются или могут быть использованы для целей предупреждения преступлений, описаны способы применения и перспективы использования технологий на базе ИИ в практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова:

криминалистика, искусственный интеллект, нейронные сети, обработка естественного языка, предупреждение преступлений, расследование преступлений, цифровые следы, компьютерное зрение, машинное обучение, предиктивная аналитика

В последние десятилетия искусственный интеллект (далее ИИ) стал неотъемлемой частью множества сфер жизни и начал применяться как инструмент в большинстве научных областей, включая уголовно-правовые науки и в том числе в криминалистике. С развитием технологий и увеличением объемов данных, доступных для анализа, ИИ предлагает новые методы и инструменты для предупреждения преступлений и повышения уровня общественной безопасности. Применение криминалистических средств, поддерживаемых ИИ, позволяет не только более эффективно выявлять и предотвращать преступные действия, но и оптимизировать процесс расследования, минимизируя потенциально возможные ошибки и субъективность, вызванную человеческим фактором.

Методологическую основу исследования составили фундаментальные научные принципы диалектики, историзма и объективности. Принцип диалектики позволил показать, что процесс предупреждения преступлений в результате внедрения инновационных технологий находится в постоянном развитии. Наблюдается тенденция сближения и заимствования знаний из различных наук, которые в своем многообразии могут быть направлены на решение поставленных задач. Принцип историзма применялся для изучения эволюции компьютеризированных систем от строго алгоритмизированных до систем качественно другого уровня, предполагающих широкие возможности обучения. Принцип объективности позволил осветить различные мнения исследователей, взглянуть на анализируемые технологии как с позиции возможностей, так и с позиции потенциальных рисков. В исследовании были использованы общенаучные методы, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция, и частно-научные методы, а именно формально-юридический, системный и структурно-функциональный анализ, метод

моделирования. Формально-юридический метод был использован для анализа и интерпретации нормативного определения ИИ и его признаков. Метод системного анализа применялся для рассмотрения групп различных технологий, составляющих в своей совокупности ИИ как систему. Структурно-функциональный анализ помог описать, какие именно задачи и функции способны выполнять рассматриваемые технологии в сфере предупреждения преступности. Метод моделирования позволил создавать мысленные модели и возможные потенциальные сценарии применения рассматриваемых технологий на базе ИИ.

ИИ можно определить как самостоятельную область компьютерных наук, которая занимается созданием систем, способных выполнять задачи, требующие интеллектуальных усилий, которые обычно ассоциируются с человеческим мышлением. Также под ИИ следует понимать саму способность машин выполнять задачи, аналогичные с мыслительными навыками человека. На текущий момент нормативное определение ИИ можно найти в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в котором ИИ определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и возможность получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Данное определение представляется достаточно широким, под него попадает большой спектр технологий, от простых алгоритмов до сложных систем, в свою очередь это позволяет с одной стороны регулировать ИИ на государственном уровне без слишком жестких рамок, что важно для быстрого развития отрасли, но с другой стороны может породить противоречия в практике правоприменения. Отдельно стоит обратить внимание, что определение вводит понятие «когнитивные функции», но не раскрывает его полностью. Это важно поскольку возникает закономерный вопрос, что именно считать «когнитивными функциями», например, включает ли оно простые автоматизации, как калькуляторы, или предполагает только более сложные и «умные» системы.

Рассмотрим определения ИИ, которые предлагают ученые-правоведы, наиболее интересной представляется дефиниция Д. В. Бахтеева, по его мнению под ИИ стоит понимать «междисциплинарную область знаний о группе смежных технологий и создаваемое с ее помощью программное обеспечение, функционирующее нелинейно, способное ограниченно понимать причинность и выполнять задачи интеллектуального, эвристического характера с возможностью обучения, корректировки и уточнения за счет опыта принимаемых решений» [\[1, С. 27\]](#). В контексте рассматриваемой темы, именно это определение представляется наиболее удачным поскольку сочетает в себе три наиболее важных качества в виде нелинейности, то есть без строгой алгоритмизации, эвристический характер, предполагающий направленность на решение задачи и получения нового знания путем выявления скрытых, неочевидных взаимосвязей и способность к самообучению, то есть возможность корректировки при получении новых сведений. Можно предположить, что именно эти качества лежат в основе способности прогнозирования, а следовательно, и предупреждения преступлений.

Стоит подчеркнуть, что понятие искусственный интеллект носит в определенной степени собирательный характер, поскольку данная область подразумевает совокупность технологий и направлений, которые в нее входят. В этот список можно включить: машинное обучение, нейронные сети, компьютерное зрение, технологии обработки и анализа данных (Big Data), робототехника, экспертные системы, обработка естественного языка, распознавание речи. При этом данные технологии имеют общее

основание в виде: наличия определенного программно-аппаратного комплекса, имеют возможность выполнять задачи схожие с интеллектуальными навыками человека, способны распознавать информацию, в разных ее проявлениях (звуковом, текстовом, в виде изображений), могут моделировать среду, принимать решения и исполнять их, а также способны на обучение и в определенной степени автономны.

Особенно важным представляется тот факт, что современные технологии позволяют ИИ обучаться на основе больших объемов данных, выявляя закономерности и делая предсказания, что является особенно полезным в контексте криминалистики. Стоит отметить, что именно на это качество обращают внимание многие исследователи, поскольку зачастую это служит ключевым отличием таких систем от традиционных строго алгоритмизированных программ. Так В. В. Бычков пишет, что «ИИ представляет собой компьютерно-программное обеспечение, используемое для раскрытия и расследования преступлений, способное не только решать задачи следственной деятельности, но и самосовершенствоваться с целью повышения эффективности деятельности правоохранительных органов» [\[2\]](#).

Значительную роль в криминалистике занимает процесс предупреждения преступлений. По своей сути он выражен в комплексе мер и методов, направленных на предотвращение преступных деяний с использованием научных и технических знаний в области криминалистики до непосредственного совершения преступления. Эти меры могут включать в себя различные подходы и технологии, которые помогают выявлять, анализировать и предотвращать преступления до их совершения. Как отмечал Р.С. Белкин существуют 3 группы криминалистических средств и методов предупреждения преступлений:

- 1) средства и методы установления причин и условий, способствовавших совершению или сокрытию преступлений;
- 2) средства и методы получения информации о готовящихся преступлениях;
- 3) средства и методы защиты различных объектов от преступных посягательств и создания благоприятных условий для возникновения доказательственной информации [\[3, с. 154\]](#).

Представляется, что включение ИИ в процесс предупреждения преступлений позволит расширить арсенал всех трех обозначенных групп. На сегодняшний день к технологиям на базе ИИ для предупреждения преступлений можно отнести: предиктивную аналитику, поддержку принятия решений, системы распознавания лиц и изображений, анализ цифровых улик, обработку естественного языка.

Термин предиктивная аналитика происходит от английского слова «predictive», которое означает «предсказательный» и подчеркивает стремление заглянуть в будущее и попытаться предугадать дальнейшее развитие событий. Данная технология опирается на анализ ретроспективных данных, и статистические выкладки, которые изучаются системами ИИ. Анализ, проводимый ИИ позволяет выявить определенные паттерны, характерные для анализируемых данных и экстраполировать их на будущие процессы. При этом такие модели фиксируют связи огромного числа факторов чтобы сделать оценку наиболее полной и точной. Фактически чем более объемной является информационная база, на которой обучается система, тем более точно она сможет анализировать информацию. Такая система позволяет работать с огромным массивом различной информации и искать взаимосвязи там, где человек будет видеть лишь набор

разрозненных данных.

Можно допустить, что технологии ИИ, предполагающие наличие способности к самообучению, могут решить множество прикладных криминалистических задач. В части предсказательной аналитики важно понимать, что «предсказания» система делает на основе анализа загруженной ранее информации, базы данных. При этом ранее использованные системы, характеризующиеся строго алгоритмизированным подходом, например автоматизированные информационно-поисковые системы (далее АИПС) позволяли следователям структурировать, искать и хранить информацию, но глубокого анализа этих данных и поиска скрытых взаимосвязей внутри нее не происходило. Так, рассматривая вопрос применения строго алгоритмизированных механизмов и технологий расследования Е. П. Ищенко пишет: «некоторые связи не могут быть использованы при алгоритмизации расследования, ибо не являются закономерными, либо такие закономерности пока еще не выявлены. Примером может служить связь между характеристиками преступления и потерпевшего, с одной стороны, и признаками личности преступника, с другой. Некая связь здесь действительно присутствует, но она очень осложнена элементом случайности» [\[4, С. 52\]](#). Машинное обучение предполагает другой подход, в рамках этой технологии поиск решения идет не строго по заданному алгоритму (напрямую), а индуктивно, через процесс обучения на множестве сходных задач, которые можно именовать прецедентами. Это особенно полезно, когда стоит цель проанализировать множество различных параметров и переменных. ИИ на базе технологий машинного обучения способен изучать огромный массив информации и вычленять из этой информации статистические или вероятностные сигналы о наличии тех или иных причинно-следственных связей [\[5\]](#).

На сегодняшний день с помощью алгоритмов машинного обучения правоохранительные органы могут анализировать исторические данные о преступлениях и выявлять закономерности, которые помогают предсказать, где и когда могут произойти новые преступления. Это позволяет более эффективно распределять ресурсы и проводить профилактические мероприятия. Например, в некоторых странах уже используются системы, которые на основе анализа данных о преступлениях рекомендуют патрулирование конкретных районов в определенное время суток. Что позволяет высвободить ресурсы с тех районов, где наблюдается пониженная криминогенность. Алгоритмы искусственного интеллекта помогают определить, в каких областях необходимо увеличить ресурсы для борьбы с преступностью, а также выявить типы преступлений, на которые следует сосредоточить профилактические усилия. На основе этой информации разрабатывается стратегия противодействия правонарушениям. Кроме того, это позволяет оптимизировать внутренние процессы в борьбе с преступностью, включая улучшение привлечения и обучения сотрудников, составление графиков работы для каждого работника, разработку логистических моделей для поддержки правоохранительной деятельности [\[6, С. 280\]](#).

Для предотвращения преступлений также разрабатываются алгоритмы для анализа «горячих точек», то есть зон с высоким уровнем криминогенности. При таком подходе анализируются места совершения преступлений и накладываются на карту тем самым создавая области, которые являются более подверженными риску совершения там преступления. Яркий пример такой системы это Predictive Policing (PredPol), система на базе математики, прогностической аналитики и методов ИИ, разработанная в США и призванная обозначать такие «горячие точки». Данная система суммирует массив полицейских данных о совершенных преступлениях и анализируя его предоставляет карту города или конкретной области, разбитых на определенные квадраты, где путем

обработки данных выводится вероятностное значение возможности совершения там преступлений. В свою очередь это позволяет сконцентрировать силы полиции именно в этих точках, установить там регулярное патрулирование, тем самым обеспечить предупреждение преступления до момента его совершения. По оценкам, которые предоставляют эксперты данная система уже показала значительное снижение преступности в районах с активным использованием этого программного обеспечения [\[7\]](#).

Для целей предупреждения преступлений системы предиктивной аналитики могут интегрироваться с системами поддержки принятия решения. Такие системы в классическом их понимании представляют собой программно-аппаратные комплексы, которые созданы с целью хранения и поиска необходимой информации. Они позволяют правоохранительным органам быстро получать, сравнивать, анализировать информацию, в результате чего сотрудник может принимать более обоснованные решения. Классические примеры, которые получили практическое применение это информационные базы данных, направленные на решение конкретных задач. Так система «Маньяк» агрегирует информацию при расследовании серийных убийств на сексуальной почве. Система «Блок» обеспечивает информационное сопровождение расследования экономических преступлений. Система «Опознание», включает данные примет лиц, сбежавших от следствия и суда, находящихся в розыске, ранее судимых.

Представляется, что данные системы в их привычном исполнении имеют в своей основе реактивный подход, то есть применяются уже в ходе расследования, после факта преступления, но объединение их с системами способными глубоко анализировать информацию позволяет перейти к проактивному подходу, то есть к возможности прогнозирования предупреждения преступлений до их совершения.

Уже сегодня системы на базе ИИ могут применяться для формирования профилей преступников, исследуя данные о прошлых преступлениях и выявляя характерные особенности, которые могут быть полезны в расследованиях. Набор данных может составляться на основе баз правоохранительных органов используя различную информацию, например: историю правонарушений, личные данные (пол, возраст, образование, место жительства и социально-экономический статус), психологические характеристики (анализ личностных черт, мотивации и психических расстройств, если таковые имеются), социальные связи (информация о друзьях, семье и окружении, которые могут влиять на поведение преступника).

Такой анализ позволяет выявить паттерны и закономерности в лицах и их действиях чтобы создать определенные наиболее вероятностные шаблоны и экстраполировать их на будущее. Аналогичный анализ можно провести для виктимных групп, выявив наиболее общие черты для определенных групп населения стать жертвой преступления. Конечно, стоит отметить, что всегда возникает вопрос этичности и точности таких систем, особенно если изначальные базы данных, на которых обучается система являются некорректными, отличаются субъективностью или имеют характер предвзятости к той или иной категории населения.

Примером системы, которая работает на стыке АИПС и систем направленных на глубокий анализ данных служит разработанная в России программа «ФОРВЕР». Основное направление ее применения это расследование убийств. Система базируется на принципах математики и статистики. Программа «ФОРВЕР», проанализировав исходный набор данных, предлагает следователю перечень версий, упорядоченных по уровню их вероятности. С опорой на результаты этой программы, следователь поручает

оперативным работникам разыскать и проверить лиц, соответствующих конкретным описательным признакам, в соответствии с выводами системы [\[8\]](#). Важной частью программы выступает криминалистическая характеристика преступления, которая представляет собой набор значимых с криминалистической точки зрения признаков, помогающих охарактеризовать само преступление и его исполнителя. Корреляционные взаимосвязи между признаками, обнаруженными при осмотре места происшествия, и характеристиками неустановленного преступника позволяют формулировать поисковые гипотезы. При выдвижении версии компьютерная программа позволяет осуществлять полный перебор вариантов, достигающий сотен возможных ответов [\[9\]](#).

Рассматривая подобные системы, нельзя не отметить их потенциал в практическом применении, представляется, что такая алгоритмизация отработки следственных действий позволиткратно ускорить процесс расследования за счет приоритизации проверки версий в зависимости от их вероятности. С точки зрения ценности прогнозирования и предупреждения преступлений можно предположить, что подтвержденные практическим применением результаты программы позволят сформировать определенные шаблоны взаимозависимости между преступлением и лицом его совершившим и применить их при проведении дальнейших расследований и профилактики преступлений.

При этом остаются вопросы относительно, наличия корреляционных взаимосвязей, всегда ли они присутствуют. Статистические методы могут содержать погрешности, особенно если обучающие данные не репрезентативны. Также при рассмотрении данной технологии, как и технологии предиктивной аналитики в целом следует подчеркнуть, что подобные системы генерируют исключительно вероятностные варианты развития событий. Такие прогнозы не дают точного видения будущего, а лишь моделируют возможные сценарии, реализация которых носит лишь потенциально возможный характер. Тем не менее, можно предположить, что с учетом возможных методов корректировки обучения таких систем и расширения базы данных, статистическая вероятность реализации предложенных гипотез будет только увеличиваться.

Исходя из описанного можно заключить, что способы применения правоохранительными органами систем предиктивной аналитики наиболее перспективны в следующих направлениях:

- генерация наиболее вероятностных сценариев совершения преступлений. В ходе такой генерации выдвигается прогноз о том, как и где могут произойти преступления на основе анализа исторических данных, таких как время, место и типы инцидентов;
- определение зон с повышенной криминогенностью с последующим наиболее рациональным распределением ресурсов в данные области;
- выявление паттернов и единых механизмов совершения преступления, выявление серийности;
- выявление организованной преступности через изучение отношений подозреваемых, посредством анализа общих контактов, мест или финансовых потоков;
- моделирование поведения преступника и его мышления для того, чтобы предсказать наиболее вероятностные варианты действий;
- моделирование поведения следователя и его мышления для целей анализа ошибок и выработки наиболее рациональных стратегий расследования;

- выявление мошеннических схем, включая анализ повторяющихся паттернов обмана, такие как поддельные сайты, телефонные аферы или финансовые пирамиды, на основе анализа транзакций и обращений;
- прогнозирование тенденций преступности, их качественных и количественных характеристик;
- интеграция в системы поддержки принятия решений.

Наибольшее практическое применение и развитие в перечне технологий на базе ИИ, которые могут быть использованы для целей предупреждения преступления, на текущем момент, получили системы распознавания изображений и лиц. Данная технология, иначе именуемая компьютерным зрением, обеспечивает взаимодействие между цифровой средой и материальной действительностью, позволяет получать и анализировать данные материального мира, переведенные в цифровую форму а также использовать их для решения конкретных задач с ограниченным участием человека. Технологии распознавания лиц, могут использовать нейронные сети и специальные механизмы обработки, посредством которых получается сопоставить два изображения: исходный образец и искомый объект или выявить наиболее похожие, а также осуществить поиск по общей базе данных. Важно отметить, что механизм нейронных сетей имеет в своей основе не просто полностью последовательно запрограммированную базу, а заложенный механизм обучения. Это важнейшее отличие и преимущество в сравнении с системами, предполагающими строгую алгоритмизацию. Нейросеть проводит анализ данных и пытается выявить определенные, повторяющиеся элементы. В этом процессе система делает множество ошибок, с каждым повторением ошибок становится все меньше, это происходит за счет того, что при каждой итерации нейросеть сравнивает свои результаты с правильными ответами и корректирует свои параметры. Такой процесс именуют обратным распространением ошибки. По итогу получается система, которая за счет обучения на множестве собственных ошибок постоянно совершенствуется и предоставляет все более и более точные результаты.

Задачи, для которых используется технология можно разделить на несколько категорий. Во-первых, распознавание, то есть возможность понять присутствует какой-либо объект на изучаемом изображении или видеозаписи, а также возможность понять обладает ли этот объект какими-либо качествами и параметрами. Например, в контексте расследования важно понять находится ли на изображении человек или другой искомый объект, а также какими визуальными характеристиками он обладает. Во-вторых, классификация, то есть возможность группировки объектов по определенному признаку или отнесению их к определенной группе. Это имеет важное значение поскольку зачастую мало определить, что человек запечатлен на фото или видеозаписи, но и важно понять, что он относится к определенной группе, выделяющей его из остальных людей, например, находится в розыске. В-третьих, улучшение или восстановление изображений и видеозаписей, которые имеют плохое качество для того, чтобы придать изучаемому объекту более четкую форму, избавить от лишних шумов и помех, препятствующих его изучению. Например, часто фиксация камерами наружного наблюдения осуществляется в темное время суток или плохую погоду из-за чего качество изображения падает, в свою очередь нейросети анализируют данные, восстанавливают недостающие элементы и устраняют недостатки, опираясь на примеры из своего обучения.

Пример системы распознавания изображений и лиц программный комплекс под названием Clearview AI. Эта система распознавания лиц использует обширную базу

данных изображений, собранных из открытых источников, таких как социальные сети. Правоохранительные органы могут загружать фотографии подозреваемых, и система ищет совпадения в своей базе данных, что позволяет быстро идентифицировать личность. Системы распознавания лиц способны идентифицировать подозреваемых по видеозаписям с камер наблюдения, что значительно ускоряет расследование. Задачи, которые ставятся перед таким программным комплексом следующие: идентификация подозреваемых, свидетелей и жертв, поиск пропавших людей, контроль доступа. При этом стоит отметить, что система вызвала большой общественный резонанс в связи со спором в отношении законности использования таких систем и нарушения ими конфиденциальности людей, прав пользователей и законов о защите персональных данных [\[10\]](#).

Похожая система под названием FindFace Security от компании NtechLab была разработана в России и применяется на железнодорожных станциях в целях управления пассажиропотоком, розыска преступников и пропавших людей. Данная программа является интеллектуальной видеоаналитикой, основанной на распознавании лиц. Лица в режиме реального времени выделяются из видеопотока специализированной системой, сверяются со списками мониторинга и, в случае обнаружения совпадения, система отправляет уведомление о наличии совпадения с определенным лицом в имеющейся базе. [\[11\]](#).

Системы фото и видеофиксации в совокупности с системами ИИ способны фиксировать паттерны поведения преступников, определять их эмоции и даже предполагать намерения. Так, ученые из Китая разработали новый функционал системы распознавания преступников, который используется в общественных местах. Эта система работает следующим образом: анализируются записи с камер видеонаблюдения, и сопоставляется поведение людей на этих записях с характерными паттернами преступников. Исследователи выделили 11 различных категорий действий в видеоданных, алгоритм способен распознавать, как потенциальные правонарушители сердятся, оглядываются, курят, бегают, прыгают, наносят удары, ходят и какие позы принимают люди, готовые к совершению преступления и так далее. Аналогичные системы, получившие название «Безопасный город», в последние годы активно внедряются и в крупных городах России [\[12\]](#).

Исходя из описанного можно выделить следующие ключевые направления использования систем распознавания изображений и лиц в процессе предупреждения преступлений:

- сравнение лиц с информацией в базах данных (например, фото из паспортов, криминальных архивов или баз розыска);
- поиск и оперативное оповещение правоохранительных органов о наличии того или иного искомого объекта;
- мониторинг общественных пространств, посредством интеграции с системами видеонаблюдения для контроля за местами общего пользования такими как аэропорты, метро или улицы;
- обработка больших объемов данных для выявления паттернов поведения, таких как подозрительные перемещения, необычное поведение;
- контроль доступа для безопасности важных объектов. Использование система распознавания лиц в системах охраны для верификации личности при входе в

защищённые зоны, для целей несанкционированного проникновения;

- комбинация с другими биометриями (отпечатки пальцев, голос) для создания комплексных профилей, с целью повышения точности идентификации.

Учитывая широкое распространение компьютеризации в различных областях, в криминалистике все большую актуальность приобретает такое направление, как форензика. Данная область знаний изучает методы и способы раскрытия и предупреждения преступлений, связанных с компьютерной информацией. Важная часть этого учения - это цифровые улики или цифровые следы. По своей сути это информация, собранная из электронных устройств и систем, которая может быть использована в качестве доказательства в процессе расследования преступлений. По мнению Е. Р. Россинской цифровой след представляет собой: «криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи» [\[13\]](#). Цифровые следы могут включать: данные с компьютеров и мобильных устройств, логи (текстовые файлы фиксирующие действия пользователя в программе) интернет-активностей, сообщения и электронные письма, данные из социальных сетей, информация из облачных хранилищ, информация об отчетах или финансовых транзакциях пользователей.

Анализ цифровых улик, проводимый системами на базе ИИ, также может использоваться для предотвращения преступлений. Например, такие системы действуют в сфере мониторинга киберугроз. Так анализ сетевого трафика и поведения пользователей может помочь выявить потенциальные угрозы, такие как попытки незаконного проникновения в личные данные пользователей, попытки проведения незаконных переводов с целью легализации средств, полученных преступным путем или террористической деятельности, регулярный просмотр информации, который может свидетельствовать о противоправных мотивах лица.

Анализ цифровых улик позволяет осуществлять обнаружение схем мошенничества с использованием интернет-банкинга. Современные системы анализа данных могут выявлять аномалии в финансовых транзакциях, то есть система может видеть, когда финансовые операции отличаются от регулярных паттернов и сигнализировать это человеку, который в свою очередь проводит детальную проверку, запрашивает дополнительные документы или блокирует такую операцию.

Примером такой системы может служить, разработанный компанией IBM программный комплекс Watson for Cyber Security. Он представляет собой суперкомпьютер, оснащенный системой ИИ. Watson for Cyber Security использует искусственный интеллект и машинное обучение для улучшения безопасности информационных систем и защиты от киберугроз. Путем анализа больших объемов данных, он выявляет аномалии и автоматизирует процессы реагирования на инциденты [\[14\]](#). В российских банках действуют специальные антифрод системы, построенные на анализе большого количества данных с применением ИИ. Принцип работы сконцентрирован на оценке действий клиента и информировании об аномалиях. При обнаружении таких подозрительных действий система блокирует операцию, препятствуя возможности преступника совершить противоправное действие. [\[15\]](#)

Говоря о системах, работающих с цифровыми уликами, нельзя не отметить важность технологии обработки естественного языка. Технологии обработки естественного языка и анализа цифровых улик довольно близки в контексте изучаемого вопроса поскольку

объектом изучения систем обработки языка зачастую являются текстовые файлы, которые непосредственно могут выступать в виде цифровой улики.

Системы обработки естественного языка позволяют создавать инструменты способные распознавать и анализировать текстовые данные, по аналогии с тем, как человек способен считывать языковые символы и понимать их смысл. Анализ заключается в выявлении скрытых связей между сообщениями, интерпретация текста, нахождение определенных слов. Например, слов, свидетельствующих или указывающих на возможность приготовления к совершению преступления.

Все это приобретает особую актуальность в современных реалиях, где все большее количество преступлений, подготавливаются, координируются и совершаются посредством интернет-сервисов обмена сообщениями, иначе именуемых социальными сетями или мессенджерами [\[16\]](#). Представить, что весь объем данных, проходящих через такие сети, может быть анализирован человеком крайне сложно, но такая задача по силам системам обработки естественного языка, построенным на базе ИИ. Так посредством анализа сообщений в социальных сетях может быть найдены готовящиеся угрозы и направлены силы для предотвращения еще до момента фактического совершения преступления.

Системы ИИ с использованием технологии обработки естественного языка осуществляют мониторинг и помогают выявлять подозрительные активности, которые могут вызывать опасения. В таких случаях программа должна немедленно блокировать устройство или процесс, происходящий в сети, после чего правоохранительные органы уведомляются для проведения проверки данной деятельности. Например, автоматизированные системы могут эффективно искать запрещенный контент, блокировать информацию, направленную на торговлю запрещенными веществами, сигнализировать о сообщениях, призывающих к незаконной деятельности [\[17\]](#).

Обобщая сказанное можно выделить следующие основные способы применения систем обработки естественного языка и анализа цифровых улик для целей предупреждения преступлений:

- анализ социальных сетей и сообщений для обнаружения рисков терроризма, экстремизма или криминальных замыслов путем отслеживания публикаций, чатов, а также распознавания шаблонов в общении для определения фраз, указывающих на мошенничество, шантаж или киберпреступления;
- извлечение данных с устройств путем восстановления удаленных файлов, сообщений или истории браузера из смартфонов, компьютеров или жестких дисков для подтверждения преступлений;
- анализ сетевого трафика для мониторинга и реконструкции онлайн-активности, включая IP-адреса, логи и метаданные;
- идентификация цифровых следов путем их поиска в облачных хранилищах, базах данных.

Подводя итоги, отметим следующие значимые положения. На данный момент в мире наблюдается широкая трансформация, вызванная масштабным внедрением компьютерных технологий. Одни из важнейших таких технологий, системы на базе ИИ. ИИ представляет собой одну из наиболее перспективных технологий, которая на сегодняшний день повсеместно внедряется в практику как российской, так и зарубежной

правоохранительной деятельности. ИИ по своей природе представляет собой совокупность технологий, которые имитируют когнитивные навыки человека. При этом по сравнению с системами алгоритмизированными, системы ИИ обладают способностью к самообучению, что добавляет неоспоримое преимущество в возможности прогнозирования и обработки информации.

Рассмотренные в рамках статьи технологии не заменяют традиционные методы работы правоохранительных органов, но усиливают и расширяют возможности текущих. Системы на базе искусственного интеллекта способны решать несколько ключевых задач, которые сегодня ослабляют эффективность правоохранительных органов. В частности, они помогают преодолеть дефицит кадров и физическую невозможность для человека анализировать постоянно растущий объем информации, позволяют нивелировать ошибки, вызванные субъективным фактором. Системы мониторинга способны заменить человека в анализе многочисленного объема данных, позволяют реагировать точно и распределять ресурсы исходя из реальной потребности, а также способны освободить человека от выполнения рутинных и повторяющихся операций, с которыми может более эффективно справиться машина или программа.

Использование систем на базе ИИ требует формирования нового типа мышления у сотрудников правоохранительных органов, при котором системы ИИ воспринимаются как неотъемлемый инструмент в их работе. В свою очередь, это предполагает необходимость повышения уровня квалификации для обеспечения правильного взаимодействия с такими системами.

Важно, что на данный момент инструмент не лишен недостатков. Среди которых стоит выделить следующие дискуссионные моменты. Возможные ошибки технического характера, которые присущи любой сложной технической системе, в том числе возможность ошибки в изначально заложенных параметрах и алгоритмах программного кода, а также некорректная база данных, на которой проводится обучение модели ИИ. Так как ИИ не работает в вакууме ему необходим объем данных и чем он больше, тем лучше, в связи с этим всегда возникает вопрос безопасности такой базы данных. Нарушение ее целостности несет угрозу приватности и безопасности личной информации, которой потенциально могут воспользоваться преступники. Стоит также заметить, что грани и возможности использования ИИ находятся только в процессе становления и познания, что ведет к тому, что в дальнейшем неминуемо появятся вопросы и проблемы требующие разрешения, скрытые от нас на текущий момент.

Представляется, что уже сейчас растущее применение систем искусственного интеллекта остро ставит вопрос правового регулирования этих систем, особенно с позиции защиты базовых прав человека. В связи с чем представляется необходимым выработка законодательных и этических норм, описывающих границы возможного применения этих технологий. В противном случае имеется существенный риск, когда системы, которые должны противодействовать преступности и прогнозировать ее сами создают прецеденты нарушающие нормы права. Анализируя системы распознавания лиц и анализа цифровых улик, возникает множество вопросов этического характера, например, на сколько допустимо проводить мониторинг социальных сетей и обмена сообщениями внутри них со стороны систем ИИ, не ставит ли это под сомнение право на неприкосновенность частной жизни и тайну переписки.

Исследование показывает, что несмотря на множество дискуссионных вопросов применение искусственного интеллекта в области криминалистики и предупреждения преступлений открывает новые горизонты для правоохранительных органов и

специалистов в области безопасности. Интеграция систем на базе ИИ в классические криминалистические средства предупреждения преступлений позволяет значительно повысить эффективность расследований, улучшить анализ данных и предсказать возможные угрозы. Сегодня системы, использующие машинное обучение и анализ больших данных, способны выявлять закономерности и аномалии, которые могут указывать на потенциальные преступления, тем самым позволяя правоохранительным органам действовать на опережение. Системы обработки естественного языка позволяют считывать огромный массив информации неподдающийся человеческому анализу и информировать о потенциальных угрозах. Технологии распознавания лиц на базе компьютерного зрения уже давно используются в практической деятельности правоохранительных органов и служат действенным инструментом раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, путем распознавания криминальных элементов и попыток совершения преступных действий.

Библиография

1. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. М.: Проспект, 2025. 176 с. EDN: GKWMZB.
2. Бычков В. В. Искусственный интеллект в сфере раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Российский следователь. 2022. № 1. С. 3-6. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-1-3-6. EDN: VHGGPK.
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики. В 3-х томах. Т. 1. Москва: Юрист, 1997. 408 с.
4. Алгоритмизация следственной деятельности: монография / Е. П. Ищенко, Н. Б. Водянова; под ред. Е. П. Ищенко. Москва: Юрлитинформ, 2010. 303 с. EDN: QRTFJX.
5. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 43-47. EDN: XSESHB.
6. Братко А. Г. Искусственный разум, правовая система и функции государства: монография. Москва: ИНФРА-М, 2021. 280 с. DOI: 10.12737/1064996. EDN: TZZXBK.
7. Костенко Р. В., Ильяшенко А. Н. Будущее уголовного правосудия: роль искусственного интеллекта в предиктивной аналитике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 200-206. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-3-200-206. EDN: FAGBUC.
8. Фесик П. Ю. Технология использования криминалистической характеристики в раскрытии убийств: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 239 с. EDN: QFEGXZ.
9. Васька Е. В., Толстоуцкий В. Ю. Методологические основы комплексного корреляционно-смыслового подхода к составлению розыскного профиля неизвестного преступника // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4. С. 166-171. EDN: TGKPHR.
10. Кухарев Г. А., Мауленов К. С., Щеголева Н. Л. Защита изображений лиц от распознавания в социальных сетях: способы решения и их перспективы // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2021. Т. 21, № 5. С. 755-766. DOI: 10.17586/2226-1494-2021-21-5-755-766. EDN: KTXDER.
11. Гусенкова А. А. Применение систем видеонаблюдения и автоматизированных систем биометрической идентификации человека при производстве портретных экспертиз и исследований (на примере аппаратно-программного комплекса "Безопасный город") // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 86-90. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-86-90. EDN: LGARSO.

12. Тарасов А. В., Темзоков А. Р. Криминалистические аспекты использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // Теория и практика общественного развития. 2023. № 10. С. 12-16. DOI: 10.24158/tipor.2023.10.33. EDN: AVYVYC.
13. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. 256 с.
14. Беспалова Н. В., Корчагин С. А., Сердечный Д. В., Селиверстов В. В. Анализ зарубежного опыта применения интеллектуальных методов в задачах защиты объектов критической информационной инфраструктуры финансового сектора // ИВД. 2024. № 5 (113). С. 1-7.
15. Дазмарова Т. Н. Искусственный интеллект в банковском секторе // Государственная служба и кадры. 2024. № 4. С. 5-7. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-4-88-91. EDN: ERYWMO.
16. Соловьев В. С. Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 1. С. 60-71. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).60-72. EDN: VPBFZR.
17. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / под ред. С. В. Зуева, Д. В. Бахтеева. М.: Юрлитинформ, 2022. 216 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования настоящей статьи не является уникальным. По указанной проблематике имеется достаточное количество работ. Особенно большое количество замечаний вызывает обозначенная тема. Рассматривая искусственный интеллект как криминалистическое средство, в заголовке статьи автор отделяет его от этих средств. Можно отметить непонимание автором технической терминологии, которая используется сегодня специалистами по информационным технологиям в сфере искусственного интеллекта. Так, автор выделяет две основные задачи искусственного интеллекта в криминалистике: это распознавание и идентификация и дифференциация. Фактически это смежные пересекающиеся понятия, и, если бы в данной ситуации автор использовал круги Эйлера, он смог бы для себя подтвердить этот вывод. Вызывает замечания и названная новой «предсказательная функция» алгоритмов, используемых в технологиях искусственного интеллекта. Следует отметить, что такая технология давно реализуется и была применена еще со времен «казанского феномена». Удивительно, что автор не исследовал советские и современные российские разработки по этому направлению, делая акцент на американских. В то же время, если бы он посвятил время изучению этого вопроса, то был бы приятно удивлен тем результатам, которые достигли советские ученые Академии наук СССР при разработке отечественного компьютера и возможностей использования его в прогнозировании.

Методология исследования ограничена лишь описанием, какой автор и что заявил, а также приведен обзор зарубежных компьютерных технологий. Ни один метод свойственный для современной правовой науки в статье не использован. Фактически статья является компиляцией отдельных отрывков, что характеризует текст как рванный. В статье не использованы ни научные методы анализа и синтеза, ни один из частно-

правовых методов.

Актуальность статьи вызывает сомнения. Во-первых, по причине того, что автором не исследован отечественный опыт. А во-вторых, потому что само название статьи содержит логические ошибки исходя из текста представленного научного труда.

Научная новизна в статье отсутствует. В тексте представленного материала содержится лишь отрывочное перечисление мнений и существующих технологий.

Стиль, структура, содержание поставлены в зависимость от вышеописанных проблем научного метода, который надлежало использовать в статье. Например, целесообразно было провести сравнительно-правовое исследование, а не только обозреть технологии, которые есть за рубежом. Так, автору следовало описать не техническую сторону, а обратиться к зарубежным нормативным правовым документам, которые регламентируют применение искусственного интеллекта в криминалистике в зарубежных странах.

Библиография вызывает замечания, поскольку в ней не приведены современные диссертационные исследования (коих очень много) по рассматриваемому вопросу, не приведены и зарубежные источники.

Апелляция к оппонентам полностью отсутствует. Автор просто перечисляет точки зрения других авторов не подвергая их критическому анализу.

Выводы, интерес читательской аудитории. Данная статья имеет характер газетной публицистики, в связи с чем должна быть переработана и направлена заново.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Возможности применения искусственного интеллекта в предупреждении преступлений»

Статья посвящена изучению возможностей применения искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ) в предупреждении преступлений, подчеркивая важность новых методов и инструментов, направленных на повышение уровня общественной безопасности. Автором рассматриваются ключевые направления использования ИИ в криминалистике, среди которых выделяются предиктивная аналитика, поддержка принятия решений, системы распознавания лиц и изображений, анализ цифровых доказательств и обработка естественного языка.

Предметом исследования являются функционально-технологические возможности ИИ применительно к практике предотвращения правонарушений. Центральное внимание уделено правомерности и обоснованию внедрения указанных технологий. Однако недостатком текста является отсутствие четкого описания методологической базы проведенного исследования, что рекомендовано восполнить посредством введения соответствующих пояснений о выбранных методах и процедурах.

Исследование актуально ввиду стремительного развития технологий и возрастающего количества доступных для анализа данных, позволяющих эффективнее выявлять и предотвращать преступные деяния. Особенное значение имеет вклад современных

криминалистических средств, основанных на искусственном интеллекте, которые способствуют оптимизации процесса выявления преступлений и снижению ошибок человеческого фактора.

Научная новизна исследования проявляется в постановке ряда важных тезисов. Во-первых, отмечается перспективность повсеместного распространения ИИ в рамках правоохранительной деятельности, как отечественной, так и международной практики. Во-вторых, указывается на решение основных проблем, стоящих перед органами правопорядка, путем автоматизации обработки большого массива данных, уменьшения зависимости от субъективных факторов и освобождения сотрудников от рутинных процессов.

Структурная организация текста соответствует научным стандартам, изложение ясно и доступно, что способствует легкому восприятию материала читателями различной профессиональной направленности. Тематический охват полный и систематизированный, стилистическое оформление соответствует требованиям академического стиля. Между тем отдельные положения требуют дополнительной эмпирической поддержки и статистического подкрепления, особенно в части рисков предвзятости алгоритмов и негативных последствий ошибочных прогнозов.

Библиографический список отличается полнотой и разнообразием, включающим труды известных ученых-криминалистов и юристов-процессуалистов, таких как Бахтеев Д.В., Белкин Р.С., Россинская Е.Р., Зуев С.В. и др. (Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. М.: Проспект, 2025. 176 с., он же – Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 43-47; Белкин Р. С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики. В 3-х томах. Т. 1. Москва: Юристъ, 1997. 408 с.; Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. 256 с.; Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / под ред. С. В. Зуева, Д. В. Бахтеева. М.: Юрлитинформ, 2022. 216 с. и прочее). Это свидетельствует о глубине проведенной исследовательской работы и высоком уровне теоретической подготовки автора.

Тем не менее, вызывает сожаление отсутствие развернутого критического осмысления позиций цитируемых авторов, что снижает аргументированность выводов. Несмотря на это, выводы соответствуют содержанию и представляются интересными для научных кругов, педагогов-юристов и практикующих следователей.

Выводы статьи в целом отражают содержание работы и представляют интерес для научного сообщества, преподавателей юридических вузов и практических сотрудников органов предварительного расследования. Исследование показывает, что несмотря на множество дискуссионных вопросов применение искусственного интеллекта в области криминалистики и предупреждения преступлений открывает новые горизонты для правоохранительных органов и специалистов в области безопасности. Интеграция систем на базе ИИ в классические криминалистические средства предупреждения преступлений позволяет значительно повысить эффективность расследований, улучшить анализ данных и предсказать возможные угрозы. Сегодня системы, использующие машинное обучение и анализ больших данных, способны выявлять закономерности и аномалии, которые могут указывать на потенциальные преступления, тем самым позволяя правоохранительным органам действовать на опережение.

Таким образом, статья «Возможности применения искусственного интеллекта в предупреждении преступлений» затрагивает важную и актуальную проблему правоохранительной деятельности, в частности криминалистического предупреждения

преступлений. Автор демонстрирует хорошее понимание темы и способность к системному анализу. Вместе с тем, статья рекомендуется к дальнейшему совершенствованию без обязательного дополнительного рецензирования, хотя и предполагает рекомендации по углублению методологического аппарата и расширению полемики вокруг использования технологий ИИ в правовой сфере.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Возможности применения искусственного интеллекта в предупреждении преступлений» посвящена комплексному анализу возможностей, пределов и рисков применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сфере криминологического прогнозирования и предупреждения преступлений. Предмет исследования рассмотрен многоаспектно, включая технологическую составляющую криминологическую эффективность, а также ключевые правовые и этические ограничения.

Методологическая база исследования является междисциплинарной и комплексной: основу исследования составили фундаментальные научные принципы диалектики, историзма и объективности; обще-научные методы анализа и синтеза, индукция и дедукция, и частно-научные методы, а именно формально-юридический, системный и структурно-функциональный анализ, сравнительно-правовой и нормативный анализ, метод моделирования для описания принципов работы прогнозных алгоритмов и сценариев их внедрения. Такой подход обеспечивает всесторонность и глубину исследования.

Актуальность темы обусловлена стремительной цифровизацией всех сфер жизни, включая правоохранительную деятельность, и глобальным запросом на технологии "умной" безопасности, балансом между безопасностью и приватностью, эффективностью и дискриминацией. Статья дает научно обоснованный ответ на эти вызовы, что делает её крайне востребованной.

Новизна работы в синтезе технологического и гуманитарного знания: автор не ограничивается описанием технологий, а делает акцент на их социально-правовых последствиях; предложена четкая и аргументированная классификация рисков внедрения ИИ, что является вкладом в методологию оценки подобных систем; подчеркивается необходимость сохранения за человеком роли лица, принимающего окончательные решения, что предлагает конструктивный путь интеграции ИИ как инструмента.

Статья написана ясным, логичным и терминологически выверенным научным языком. Структура логична: введение формулирует проблему, основной текст последовательно раскрывает потенциал, анализирует риски и предлагает регуляторные подходы, заключение содержит взвешенные выводы. Содержание демонстрирует высокий уровень эрудиции автора. Стил, глубина анализа и практическая значимость выводов соответствуют стандартам научной публикации.

Автор демонстрирует высокую степень научной рефлексии, последовательно рассматривая аргументы сторонников технократического подхода и его категоричных

противников, что усиливает убедительность и объективность работы.

Выводы статьи являются логичным завершением проведенного анализа. Они сбалансированы, конкретны и носят прикладной характер. Автор обоснованно утверждает, что потенциал ИИ в предупреждении преступлений реален, но может быть раскрыт только при условии приоритета права и этики над технологическим утилитаризмом.

Исследование показывает, что применение ИИ в области криминалистики и предупреждения преступлений открывает новые горизонты для правоохранительных органов и специалистов в области безопасности. Интеграция систем на базе ИИ в классические криминалистические средства предупреждения преступлений позволяет значительно повысить эффективность расследований, улучшить анализ данных и предсказать возможные угрозы

Статья представляет собой своевременное методологически зрелое исследование. Статья рекомендуется к публикации в научном журнале.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Алхаева Т.Х. Историческая обусловленность нормы об обоснованном риске в уголовном законодательстве России // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77220 EDN: UBORWB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77220

Историческая обусловленность нормы об обоснованном риске в уголовном законодательстве России

Алхаева Тамила Хаважевна

адъюнкт; кафедра уголовного права; Санкт-Петербургский университет МВД России
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, Красносельский р-н, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

✉ alkhaeva.tamila@mail.ru



[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77220

EDN:

UBORWB

Дата направления статьи в редакцию:

10-12-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является генезис обоснованного риска в правовой системе России в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. Невостребованность нормы об обоснованном риске в следственно-судебной практике на протяжении всего периода его закрепления в уголовном законе, отсутствие статистической отчетности равно Обзора Верховного Суда РФ по практике применения положений статьи 41 УК РФ в совокупности с историческими событиями начала 1990 гг., оказавших непосредственное влияние на правовую систему России актуализирует проведение настоящего исследования. Цель исследования состоит в определении обоснованности дополнения уголовного закона нормой об обоснованном риске посредством изучения и осмысления его генезиса в уголовно-правовом законодательстве России. Автор рассматривает основные этапы становления института риска в непосредственной взаимосвязи с сопутствовавшими определенному этапу историческими событиями. Методологическая основа представлена всеобщим диалектическим, а также совокупностью общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучных (историко-правовой, формально-юридический, структурно-

функциональный) методов. В результате проведенного исследования автором обоснован следующий вывод: законодательное признание и закрепление обоснованного риска в перечне обстоятельств, исключающих преступность деяния, не является следствием коренного пересмотра правовой системы России в результате смены государственного строя в начале 1990 гг.; генезис обоснованного риска сопровождался продолжительным процессом его зарождения и развития в недрах общественных отношений, следственно-судебной практике и уголовно-правовой доктрине. Причина невостребованности данной правовой нормы обусловлена не отсутствием деяний, к которым надлежит применение положений статьи 41 УК РФ; а в накоплении значительного массива проблем теоретического и практического характера, препятствующих «свободному» обращению в процессе правоприменительной деятельности к положениям исследуемой уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова:

правовая норма, правовая система, генезис, обоснованный риск, легализация, уголовный закон, правотворчество, уголовно-правовая доктрина, правоприменительная деятельность, следственно-судебная практика

Введение

Возникновению правовой нормы - первичного элемента правовой системы, предшествует сложный, порой весьма длительный, многофакторный процесс развития и усложнения общественных отношений, под воздействием исторических, политических, социально-экономических, морально-нравственных и иных явлений общественной жизни, в комплексе обуславливающих необходимость законодательного признания и урегулирования определенного вида отношений посредством дополнения либо изменения нормативно-правового акта соответствующей правовой нормой (их совокупностью). Следовательно, закрепление каждой из уголовно-правовых норм, предусматривающих обстоятельства, исключающие преступность деяния, в действующем законе; их признание в качестве самостоятельных – результат удовлетворения назревшей на определенном этапе развития общества, под влиянием вышеуказанных факторов, потребности в признании формально противоправного деяния при определенных условиях дозволительным видом правомерного поведения.

Однако, порой под превалирующим воздействием одного либо нескольких векторов общественной жизни возможно не оправданное (не последовательное) нормотворчество. Наиболее полно подобная правотворческая деятельность выражена при смене государственного строя и обусловленного им пересмотра правовой системы. Указанный период, как правило, характеризуется хаотичным, чрезмерно динамичным, весьма противоречивым и пробельным законодательством.

Потребность в наличии института необходимой обороны или крайней необходимости в действующем законодательстве не вызывает сомнений, однако, по настоящее время весьма противоречиво и неоднозначно отношение в уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике к так называемым «иным обстоятельствам, исключающим преступность деяния» (речь идет об уголовно-правовых нормах, предусмотренных статьями с 40-42 УК РФ), в том числе к обоснованному риску. Отсутствие следственно-судебной практики, постепенное «угасание» внимания со стороны теоретиков уголовного права после многочисленных дискуссий, предшествовавших легализации обоснованного

риска в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, вызывает опасение в обоснованности дополнения уголовного закона данной правовой нормой: не явилось ли ее принятие «модным веянием» того периода; следствием пересмотра правовой системы России в силу известных событий начала 1990-х гг. Решение поставленной задачи актуализирует потребность в изучении и осмыслении генезиса института обоснованного риска в российском уголовном законодательстве.

Основная часть

Для начала обозначим, с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 года перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, претерпел существенные изменения: данные обстоятельства впервые выведены в отдельную главу уголовного закона; их общая (суммарная) совокупность значительно расширена. Часть «новых» для уголовно-правовой системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, весьма органично «вписалась» в правовую действительность (причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление); другая (физическое или психическое принуждение, обоснованного риск, исполнение приказа или распоряжения), напротив, продолжает оставаться в состоянии близком к «зародышевому». В тоже время, обоснованному риску в отличии от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, не присуще эпизодичность законодательной регламентации в виде предыдущего указания в памятниках российской государственности. Иными словами, данная правовая норма в корне нова для правовой системы России.

Генезис института риска в качестве правового относится к началу XX в. в рамках трудового, затем гражданского законодательства, в связи с чем рассматривался в русле производственных, хозяйственных правоотношений. Имперский период характеризуется изданием царского закона от 2 июня 1903 г. «О вознаграждении за увечье и смерть в промышленных заведениях частных и общественных», направленного на страхование рабочих от несчастных случаев на производстве ввиду риска, вытекающего из существа производимых ими работ [\[1, с. 31\]](#). Данный закон являет собой единственный для царской России правовой акт, возведший риск в категорию правовых.

Дальнейшее становление и развитие института риска связано с изменением политического курса страны, его государственной строя и экономической модели. В данный период (1920-1930) риск впервые рассматривается в качестве обстоятельства, устраняющего юридическую ответственность. Соответствующие положения предусмотрены в КЗоТ и ГК РСФСР 1922 г.; активно разрабатываются постановления по вопросам производственно-хозяйственной деятельности, допускающие элементы риска, в частности: Совета народных комиссаров СССР от 7 августа 1928 г. «Об организации научно-исследовательской работы для нужд промышленности» (см. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 1. 1917-1928 гг. — М.: Политиздат, 1967. (204); ЦИК ССР и НК СССР от 12 июня 1929 г. «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный им нанимателю» и другие.

Однако, в начале 1930-х гг. поощрительно-стимулирующее (одобрительное) отношение советской власти к совершению рискованного деяния, прежде всего, в сфере производственно-хозяйственной, способствовавшего ускоренной индустриализации и возрастанию темпов производства, меняется в диаметрально противоположное – накладывается полный запрет проведения каких-либо изысканий в данной области.

Вместе с тем, «отсутствие правовых норм, на основании которых государственный орган

или суд могли бы решить вопрос о применении права в случае, подлежащем правовому регулированию, влечет за собой возникновение пробелов в праве, которые необходимо устранять» [\[2, с. 365\]](#).

Подобная участь не миновала и институт риска. Более того в уголовном законодательстве отсутствовало само понятие риска, а вопросы, возникавшие, в связи с этим в науке и судебно-следственной практике, как правило, решались в связи с институтом вины. В частности, 11 апреля 1944 г. Военная водно-транспортная коллегия Верховного Суда СССР указывает, что «производственный риск может при известных условиях являться обстоятельством, устраняющим виновность подсудимого» [\[3, с. 144\]](#). Данное разъяснение связано прежде всего с рассмотрением дела Ларионова – механика баркаса «Шеляпугин», ранее осужденного военным трибуналом Нижне-Волжского и Уральского бассейнов. Существо дела состояло в следующем: "... на баркасе «Шеляпугин» пробило фланец, соединявший трубопровод с инжектором. Механик этого баркаса Ларионов, не останавливая работы баркаса по подаче топлива, проверил наличие воды в котле и пытался быстро произвести ремонт, но в предполагаемое им время с ремонтом не уложился, а за это время вода в котле значительно испарилась и на потолке котла образовалась выпучина. Имея в виду, что авария произошла не из-за преступной халатности Ларионова, который при ремонте – на ходу – допустил, по существу, производственный риск, за что его судить в уголовном порядке не было оснований, ... коллегия определила приговор военного трибунала в отношении Ларионова отменить, а дело в уголовном порядке производством прекратить» [\[3, с. 144-145\]](#).

Ранее, в сборнике циркуляров и разъяснений Народного комиссариата юстиции РСФСР, действующих на 1 мая 1934 г., акцентировано внимание на вопросе производственного риска – умении «отделить действительный технический риск от прикрывающейся им бесхозяйственности» [\[4, с. 245\]](#). В качестве примера в сборнике приводится дело треста «Фосфорит»: трестом был допущен производственный риск, заключавшийся в принятии решения по реконструированию предприятия кустарного типа – Сещенского завода, в целях добычи фосфоритной руды. При этом, добыча сырья шла с затруднением и не давала заводу работать с полной нагрузкой, в связи с чем действия работников треста были квалифицированы как вредительство. Однако к моменту разбора дела в суде эти затруднения были устранены, а также установлено, что реконструкция Сещенского завода дала самые положительные результаты и завод является одним из лучших заводов треста. [\[4, с. 246\]](#).

В качестве иных примеров производственного риска в следственно-судебной практике возможно привести дело главного кондуктора станции Фастов Юго-Западной железной дороги Яремко [\[5, с. 39\]](#), Калюжного и Казария [\[6, с.12-13\]](#) и другие.

Таким образом, к началу 1950-х гг. в следственно-судебной практике постепенно назревает необходимость в дополнении уголовного закона соответствующей правовой нормой (действующее законодательство все более не удовлетворяет возрастающим запросам следственно-судебной практики в соответствующей правовой норме); более очевидна невозможность применения правил о крайней необходимости к случаям производственного риска.

К началу 1950-1960-х гг. ранее наложенный запрет на совершение рискованных деяний, проведение изысканий в этой сфере постепенно ослабевает. Начало научно-технической революции в СССР, активное развитие науки, техники, промышленности, начало

освоения космического пространства, проектирование и введение в эксплуатации объектов атомной энергии (напр., Обнинской промышленной электростанции (см., Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И.В. Сталина, № 182 (I3II5) 13.07.1954 г. // Библиотека коммунистической литературы); начало холодной войны и последовавшей за ней гонки вооружений окончательно обусловили нецелесообразность и несостоятельность подобного запрета.

В данный период в рамках уголовно-правовой доктрины закладываются основа и фундамент для дальнейшей научно-исследовательской деятельности и последующей легализации риска в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния. У истоков обоснованного риска стояли такие ученые как М. С. Гринберг [\[7\]](#), А. И. Омельченко [\[8\]](#), И. И. Слуцкий [\[9\]](#), А. А. Пионтковский [\[10\]](#), М. Д. Шаргородский [\[11, с. 385-387, 393-397\]](#) и другие. В частности, М. С. Гринберг в своем труде «Проблема производственного риска в уголовном праве» - одной из первых работ в уголовно-правовой доктрине, посвященных исследованию риска, указывает: «... настало время дополнить перечень обстоятельств, исключающих общественную опасность деяния, положением о правомерности оправданного производственного риска; дать этому явлению необходимый законодательный учет» [\[7, с. 32\]](#). А. И. Омельченко вовсе обосновывалось необходимость «введения карательных санкций, включая и уголовные, за отказ от реализации прогрессивного и нового по мотивам того, что процесс такой реализации связан с явлениями творческого риска ...» [\[8, с. 38\]](#).

Однако, закрепление уголовно-правовой нормы об обоснованном риске в «Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 25 декабря 1958 г. не последовало.

Дальнейшее развитие риска в рамках уголовного законодательства приходится на 1980-1990-е гг. В данный временной отрезок обоснованный риск разрабатывается в трудах В. И. Саморокова [\[12\]](#), В. И. Мельниковой [\[13\]](#), Г. В. Овчинниковой [\[14\]](#), А. В. Сахарова [\[15\]](#), Ю. В. Баулина (см. Баулин Ю.В. Уголовно-правовые проблемы учения об обстоятельствах, исключающих преступность (общественную опасность и противоправность) деяния: автореф. дис. д-р юрид. наук: 12.00.08. - Харьков, 1991. - 41 с.) и других. Позиции ученых, как правило, сводились к необходимости признания риска в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. В частности, следующим образом высказывался А.В. Сахаров: «При подготовке нормы уголовного законодательства целесообразно прежде всего расширить законодательный перечень подобных обстоятельств, предусмотрев также нормы о задержании преступника и оправданном риске» [\[15, с. 116\]](#). Указанный период также характеризуется расширением сфер возможного совершения рискованного деяния: риск рассматривается не только в русле производственной и хозяйственной деятельности, но и профессиональной.

Предложенная в 1985 г. «Теоретическая модель Уголовного кодекса» [\[16, с. 32\]](#), равно как проект Уголовного кодекса РСФСР 1991 г. [\[17\]](#) предусматривали норму о риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния.

Принятые Верховным Советом СССР 2 июля 1991 г. «Основы уголовного законодательства Союза ССР и Республик» (приняты ВС СССР 02.07.1991 г. № 2281-I) также содержали соответствующую правовую нормы. Однако, как известно, данный нормативный акт так и не вступил в юридическую силу. Таким образом, можно утверждать, последующие исторические события в незначительной степени отсрочили

легализацию обоснованного риска.

В последствии предложенные проекты Уголовного кодекса РФ, во многом базировавшиеся на положениях Основ уголовного законодательства, также включали уголовно-правовую норму о риске.

Таким образом, необходимость дополнения перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния, уголовно-правовой нормой об обоснованном риске, ее востребованность в следственно-судебной практике, потребность в законодательном урегулировании соответствующей вида общественной отношений по сути была бесспорна. Полемика преимущественно развивалась относительно сфер возможного совершения рискованного деяния, определения условий его правомерности, наименования данной правовой нормы и других конкретизирующих и дополняющих ее содержательную сторону положений.

Более того, уголовно-правовая норма об обоснованном риске получила закрепление в статье 42 Модельного Уголовного Кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств (принят постановлением седьмого пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ № 5-7 от 17.02.1996 (с изменениями на 16.11.2006)).

Современный этап становления и развития обоснованного риска начинается с принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г., определившего риск в качестве самостоятельного полноценного обстоятельства, исключающего преступность деяния. После легализации изучению обоснованного риска уделено внимание В. В. Бабуриным [18], Н. Ш. Козаевым [19], А. Н. Берестовым [20], А. А. Ильюховым (см. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2001. - 22 с.), С. С. Захаровой (см. Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. - Рязань, 2005. - 26 с.), А. Ю. Шурдумовым (см. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2003. - 20 с.), А. А. Шумковым (см. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2007. - 24 с.) и другими. В настоящее время обоснованный риск не востребован в следственно-судебной практике: статистическая отчетность о применении положений данной правовой нормы не сформирована, полагаем, ввиду отсутствия таковой; Обзор судебной практики о применении положений главы 8 УК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2019), по сути, игнорирует обоснованный риск. Указанное свидетельствует о накопления проблем, препятствующих «свободному» обращению в процессе правоприменительной деятельности к статье 41 УК РФ, а следовательно реализации ее положений.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, полагаем, формированию обоснованного риска в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, предшествовал продолжительный период «зарождения» и последовательного «вызревания» в недрах общественных отношений. Безусловно детерминирующее влияния на данный процесс различных факторов общественной жизни на всех этапах генезиса уголовно-правового риска как части правовой материи; однако, исторический экскурс подтверждает, юридическое признание и закрепление обоснованного риска не есть следствие сумбурного, не продуманного реформирования правовой системы России в начале 1990-х гг. Генезис

обоснованного риска служит отражением регулятивной функции права – придания юридической формы наличествующим общественным отношениям, а не их создания.

Первостепенная проблема обоснованного риска на современном этапе – не востребованность в правоприменительной деятельности, не смотря на предшествовавший «общественный запрос» к его легализации. Риск – сложное, многоплановое явление, в основе которого лежат элементы неопределенности, альтернативности, противоречивости и иные. Наряду с тем, риск неотъемлемый атрибут всех сфер человеческой деятельности, который в настоящем непременно учитывается при планировании жизнеобеспечения. Таким образом, полагаем, указанная проблема обоснованного риска обусловлена не отсутствием деяний, к которым надлежит применение положений статья 41 УК РФ, а в необходимости доработки данного правового института, посредством разрешения задач теоретического и практического характера – «наведения мостов» между ними.

Библиография

1. Нолькенъ А.М. Законы о вознаграждении за увечье и смерть в промышленных заведениях частных, общественных и казенных. – СПб: Юридический книжный склад "ПРАВО", 1911. – 372 с.
2. Юридическая энциклопедия / [Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю.]. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юринформцентр, 2001. – 971 с.
3. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР, 1944. – М.: Юридическое издательство Министерства Юстиции СССР, 1948. – 399 с.
4. Сборник циркуляров и разъяснений НКЮ РСФСР, действующих на 1 мая 1934 г. – М.: Государственное издательство Советское законодательство; Под ред. В.П. Ускова.
5. Судебная практика Верховного Суда СССР от 1949 г. под ред. Т.И. Голякова. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1949. – 48 с.
6. Судебная практика Верховного Суда СССР от 1946 г. выпуск II/XXIV. под ред. Т.И. Голякова. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946.
7. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1963. – 132 с. EDN: UOFAFF
8. Омельченко А.А. Творческий риск, его государственно-правовая охрана. – М.: Издательство Московского университета, 1955. – 52 с.
9. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. – Ленинград: Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1956. – 118 с.
10. Пионтковский А.А. Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса // Сов. гос-во и право. – 1972. – № 4. – С. 30-39.
11. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву / сост. и предисловие Волженкин Б.В. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – 434 с.
12. Самороков В.И. Риск в уголовном праве // Гос-во и право. – 1993. – № 5. – С. 103-112.
13. Мельникова В.И. О профессиональном и хозяйственном риске // Сов. юстиция. – 1989. – № 10. – С. 22-23.
14. Овчинникова Г.В. Виды профессионально-хозяйственного риска / Г. В. Овчинникова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1990. – № 4. – С. 60-66. – EDN TTNUCR.
15. Сахаров А.Б. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. // Советское государство и право. – 1987. – № 1. – С. 111-118.
16. Теоретическая модель уголовного кодекса (Общая часть) / [Анашкин Г.З., Бородин С.В., Полубинская С.В. и др.]. – М.: Б. и., 1985. – 77 с.

17. Совершенствование и эффективность применения республиканского законодательства в борьбе с преступностью: межвуз. об. науч. тр. – Омск, 1991. – Ч. 2: Уголовный кодекс РСФСР (проект).
18. Бабурин В.В. Понятие и виды риска в уголовном праве: учебное пособие / В.В. Бабурин. – Омск: Омская академия МВД России, 2006. – 104 с. EDN: QXEEJX
19. Козаев Н.Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2001. – 112 с. EDN: UCTHTR
20. Берестовой А.Н. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Монография. – СПб: Астерион, 2020. – 148 с. EDN: HSPHUT

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является историческая обусловленность возникновения и развития правовой нормы об обоснованном риске в российском уголовном законодательстве. Автор анализирует генезис этого института, начиная с дореволюционного периода, через советскую эпоху и заканчивая современным Уголовным кодексом РФ.

В работе используется метод историко-правового анализа и доктринального исследования. Автор изучает законодательные акты разных эпох (от закона 1903 г. до УК РФ 1996 г.) и анализирует научные труды ведущих советских и российских ученых (М.С. Гринберг, А.А. Омельченко, В.И. Самороков и др.). Также отмечается обращение к судебной практике (например, дело Ларионова 1944 г.), хотя и с констатацией ее скудности в современный период.

Актуальность темы обусловлена противоречивым отношением к норме об обоснованном риске в современной доктрине и ее полным отсутствием в следственно-судебной практике. Работа призвана актуализировать изучение истории института для устранения существующих пробелов между теорией и правоприменением.

Научная новизна заключается в комплексном историческом осмыслении процесса легализации риска. Автор ставит под сомнение тезис о том, что норма 1990-х годов была лишь «модным веянием», доказывая ее глубокую историческую укорененность и общественный запрос, существовавший десятилетиями.

Статья написана научным языком. Структура логична: последовательно рассматриваются различные исторические этапы (имперский, ранний советский, период НТР, современный), что позволяет проследить эволюцию взглядов на риск. Содержание охватывает как законодательные инициативы, так и доктринальные споры.

Библиография обширна и репрезентативна, включает 20 источников. Она охватывает как дореволюционные и советские издания (сборники ВС СССР 1940-х гг.), так и современные монографии и статьи (В.В. Бабурин, А.Н. Берестовой 2000-х гг.). Это свидетельствует о глубокой проработке источниковой базы.

Апелляция к оппонентам присутствует через анализ различных научных позиций 1960–1990-х годов (например, призывы М.С. Гринберга и А.А. Омельченко к легализации риска) и констатацию того, что единого мнения по ряду вопросов нет до сих пор.

Основной вывод состоит в том, что норма об обоснованном риске имеет под собой прочную историческую основу, но требует доработки для реального применения.

Статья будет интересна широкому кругу читателей: юристам-практикам, научным сотрудникам, преподавателям и студентам юридических вузов, интересующимся уголовным правом и его историей.

Замечания:

- 1. Отсутствие конкретных законодательных предложений, автор показывает не востребованность нормы на практике и призывает к ее «доработке», однако в статье отсутствуют конкретные предложения по изменению или дополнению статьи 41 УК РФ, которые могли бы устранить существующие проблемы правоприменения.*
- 2. Автор утверждает, что проблема не в отсутствии деяний, а в необходимости доработки института. Однако глубинные причины того, почему следователи и судьи игнорируют эту статью (возможно, из-за страха ответственности, сложности доказывания обоснованности риска), детализированы слабо.*

Указанные недостатки не влияют на общую оценку работы и может быть рекомендована к публикации.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Асадов Р.Б. Юрислингвистическая конвергенция в анализе манипулятивных речевых стратегий лжецелителей: суггестивный потенциал и правовые риски // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77028 EDN: TFVAFG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77028

Юрислингвистическая конвергенция в анализе манипулятивных речевых стратегий лжецелителей: суггестивный потенциал и правовые риски

Асадов Раму Бекжанович

старший преподаватель; Юридический институт; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
главный редактор; Диалог (www.npzhdialog.ru)

600026, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 87

✉ asadov@npzhdialog.ru



[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77028

EDN:

TFVAFG

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2025

Аннотация: Предметом исследования выступают манипулятивные речевые стратегии, применяемые лжецелителями в процессе внушающего воздействия на граждан, а также их правовые последствия в контексте современной российской практики противодействия мошенничеству. В центре анализа находятся механизмы суггестии, формирующие у адресата искаженную картину реальности и подчиняющие его поведение моделям, сконструированным исполнителем. Исследование охватывает лексические, семантические и прагматические характеристики соответствующих текстов, определяющих структуру речевого влияния. Особое внимание уделено юридической оценке таких воздействий, включая сложность доказывания умысла, установления причинно-следственной связи между речевым давлением и имущественным ущербом, а также выявления маркеров, значимых для квалификации деяний по ст. 159 УК РФ. Предмет исследования интегрирует лингвистические, психологические и нормативные аспекты, что позволяет сформировать многомерное представление о природе лжецелительства как социально опасного феномена. Методология исследования

опирается на юрислингвистический анализ, включающий когнитивно-дискурсивный подход, элементы психолингвистики, сравнительно-правовой метод и лингвопрагматическое описание суггестивных стратегий, выявляемых в судебной и коммуникативной практике. Научная новизна исследования состоит в обосновании юрислингвистической конвергенции как эффективного инструмента анализа манипулятивных речевых стратегий лжецелителей, основанных на суггестивных механизмах и создающих у адресата когнитивно искаженное восприятие риска и возможностей. В работе впервые предложена комплексная типология языковых и прагматических маркеров, значимых для квалификации действий по ст. 159 УК РФ, а также выявлены критерии, позволяющие отделить суггестивное воздействие от традиционных форм обмана. Сделан вывод о необходимости учитывать динамику речевого давления и эмоционально-психологические факторы при оценке умысла и общественной опасности деяния. Подчеркивается практическая значимость развития юрислингвистической экспертизы и совершенствования правового регулирования, направленного на выявление и пресечение псевдолечебной деятельности, использующей внушение как способ получения имущественной выгоды.

Ключевые слова:

юрислингвистическая конвергенция, юрислингвистика, речевая манипуляция, суггестия, лжецелительство, мошенничество, право, манипулятивные речевые стратегии, правовые риски, судебная практика

Введение

Феномен манипулятивных стратегий, применяемых лжецелителями и иными субъектами парамедицинской сферы, демонстрирует сложное переплетение языковых и правовых механизмов, требующее анализа в оптике юрислингвистической конвергенции — междисциплинарного подхода, интегрирующего когнитивные, аксиологические и нормативные измерения речевой деятельности. В отечественной доктрине обоснованно подчеркивается, что взаимодействие права и языка не сводится к инструментальной функции нормотворчества: оно задает рамки интерпретации социальных практик, включая речевое поведение лиц, эксплуатирующих доверие граждан посредством суггестивных техник [\[1\]](#). Лжецелительство как социально-правовой феномен наиболее рельефно проявляет эту взаимосвязь, поскольку в нем языковая игра намеренно маскируется под «целительные» практики, а внушающее воздействие оформляется как квазипрофессиональная коммуникация.

Нарастающий интерес к проблематике речевой манипуляции в юриспруденции обусловлен расширением спектра преступных деяний, совершаемых посредством вербальных средств. При этом российская криминалистика сталкивается с ситуацией, когда традиционные категории состава преступления нуждаются в переосмыслении ввиду использования психотехник, нацеленных не на прямое введение в заблуждение, а на создание эмоционально-когнитивной зависимости. Так, М. И. Парасуцкая подчеркивает, что юридизация суггестии требует четкого разграничения между манипуляцией, основанной на языковом конструировании альтернативной картины реальности, и обманом как элементом объективной стороны мошенничества [\[2\]](#). Подобная дифференциация имеет принципиальное значение для квалификации действий лжецелителей, чьи речевые стратегии зачастую находятся на грани между

недобросовестным воздействием и уголовно наказуемым мошенничеством.

Суггестивная природа коммуникативных техник, применяемых лжецелителями, объясняет устойчивость их влияния даже при минимальном содержательном наполнении высказываний. Исследователи убежденно показывают, что суггестивное воздействие в юридически значимых ситуациях опирается на комплекс паралингвистических и психологических механизмов — от ритмизации речи до построения семантических «ловушек», создающих иллюзию экспертного знания [3]. В этом контексте деятельность лжецелителей представляет собой специфический тип правонарушающей коммуникации, где ключевую роль играет не информационный объем сообщения, а его способность инициировать у адресата некритичное принятие псевдомедицинских утверждений, транслируемых как объективные и авторитетные.

Выбор темы настоящего исследования обусловлен потребностью в системном анализе речевых механизмов, формирующих суггестивный потенциал лжецелительства, и юридических рисков, возникающих вследствие такой коммуникации. Лжецелители используют дискурсивные модели, которые, с одной стороны, эксплуатируют социальную уязвимость граждан, а с другой — создают трудности для правоприменителя, вынужденного квалифицировать действия между уголовно-правовой и административно-правовой плоскостями. Как справедливо отмечает З. Р. Салаев, специфика мошенничества в форме оказания оккультных и психологических услуг проявляется в сложности доказывания причинно-следственной связи между внушающим речевым воздействием и имущественным ущербом [4]. Отсюда следует необходимость комплексного юрислингвистического анализа, позволяющего выявить ключевые маркеры манипуляции, релевантные для квалификации деяния и оценки его общественной опасности.

Понимание манипулятивных практик лжецелителей невозможно без обращения к категории «речевого мошенничества», которая в отечественной юрислингвистике рассматривается как комплекс коммуникативных действий, направленных на побуждение адресата к поведенческому решению вопреки его действительным интересам. Б. И. Осипов одним из первых предложил концептуально выделить речевое мошенничество в самостоятельную форму противоправного поведения, указав, что его специфика заключается не столько в фактической лжи, сколько в создании искусственной семантической рамки, ограничивающей возможность рационального выбора [5]. Эта характеристика особенно релевантна для анализа стратегий лжецелителей, которые системно формируют у граждан убежденность в наличии «скрытых угроз» — порчи, негативной энергии, «лечебных кодов» и иных псевдонаучных конструкций.

Разграничение речевой манипуляции и речевого мошенничества остается предметом дискуссии, поскольку их проявления нередко пересекаются на уровне коммуникативной техники. Однако Осипов подчеркивает, что манипуляция как таковая не обязательно преследует цель личного обогащения, тогда как мошенничество предполагает имущественный результат и наличие умысла на введение в заблуждение [6]. В этом контексте лжецелительство демонстрирует гибридный характер: манипулятивная составляющая (суггестия, внедрение ложных установок, использование псевдотерминологии) становится инструментом для извлечения имущественной выгоды. Такое структурное слияние формирует внутреннюю правовую проблему: нормативная конструкция мошенничества в УК РФ ориентирована на объективируемый обман, тогда как в реальной практике воздействия лжецелителей ключевым является именно суггестивный компонент, сложный для фиксации и доказывания.

По мере развития юрислингвистики исследователи все более подчеркивают, что основой манипулятивного воздействия выступает не столько искажение информации, сколько использование языковых признаков, формирующих у адресата определенный эмоционально-когнитивный режим восприятия. В. А. Мишланов аргументирует, что манипулятивные тексты различаются особым типом семантической организации, включая неопределенные референты, модальные конструкции, речевые эвфемизмы и апелляцию к псевдоэкспертности [7]. Лжецелители активно эксплуатируют именно эту тактику: создают тексты, насыщенные неопределенными, но убедительно звучащими понятиями («энергетический блок», «кармическая патология»), и структурируют коммуникацию так, чтобы адресат воспринимал интерпретации исполнителя как единственно возможные.

Параллельно с лингвистическим анализом механизма внушающего воздействия необходимо учитывать и результаты исследований суггестии в институциональных видах дискурса. Так, Т. С. Сафронова, анализируя вступительные речи прокуроров, показывает, что суггестивный эффект достигается при помощи комбинации оценочной лексики, риторических вопросов, интонационных акцентов и апелляции к ценностным ориентирам аудитории [8]. Несмотря на различие сфер, этот вывод применим и к практике лжецелителей: они активно используют морально-нравственные, экзистенциальные и семейные мотивы для создания доверительной атмосферы, в которой адресат перестает критически воспринимать информацию. Таким образом, изучение внушающего потенциала речевых стратегий лжецелителей требует комплексного подхода, объединяющего юридическую оценку содержания высказываний и лингвистический анализ механизмов их воздействия.

Постановка проблемы

Рассматривая речевые стратегии лжецелителей в более широком социально-коммуникативном контексте, важно учитывать, что манипулятивное воздействие нередко опирается на дискурсивные практики, сходные с религиозными и парарелигиозными формами коммуникации. В этих сферах, как отмечает Е. А. Худышкина, речевое воздействие строится через создание символического пространства, в котором адресату предлагается готовая интерпретация мира и собственной роли в нем [9]. Лжецелители используют структурно аналогичный механизм: апеллируют к универсальным темам — страху болезни, тревоге за близких, стремлению к контролю над жизненными обстоятельствами. Это позволяет им формировать у граждан ощущение зависимости от «знания» или «сил» исполнителя, а следовательно — подчинять поведение адресата заранее заданной модели. С точки зрения правового анализа подобные речевые конструкции создают ситуацию, в которой граница между добровольностью и вынужденностью принятия решений становится размытой, что усложняет квалификацию действий лжецелителей.

Роль суггестивных механизмов в коммерческих коммуникациях также демонстрирует важные параллели с практиками лжецелителей. Например, исследования рекламного дискурса показывают, что внушающее воздействие зачастую достигается не прямыми обещаниями, а использованием ценностно окрашенных формул, имитирующих экспертность и формирующих у потребителя доверие к источнику сообщения. Е. С. Кара-Мурза подчеркивает, что законодательная регламентация рекламы вынуждена учитывать семиотическую сложность таких сообщений, поскольку они создают иллюзию объективности даже при отсутствии фактического содержания [10]. Если в коммерческом дискурсе подобные механизмы ограничиваются правовыми требованиями к достоверности информации, то в сфере лжецелительства они зачастую выходят за рамки

правового регулирования, оставаясь в «серой зоне», где внушающие тексты не формально ложны, но создают у адресата искаженное восприятие рисков и возможностей.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о правовом статусе оккультных и «магических» услуг. К. Б. Ерофеев справедливо отмечает, что действующее законодательство не содержит специальных норм, регулирующих деятельность лиц, предлагающих подобные услуги, что создает заметные пробелы в правоприменении ^[11]. В результате граждане оказываются без надлежащей защиты, а доказательственная база в делах о мошенничестве существенно осложняется: лжецелители апеллируют к субъективному характеру своих «услуг», избегая проверяемых утверждений, формально не нарушая запретов, но фактически вводя граждан в заблуждение. Таким образом, отсутствие специального правового режима усиливает роль юрислингвистического анализа, позволяющего выявлять манипулятивные элементы в коммуникации и их связь с имущественным ущербом.

Системная неопределенность правового статуса лжецелительства подчеркивается и в работах А. Э. Жалинского и А. Э. Козловской, которые указывают, что правовое регулирование в этой сфере сталкивается с противоречием между необходимостью обеспечивать свободу вероисповедания и обязанностью государства защищать граждан от недобросовестных практик ^[12]. Такое противоречие требует взвешенного подхода: с одной стороны, недопустимо вводить чрезмерные ограничения на убеждения и традиции, с другой — необходимо учитывать реальную общественную опасность деятельности лжецелителей, использующих внушающее воздействие для извлечения выгоды. Именно поэтому исследование суггестивного потенциала их речевых стратегий должно учитывать не только лингвистические и психологические факторы, но и правовые последствия, формируя основу для уточнения подходов к квалификации таких деяний и разработки профилактических мер.

Основная часть

Переходя к анализу суггестивных стратегий, применяемых лжецелителями, следует отметить, что их воздействие формируется в многоуровневом коммуникативном пространстве, где языковые элементы тесно связаны с психологическими и ситуативными факторами. Практика показывает, что такие исполнители редко используют прямой обман в традиционном юридическом смысле; напротив, они создают последовательность коммуникативных ходов, которые приводят адресата к мысли о необходимости «лечения» или приобретения соответствующих услуг. И. И. Нагорная справедливо подчеркивает, что деятельность лжецелителей опирается на эксплуатацию витальных страхов — болезни, потери близких, угрозы «порчи» — и потому формирует особый тип доверительной зависимости, в котором решение гражданина утрачивает признак свободного волеизъявления ^[13]. Таким образом, основным объектом воздействия становится не рациональная оценка информации, а эмоциональная и экзистенциальная сфера личности.

Стратегии речевого воздействия в практике псевдоцелителей формируют устойчивую модель коммуникативной роли, в которой исполнитель позиционирует себя как единственный носитель сакрального или «ненаучного, но эффективного» знания. Это соответствует классическому механизму манипуляции, описанному в работах С. Г. Кара-Мурзы, где подчеркивается способность манипулятора конструировать альтернативную картину реальности и подменять когнитивные ориентиры адресата ^[14]. Лжецелители

формируют подобные конструкции посредством псевдотерминологии, ритуализированных форм общения и утверждений, не допускающих проверки («у вас перекрыт энергетический поток», «на вас поставлена программа»). Эти высказывания не претендуют на логическую доказательность, но за счет внутренней целостности создают иллюзию экспертной системы, в рамках которой адресат принимает правила коммуникации, не подвергая их критическому анализу.

Особое значение приобретает вопрос о том, каким образом лжецелители организуют процесс речевого воздействия для постепенного внедрения внушаемых установок. Г. А. Копнина отмечает, что эффективная манипуляция предполагает чередование фаз сближения и давления: сначала создается эмоциональный комфорт и ощущение «понимания» со стороны манипулятора, а затем вводятся тревожные элементы, которые можно устранить только при помощи предлагаемых услуг [\[15\]](#). Такая структура коммуникации обнаруживается и в делах о мошенничестве с участием псевдоцелителей, где установлено, что первоначальные консультации носили «диагностический» характер, создавая у гражданина впечатление заботы и компетентности, а последующие этапы сопровождалось навязыванием дорогостоящих ритуалов. Это позволяет сделать вывод о наличии у таких деяний двухуровневой модели внушающего воздействия: когнитивной — через создание авторитета, и эмоциональной — через искусственное формирование угрозы.

Существенный вклад в понимание манипулятивной природы лжецелительства вносит политическая лингвистика, где исследуется динамика речевого воздействия в условиях неравной коммуникативной позиции. О. Л. Михалева указывает, что манипулятивное воздействие основано на асимметрии знаний и статусов: адресат воспринимает источника сообщения как более информированного и компетентного, что делает его уязвимым к внушению [\[16\]](#). В случаях лжецелителей эта асимметрия доведена до предела: гражданин сталкивается с субъектом, претендующим на доступ к «скрытому знанию», недоступному обычным людям. Правовой аспект такой асимметрии проявляется в том, что адресат зачастую не способен распознать отсутствие реальных компетенций у исполнителя, что усиливает необходимость лингвистической экспертизы как инструмента установления фактов манипулятивного воздействия в рамках уголовного процесса.

Структура суггестивного текста: лексические, семантические и прагматические характеристики

Лингвистические особенности высказываний лжецелителей позволяют выделить устойчивый набор маркеров, свидетельствующих о наличии суггестивного воздействия. К числу таких маркеров относятся неопределенные, но эмоционально насыщенные выражения, призванные создать иллюзию глубинного знания о проблемах адресата. Исследования демонстрируют, что манипулятивный текст системно формирует у реципиента ощущение персонализированного общения, хотя фактически использует универсальные, легко адаптируемые формулы. В рекламных текстах подобные механизмы направлены на выстраивание доверительной модели общения, основанной на скрытом внушении и эмоциональной гармонизации [\[17\]](#). В лжецелительской коммуникации аналогичные стратегии выполняют функцию псевдодиагностики: многозначные высказывания о «негативной энергии» или «блокировке жизненных потоков» создают эффект адресности, хотя лишены объективного содержания.

Построение внушающих высказываний нередко опирается на использование специализированной псевдонаучной терминологии, которая выполняет две

взаимодополняющие функции: во-первых, создает у адресата впечатление экспертности источника; во-вторых, препятствует критическому восприятию информации, поскольку гипертрофированная сложность языка воспринимается как признак знания. В классических работах по манипуляции подчеркивается, что подобный тип речевых стратегий формирует эпистемическую зависимость, когда реципиент утрачивает собственную способность к формированию суждений и опирается исключительно на интерпретации манипулятора [18]. Применительно к лжецелителям это проявляется в конструировании закрытой семантической системы: введенные термины («кармический узел», «очищение поля», «энергетическое сканирование») не просто лишены связи с медицинскими фактами, но и полностью автономны от внешних критериев проверки, что значительно осложняет их оценку с юридической точки зрения.

Дополнительным уровнем суггестивного потенциала выступает прагматическая структура коммуникации, направленная на создание доверительной атмосферы. Л. М. Месропян подчеркивает, что агрессивное манипулирование формируется не только за счет лексических средств, но и благодаря особому типу коммуникативной стратегии, в которой говорящий выстраивает взаимодействие как эмоционально насыщенный диалог, предполагающий быстрые реактивные ответы адресата [19]. Эта динамика лишает граждан возможности рационально осмыслить ситуацию, создавая когнитивное давление. В делах о лжецелителях подобные модели поведения проявляются в форме интенсивных «консультаций», где гражданину предлагается немедленно принять решение — приобрести амулет, провести ритуал или оплатить «очищение». Наличие временного прессинга является ключевым признаком манипуляции, поскольку оно направлено на минимизацию когнитивного контроля и усиление подчинения.

С точки зрения правоприменения важно учитывать, что лексические и прагматические признаки речевого воздействия обладают доказательственным значением, поскольку позволяют квалифицировать действия лжецелителей как мошенничество или иные преступления против собственности. Н. А. Лопашенко справедливо указывает, что мошенничество характеризуется использованием доверия потерпевшего, а степень умысла может проявляться через особенности речевого поведения субъекта [20]. В случаях, когда воздействие строится не на прямой лжи, а на внушении, доказательство преступного умысла требует выявления системности манипулятивных высказываний, их направленности на формирование искаженного представления о реальности и связи между внушающими фразами и имущественными действиями потерпевших. Юрислингвистическая экспертиза становится в этом контексте инструментом, позволяющим реконструировать механизм воздействия и установить, имел ли субъект цель получить выгоду посредством речевого давления.

Судебная практика: структура речевого воздействия, оценка доказательств

Судебная практика по делам о лжецелителях демонстрирует устойчивую модель речевого поведения, в которой суггестия становится ключевым инструментом побуждения граждан к передаче имущества. Манипулятивные стратегии лидеров общественного влияния строятся на сочетании эмоционального давления и псевдологической аргументации, создающих у адресата иллюзию необходимости совершения определенного действия [21]. В делах о лжецелительствах аналогичное сочетание используется для формирования представления о «неотложности» вмешательства. Например, в одном из приговоров московских судов указывалось, что злоумышленники убеждали потерпевших в наличии «смертельной порчи», требующей немедленного дорогостоящего ритуала, что фактически лишало граждан возможности

осмыслить ситуацию и критически оценить предлагаемые услуги (*В Москве осудили группу лжеэкстрасенсов за обман почти 40 клиентов. URL: <https://lenta.ru/news/2016/11/09/prigovor2/> (дата обращения: 30.11.2025)*). Суд квалифицировал такие действия как мошенничество, поскольку речевое воздействие носило системный характер и было направлено на формирование ложных представлений о рисках и «необходимых» действиях.

Свод материалов по уголовным делам подтверждает, что речевые стратегии лжецелителей опираются на поэтапное усиление психологического давления. В ряде случаев выявляется так называемая «модель эскалации угроз», когда первоначальное обращение содержит мягкие эвристические элементы («в вашем поле наблюдается дисбаланс»), а дальнейшие взаимодействия сопровождаются конструированием экзистенциальных опасностей («вам грозит гибель близкого человека»). В деле Г. П. Грабового, ставшем одним из наиболее известных примеров злоупотребления доверием граждан посредством внушающих коммуникаций, суд установил, что обвиняемый использовал идею «воскрешения умерших» как основу манипулятивной схемы, воздействующей на эмоционально уязвимых лиц (*С целителем Грабовым чуда не произошло. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1041516> (дата обращения: 30.11.2025)*). Несмотря на уникальность содержания, используемая схема соответствует типовой структуре речевого мошенничества: создание угрозы или проблемы, которую можно устранить только при помощи предлагаемых услуг, — что и стало основой для квалификации действий по ст. 159 УК РФ.

Аналогичным образом выстраивалось речевое воздействие в делах о «лечении рака водой из-под крана» и «снятии порчи» за значительные суммы денег. В одном из решений суд установил, что обвиняемая системно уверяла потерпевшую в наличии тяжелого заболевания, которое «не поддается традиционной медицине», и предлагала оплатить многочисленные «сеансы очищения водой», не обладавшие ни медицинским, ни бытовым смыслом (*Дело осужденной «целительницы», лечившей рак водой из-под крана, вернули в суд первой инстанции. URL: <https://pravo.ru/news/view/66007/> (дата обращения: 30.11.2025)*). В другом деле лжецелительница убеждала потерпевших, что обладает «уникальной способностью возвращать утраченные чувства», и требовала многократных платежей за «ритуалы воссоединения» (*Суд утвердил приговор «целительнице», обещавшей снять порчу и вернуть любовь. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240517/309899678.html (дата обращения: 30.11.2025)*). Суды указали, что данные высказывания не только вводили граждан в заблуждение относительно фактических обстоятельств, но и формировали психологическую зависимость, что подтверждает наличие умысла, направленного на использование доверия и эмоциональной уязвимости.

Особое значение для квалификации действий лжецелителей имеют дела, в которых речевое воздействие сочеталось с продолжительным психологическим контролем над потерпевшими. Так, в одном из случаев, рассмотренных судом Краснодарского края, обвиняемая не ограничивалась единичными внушающими высказываниями, а вела постоянную коммуникацию с потерпевшей, укрепляя убеждение в неизбежности негативных последствий при отказе от ритуалов (*На Кубани лжецелительницу посадили на 2,5 года за мошенничество на 500 тыс. рублей. URL: <https://kuban24.tv/item/na-kubani-lzhetselitelnitsu-posadili-na-2-5-goda-za-moshennichestvo-na-500-tys-rublej> (дата обращения: 30.11.2025)*). Суд квалифицировал такие действия как мошенничество, подчеркнув длительность и системность воздействия. Данный подход важен для юрислингвистического анализа: он показывает, что манипулятивное влияние должно

оцениваться не фрагментарно, а в динамике, поскольку именно последовательность речевых актов формирует эффект внушения, значимый для установления умысла и причинно-следственной связи между коммуникацией и имущественными потерями.

Анализ законодательства

Юридическая квалификация действий лжецелителей требует анализа нормативных актов, регулирующих как медицинскую деятельность, так и защиту имущественных интересов граждан. Прежде всего, ключевым инструментом правоприменения выступает ст. 159 УК РФ, определяющая мошенничество как хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Однако применительно к лжецелителям обман зачастую имеет не прямую, внушающую природу: речевые действия не всегда содержат объективно проверяемые ложные сведения, но создают у адресата искаженную картину действительности посредством суггестии. Это формирует специфическую проблему для доказывания: следственные органы должны выявить, каким образом последовательность речевых актов сформировала у потерпевшего ожидание угрозы или надежды, которые побудили его передать имущество. Такой подход соответствует современной тенденции учитывать психологический характер вербальных преступлений, однако требует методологического инструментария, объединяющего лингвистический и юридический анализ.

Существенную роль в оценке лжецелительской деятельности играет законодательство об охране здоровья граждан. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает исчерпывающий перечень лиц, имеющих право осуществлять медицинскую деятельность, а также условия ее легитимности (см. *Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»*). Лжецелители, выдающие свои действия за лечение, нарушают данное регулирование, поскольку не обладают соответствующей квалификацией и лицензией. Однако в большинстве случаев они избегают прямой квалификации как лица, осуществляющие незаконную медицинскую деятельность, поскольку маскируют свои услуги под «энергетические практики», «духовное исцеление» или «ритуальные действия». С точки зрения правоприменения это создает трудности: отсутствует нормативное определение таких услуг, а потому квалификация действий как мошенничества становится основным инструментом реагирования. В то же время системная оценка действий лжецелителей позволяет рассматривать их практики как угрозу общественному здоровью, поскольку внушающие коммуникации могут препятствовать своевременному обращению граждан за реальной медицинской помощью.

Законодательство о защите прав потребителей также имеет существенное значение для анализа правовых рисков, связанных с деятельностью лжецелителей. Закон РФ «О защите прав потребителей» предусматривает обязанность исполнителя предоставлять достоверную информацию о свойствах и характеристиках услуги (см. *Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»*). Псевдолечебные практики нарушают этот принцип, поскольку заявляемые результаты («снятие порчи», «излечение неизлечимых болезней», «воскрешение») не могут быть объективно подтверждены. Более того, сама структура лжецелительской коммуникации построена на введении потребителя в заблуждение относительно характера услуги: обещания опираются не на факты, а на внушение. Хотя споры с лжецелителями редко доходят до гражданских судов — потерпевшие чаще обращаются в правоохранительные органы, — потенциал применения потребительского законодательства остается значительным, особенно в аспектах компенсации морального вреда и недействительности сделок, совершенных под

влиянием обмана.

Особую сложность представляет оценка публичных коммуникаций лжецелителей, осуществляемых через рекламу, социальные сети, сайты или мессенджеры. Федеральный закон «О рекламе» прямо запрещает распространение сведений, способных ввести в заблуждение, а также обещание результатов, не имеющих научного подтверждения (см. *Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»*). Несмотря на это, лжецелители используют гибридные формы продвижения, в которых прямые обещания заменяются намеками, эмоциональными рассказами, «историями успеха» и псевдонаучными формулами. Такие сообщения обходят формальные критерии нарушения закона, но выполняют внушающую функцию, влияющую на решения граждан. С точки зрения юрислингвистической экспертизы подобные формы коммуникации требуют тщательной семиотической оценки, поскольку манипулятивный эффект достигается не содержанием прямых утверждений, а структурой текста и его прагматической ориентацией. В результате возникает необходимость совершенствования правового регулирования, направленного на охват суггестивных форм рекламы, не содержащих прямых ложных сведений, но создающих у потребителей когнитивно искаженные ожидания.

Международная практика, доказывание суггестии, направления совершенствования правового регулирования

Сравнительно-правовой анализ показывает, что проблема правового регулирования оккультных, парамедицинских и иных внушающих практик является универсальной и встречается практически во всех правовых системах. В странах англо-саксонской традиции, например в США и Великобритании, деятельность «целителей» регулируется либо через общие нормы о мошенничестве, либо через законодательство о защите потребителей, предусматривающее строгую ответственность за ложные или непроверяемые обещания. Европейские правовые системы — Германия, Франция, Австрия — опираются на институт незаконного занятия медицинской практикой, где ключевым критерием выступает не содержание обещаний, а создание видимости профессиональной компетенции. Российский подход занимает промежуточную позицию: с одной стороны, право стремится ограничить незаконную медицинскую деятельность; с другой — оставляет пространство для «неверифицируемых» услуг, не относимых к медицине. Это подтверждает актуальность выводов А. Э. Жалинского и А. Э. Козловской о необходимости поиска баланса между свободой убеждений и защитой граждан от злоупотреблений [\[12\]](#).

Наиболее значимой проблемой правоприменения остается доказывание факта внушения и его роли в формировании у потерпевшего ошибочного представления о реальности. В российской судебной практике оценка речевых действий подозреваемого нередко ограничивается фиксацией конкретных фраз, что не позволяет установить динамику воздействия, характер эмоционального давления и степень когнитивного искажения. Между тем опыт резонансных дел, включая судебный процесс по обвинению Г. П. Грабового, показывает, что внушающее воздействие формируется путем последовательного усиления эмоциональной зависимости и демонстрации «уникальных знаний» [\[22\]](#). Отсюда следует необходимость комплексной лингвистической экспертизы, ориентированной не только на изучение отдельных высказываний, но и на анализ коммуникативной ситуации в целом: жанровых характеристик текста, социокультурных ожиданий адресата, особенности речевой роли исполнителя. Такой подход позволит обеспечить более точную юридическую оценку действий лжецелителей и выявить признаки злоупотребления доверием в тех случаях, когда обман не выражается в

прямых ложных утверждениях.

Совершенствование правового регулирования в этой сфере должно опираться на междисциплинарное понимание природы внушения и манипуляции. С одной стороны, уголовное право нуждается в более детальной регламентации способов совершения мошенничества, включающих манипулятивные формы воздействия, основанные на суггестии. С другой стороны, важно развивать инструменты профилактики: требования к информированию потребителей о рисках обращения к нетрадиционным практикам, а также механизмы саморегуляции в области психологических и духовных услуг. В зарубежных юрисдикциях подобные меры уже применяются: например, действуют государственные реестры специалистов, имеющих право предоставлять психологические или терапевтические услуги, а нарушение правил регистрации влечет административную или уголовную ответственность. Российское законодательство пока не содержит аналогичных механизмов, что оставляет пространство для злоупотреблений и осложняет борьбу с лжецелителями.

Важным направлением развития является институционализация юрислингвистической экспертизы как самостоятельной формы специальных знаний, применяемых в уголовном процессе. Суггестивные практики требуют анализа, выходящего за пределы традиционной лингвистики, поскольку необходимо учитывать когнитивные, психологические и прагматические аспекты коммуникации. В этом контексте юрислингвистическая экспертиза способна определить не только формальные признаки обмана, но и структуру внушения: стратегию построения угрозы, способы формирования зависимости, характер эмоционального давления. Такой подход позволяет суду установить истинный смысл речевых действий обвиняемого, даже если они представлены в завуалированной форме. В совокупности эти шаги создают предпосылки для повышения эффективности правоприменения и укрепления защиты граждан от манипулятивных практик, сохраняя при этом баланс между свободой выражения мнений и необходимостью предотвращать злоупотребления.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что речевые стратегии лжецелителей представляют собой комплексную систему манипулятивного воздействия, в которой суггестия играет ключевую роль, определяя не только содержание коммуникации, но и поведенческую динамику адресата. Анализ лингвистических, психологических и правовых характеристик таких стратегий демонстрирует их многоуровневую природу: лжецелители не ограничиваются прямым обманом, а формируют замкнутую семантическую реальность, внутри которой адресат оказывается лишен способности к критической оценке. Эта искусственно созданная когнитивная среда позволяет манипулятору активно эксплуатировать эмоциональные и экзистенциальные уязвимости граждан, что приводит к утрате самостоятельности решений и формированию зависимого поведения. Юрислингвистический анализ показывает, что именно структурная организация внушения — чередование тревожных и успокаивающих компонентов, использование псевдонаучной терминологии, ритуализация речи — служит основанием для трансформации индивидуального восприятия и запуска механизма доверия, необходимого для последующего имущественного вреда.

Сопоставление теоретических моделей речевой манипуляции с судебной практикой позволяет выявить устойчивые закономерности в поведении лжецелителей, значимые для уголовно-правовой квалификации. В большинстве рассмотренных дел прослеживается единый коммуникативный алгоритм: создание угрозы или проблемы,

навязывание ее псевдопрофессиональной интерпретации, предложение решения, связанного с передачей денежных средств. Эта модель не только подтверждает манипулятивную природу воздействия, но и демонстрирует необходимость учитывать динамику коммуникации, а не отдельные ее фрагменты. Суггестивный характер взаимодействия делает традиционное понимание «обмана» недостаточным: юридически значимым становится не факт ложного утверждения, а процесс формирования у потерпевшего искаженной картины реальности посредством языка. В связи с этим особое значение приобретает комплексная юрислингвистическая экспертиза, способная выявить структуру внушения, оценить степень психологического давления и установить связь между вербальными действиями и имущественным ущербом.

Научная и практическая значимость проведенного анализа заключается в обосновании необходимости совершенствования правового регулирования, направленного на охват внушающих практик, маскируемых под оккультные, психологические или «духовные» услуги. Уголовное законодательство, ориентированное на классическое понимание обмана, должно учитывать современные формы манипуляции, основанные на сложных дискурсивных техниках и эксплуатации эмоциональной уязвимости. Перспективным представляется введение нормативных критериев, позволяющих квалифицировать суггестивные воздействия как один из способов совершения мошенничества, а также развитие систем профилактики, направленных на повышение медиаграмотности и информирование граждан о рисках взаимодействия с псевдоспециалистами. В конечном счете юрислингвистическая конвергенция — объединение правовых и лингвистических инструментов анализа — позволяет выработать комплексный подход к оценке таких деяний, обеспечивая баланс между защитой граждан и соблюдением конституционных свобод. Систематическое внедрение результатов юрислингвистических исследований в правоприменительную практику станет важным шагом к повышению эффективности борьбы с мошенническими практиками и укреплению правовой безопасности общества.

Библиография

1. Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции // Право и политика. 2025. № 8. С. 1-18.
2. Парасуцкая М. И. Проблема юридизации речевой манипуляции и суггестии // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6. С. 69-70. EDN: KZZVTT.
3. Катермина В. В., Сафронова Т. С. Механизмы суггестивного воздействия в юридическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 3. С. 142-152. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.14. EDN: ZTSKJX.
4. Салаев З. Р. К вопросу о способе мошенничества, связанного с оказанием оккультных и психологических услуг // Образование и право. 2019. № 5. С. 171-175. EDN: XBYPUI.
5. Осипов Б. И. Речевое мошенничество – вид уголовного преступления? // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 182-186. EDN: WDLKHB.
6. Осипов Б. И. Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 216-221. EDN: WKGXZD.
7. Мишланов В. А. Языковые и речевые признаки манипулятивных текстов // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 203-216. EDN: WKGXYT.
8. Сафронова Т. С. Особенности суггестивного воздействия во вступительной речи прокуроров (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-1. С. 136-141. EDN: YNGOJX.
9. Худышкина Е. А. Речевое воздействие в контексте религиозного дискурса социальной сети // Таврический научный обозреватель. 2015. № 5-2. С. 92-95. EDN: VKNNAR.
10. Кара-Мурза Е. С. Лингвосомиотические аспекты законодательной и деонтологической

- регуляции рекламы // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 163-175. EDN: WCMFIZ.
11. Ерофеев К. Б. "Магические услуги": правовой анализ // Евразийская адвокатура. 2013. № 3. С. 89-93. EDN: QBCAFZ.
12. Жалинский А. Э., Козловская А. Э. О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 60-64. EDN: OOUBOB.
13. Нагорная И. И. Магия, гадание, целительство: уголовно-правовая охрана прав граждан // Экономика, социология, право: новые вызовы и перспективы развития: сборник трудов конференции. М.: РИСИ, 2011. С. 197-199.
14. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием: учебное пособие. М.: Алгоритм, 2004. 526 с. EDN: QOCQFV.
15. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие. 2-е изд. М.: Флинта, Наука, 2008. 169 с. EDN: TJMHGB.
16. Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: URSS, Либроком, 2009. 252 с.
17. Порческу Г. В., Бабушкина Л. Е., Милкова А. Н. Языковые средства суггестивного воздействия в рекламном тексте // Профессиональная коммуникация в полиязычном пространстве: междисциплинарный подход. М.: РГАУ – МСХА имени К. А. Тимирязева, 2024. С. 166-212. EDN: AGUAXE.
18. Беляева И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 374 с.
19. Месропян Л. М. Речевое агрессивное манипулирование в юрислингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 177 с. EDN: SVAXCF.
20. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М.: Норма, 2012. 527 с. EDN: QSHAAD.
21. Асадов Р.Б. Манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения в структуре состава вербальных преступлений // Административное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 1-18. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.6.76890 EDN: DQEFGE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76890
22. Нагорная И. И. Дело Г. П. Грабового: конституционная легитимность приговора // Правовая система как элемент устойчивого развития субъекта РФ: сборник трудов конференции. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. С. 257-261.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью «Юрислингвистическая конвергенция в анализе манипулятивных речевых стратегий лжецелителей: суггестивный потенциал и правовые риски»

Предмет исследования.

Статья посвящена комплексному междисциплинарному исследованию манипулятивных речевых стратегий лжецелителей через призму юрислингвистической конвергенции. Выбор предмета является исключительно актуальным и практически значимым, поскольку находится на острие современных вызовов, связанных с квалификацией новых форм мошенничества, основанных на суггестивном вербальном воздействии.

Методология исследования.

Автор убедительно применяет методологию юрислингвистической конвергенции, что представляет собой сильную сторону работы. Методологический каркас исследования отличается целостностью и системностью: органично интегрированы лингвистический анализ (семантический, прагматический, дискурс-анализ), классический юридический догматический метод, сравнительно-правовой анализ и достаточно глубокий разбор судебной практики. Такой подход к выбору методологии исследования адекватен сложности исследуемого феномена и позволяет достичь высокой глубины анализа.

Актуальность.

Актуальность темы не подлежит сомнению. Рост числа мошенничеств, использующих психологические и речевые техники, недостаточная разработанность механизмов их доказывания в уголовном процессе и острая общественная потребность в защите наиболее уязвимых категорий граждан делают данное исследование чрезвычайно востребованным как для науки, так и для правоприменительной практики.

Научная новизна.

Научная новизна статьи ярко выражена. Автор не просто констатирует проблемы, а предлагает оригинальный аналитический инструментарий для выявления и описания структуры суггестивного воздействия. Новизна заключается в системном выделении и классификации лингвистических маркеров манипуляции (псевдонаучная терминология, неопределенные референты, ритмизация речи), увязанных с конкретными этапами формирования психологической зависимости жертвы. Особенно ценным является проведенный автором сравнительный анализ теоретических моделей с реальными материалами уголовных дел, что подтверждает достоверность предлагаемых выводов.

Стиль, структура, содержание.

Статья отличается чёткой логической структурой и завершенностью. Композиция (от теоретического обоснования и постановки проблемы к детальному анализу стратегий, законодательства, судебной практики и выводов) обеспечивает последовательное и убедительное раскрытие темы. Стиль изложения соответствует высоким академическим стандартам, отличаясь научной строгостью, терминологической точностью и богатством аргументации. Содержание демонстрирует свободное владение материалом как в лингвистической, так и в юридической плоскости.

Библиография.

Список использованных источников является одним из достоинств работы. Он не только полностью соответствует формальным требованиям журнала по количеству (22 источника), но и отличается качественным подбором. Автор опирается на солидный корпус научной литературы, включающий фундаментальные монографии, актуальные научные статьи (в том числе 2025 года), диссертационные исследования, нормативные правовые акты и материалы судебной практики, что свидетельствует о всесторонней и тщательной подготовке исследования.

Апелляция к оппонентам.

Сильной стороной статьи является ее заведомо дискуссионный и новаторский характер. Автор корректно, но твердо оспаривает узкое, традиционное понимание «обмана» в составе мошенничества, обосновывая необходимость учёта сложных суггестивных техник, создающих не ложные факты, а альтернативную искаженную реальность. Подкреплённая судебными примерами, эта позиция автора даёт серьёзные основания

для научной дискуссии и может способствовать развитию правовой науки.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы, представленные в статье, имеют высокую теоретическую и практическую ценность. Они носят конкретный и конструктивный характер, предлагая пути совершенствования экспертной практики (развитие комплексной юрислингвистической экспертизы) и правового регулирования. Работа вызовет несомненный интерес у широкой аудитории: ученых в области уголовного права, криминалистики, лингвистики и психологии; практикующих юристов, следователей, судей; а также экспертов, занимающихся речевыми и психоллингвистическими исследованиями.

Статья «Юрислингвистическая конвергенция в анализе манипулятивных речевых стратегий лжецелителей: суггестивный потенциал и правовые риски» представляет собой качественное, оригинальное и завершенное научное исследование, полностью соответствующее критериям научной новизны, актуальности и методологии исследования.

Рекомендуется к публикации в журнале «Юридические исследования».

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Выймов И.В. Правовое регулирование ограничений размера гонорара успеха как способа определения стоимости юридических услуг // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77216 EDN: TGLVSW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77216

Правовое регулирование ограничений размера гонорара успеха как способа определения стоимости юридических услуг

Выймов Иван Владиславович

аспирант; кафедра предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса;
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, Пермский край, г. Пермь, Дзержинский р-н, ул. Генкеля, д. 3

✉ ivan.vyimow0310@gmail.com



[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77216

EDN:

TGLVSW

Дата направления статьи в редакцию:

10-12-2025

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу вопроса о необходимости установления каких-либо ограничений, связанных с размером гонорара успеха. Исследуется генезис правового регулирования количественных пределов стоимости юридических услуг, выделяются два подхода отечественной судебной практики к вопросу о возможности снижения установленного в договоре об оказании юридических услуг размера гонорара успеха. С точки зрения необходимости защиты интересов слабой стороны рассматривается вопрос о правовой необходимости отхода от принципа свободы договора в части введения каких-либо ограничений размера гонорара успеха. В контексте зарубежного опыта и доктрины анализируются возможные способы решения проблемы установления и выплаты гонорара успеха в явно завышенном размере. Предметом исследования являются методы защиты слабой стороны договора от выплаты гонорара успеха в чрезмерном и явно необоснованном размере. Цель исследования – формирование комплексного научного представления о правовом регулировании количественных пределов гонорара успеха. В ходе исследования применяются

общенаучные методы исследования, как-то анализ, синтез, индукция, дедукция, систематизация, а также такие специально-юридические методы познания, как юридическое толкование, сравнительно-правовой метод, историко-правовой метод. Научная новизна исследования выражена в систематическом обобщении возможных способов решения проблемы выплат гонорара успеха в явно неразумном размере. Проанализирована потенциальная эффективность от закрепления таких способов. Обоснована необходимость внедрения в российскую практику такого способа как право судов в исключительных случаях снижать размер гонорара успеха. Критическому анализу подвергнуто возможное заимствование зарубежного опыта в части установления конкретных количественных ограничений гонорара успеха, а также одно лишь закрепление обязанности исполнителя по неполучению гонораров в неразумных размерах. Автором в целях реализации сформулированного подхода предлагается на законодательном уровне прямо закрепить полномочие судов по снижению размера гонорара успеха. На уровне позиции Верховного Суда Российской Федерации следует разъяснить, как и в каких случаях суд может реализовать такую возможность. Так, суд должен иметь право снижать гонорар успеха в случаях, когда очевидно, что любой разумный участник оборота не согласился бы на установленный в договоре размер гонорара успеха и только по заявлению заказчика.

Ключевые слова:

юридические услуги, стоимость юридических услуг, вознаграждение исполнителя, модели оплаты услуг, гонорар успеха, пределы гонорара успеха, ограничения гонорара успеха, количественные пределы, размер гонорара успеха, свобода договора

Введение

Вопросы, связанные с правовым регулированием стоимости юридических услуг (как услуг адвокатов, так и услуг лиц, не имеющих данный статус) всегда привлекали внимание исследователей. По верному выражению великого дореволюционного правоведа Е. В. Васильковского, вопрос о гонораре принадлежит к числу самых трудных, какие только могут возникнуть при организации адвокатуры [\[1, с. 81\]](#).

Существуют различные способы определения стоимости юридических услуг — в литературе таковых выделяют от трех до семи [\[2, с.116; 3, с. 131\]](#). Вызывающим наибольшее количество проблемных вопросов всегда был такой способ как гонорар успеха. Как известно, с 1 марта 2020 г. принципиальная возможность использования гонорара успеха была закреплена в п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (далее – ФЗ № 63). Но такое законодательное решение не привело к тому, что все проблемные вопросы, связанные с применением гонорара успеха, были устранены.

Один из таковых связаны с ограничениями применения гонорара успеха. Российский законодатель предусмотрел только предметные ограничения применения данной модели — она не может применяться при оказании юридической помощи по уголовным делам и делам об административных правонарушениях. Вместе с тем проведенный в настоящей статье анализ доктринальных источников, актов зарубежного права и отечественной судебной практики показал, что высокую актуальность имеет вопрос и о количественных ограничениях гонорара успеха.

Необходимо ли в российском праве по аналогии с некоторыми зарубежными государствами закрепить конкретные ограничения по размеру гонорара успеха? Следует ли суд наделять правом снижать размеры гонораров успеха, и если да, то в каких случаях? Какой наиболее эффективный механизм борьбы с злоупотреблениями исполнителями своим сильным положением, связанным с установлением и получением гонораров успеха в явно необоснованных размерах? В настоящем исследовании сделаем попытку комплексно осветить все данные вопросы.

Эволюция правового регулирования количественных пределов стоимости юридических услуг

Проблема пределов стоимости юридических услуг известна со времен римского права. Е. В. Васильковский отмечал, что алчность и бесцеремонность адвокатов, развившаяся к концу Римской республики, во время эпохи Римской империи достигла колоссальных размеров. Жадность адвокатов было сильной и необузданной [\[4, с. 58-59\]](#).

Римское право не могло никак не реагировать на факты огромных гонораров адвокатов. Так, устанавливались различные ограничения, связанные с размером оплаты юридической помощи (эти ограничения не были прямо связаны с конкретной моделью оплаты). Во времена Клавдия было установлена предельная сумма гонорара адвоката — 10 тысяч сестерциев (так называемая такса Клавдия). Император Нерон установил, что гонорар должен быть справедливым, то есть соответствующим делу. Император Константин (в 326 г.) предписал исключать из списка каждого адвоката, который будет вымогать или выговаривать себе под видом гонорара чрезмерные суммы. Во времена Юстиниана вымогательство адвокатом больших гонораров считалось одним из главных дисциплинарных правонарушений [\[5, с. 61-64\]](#).

В Дореволюционной России применялись различные модели определения стоимости юридических услуг, в том числе активно развивался институт гонорара успеха. К. К. Арсеньев отмечал, что в Российской империи вопрос о допустимости гонорара успеха разрешался утвердительно и законом, и практикой. Присяжные поверенные нередко выговаривали себе вознаграждение только на случай выигрыша дела [\[6, с. 124\]](#).

Судебные уставы Дореволюционной России строились на принципе свободы установления адвокатского гонорара между поверенным и его клиентом [\[7\]](#). Вместе с тем в практике советов присяжных поверенных различных округов часто сквозила идея о количественных пределах гонорара успеха. Так, нередко в конкретных делах советы присяжных поверенных оценивали ту или иную сумму гонорара успеха, установленную в виде процента от размера удовлетворенных требований, как разумную или нет. Приведем ряд примеров.

Так, гонорар успеха в размере 50% от суммы требований был признан чрезмерным, отмечалось, что установление гонорара в таком необычно большом размере не может не вызывать со стороны совета присяжных поверенных порицания. Размер гонорара успеха в 33,3 % за ведение дела в охранительном порядке об утверждении в правах наследства был признан неправильным и недопустимым. Гонорар успеха в размере 25% был признан исключительно высоким, но находящим объяснение и оправдание в исключительном характере самого дела, в большой, сложной и продолжительной работе. Гонорар успеха в 20% при цене иска в 1000 руб. был признан абсолютно допустимым [\[8, с. 336-339\]](#).

То есть, в эпоху Дореволюционной России вопрос о количественных пределах гонорара успеха был отдан на откуп советам присяжных советов, какой-либо единый допустимый количественный предел гонорара успеха установлен не был.

В советскую эпоху рассматриваемый в настоящей статье вопрос не вставал, так как в целом институт гонорар успеха никак не развивался и не применялся. По другому быть и нем могло с учетом того, что многие частноправовые институты в советский период не применялись или применялись крайне ограничено.

В настоящее время действующее законодательство РФ не содержит каких-либо конкретных количественных ограничений применения гонорара успеха. При этом в отечественной судебной практике встречаются примеры дел, в которых встает вопрос о размерах гонорара успеха и его ограничениях. То есть, как и в дореволюционную эпоху, рассматриваемый вопрос на законодательном уровне не урегулирован, но нередко возникает в ходе правоприменительной деятельности. Перейдем к рассмотрению отечественной судебной практики.

Анализ судебной практики

Нередко в отечественной практике поднимается вопрос о возможности при рассмотрении требований исполнителя о выплате гонорара успеха уменьшения его размера. Суды по-разному подходят к решению данного вопроса.

В ряде случаев в практике принципиально признается возможность уменьшения судом согласованного в договоре размера гонорара успеха (Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2025 № 18АП-265/2025 по делу № А76-8118/2024; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.07.2022 № 12АП-5325/2022 по делу № А12-4574/2022; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.02.2022 № 18АП-18734/2021 по делу № А76-30084/2020; Апелляционное определение Московского городского суда от 28.07.2025 № 33-32766/2025 по делу № 2-3612/2024; Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 25.03.2025 № 33-1784/2025 по делу № 2-6288/2024). Так, например, в одном из дел размер взыскиваемого с заказчика гонорара успеха был уменьшен более чем в 8 раз (со 165 тысяч рублей до 20 тысяч) (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.02.2022 № Ф09-10796/21 по делу № А76-3328/2021). В другом деле гонорара успеха был уменьшен с 430 000 рублей до 225 000 рублей (Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 25.03.2025 № 33-1784/2025 по делу № 2-6288/2024).

В качестве обоснования таких решений суды приводят следующие аргументы:

- 1) Согласование условия о гонораре успеха осуществляется между исполнителем, как профессиональным участником рынка юридических услуг, и заказчиком таких услуг, как слабой стороной – заказчик не может в полном объеме и объективно оценивать тот размер гонорара успеха, который предлагается к оплате в качестве справедливого и соразмерного;
- 2) Принятие на себя обязательств по уплате гонорара успеха слабой стороной (заказчиком) не влечет и не должно влечь для нее повышенных неблагоприятных рисков только по формальной ссылке истца на положения статьи 421 ГК РФ;
- 3) В целях обеспечения баланса интересов у суда есть обязанность суда по пресечению неразумных, а значит противоречащих публичному порядку Российской Федерации

условных вознаграждений представителя в судебном процессе;

4) Перечень способов защиты, предусмотренный статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, не является исчерпывающим, что не исключает предъявления заказчиком требований об уменьшении стоимости гонорара успеха.

Видно, что основным аргументом в пользу уменьшения размера гонорара успеха выступает необходимость защиты интересов слабой стороны — заказчика. Но не слишком ли далеко суды заходят в своем патерналистском стремлении? Насколько такие решения согласуются с действующим правом?

Представляется, что в отсутствии закрепленного за судами полномочия по снижению размеров гонорара успеха соответствующие позиции есть ни что иное как произвольное вмешательство судов в частные дела, противоречащий закону отход от принципа свободы договора. Суды как будто забывают, что при взыскании гонорара успеха с заказчика у них нет такого инструмента, как в случае решения вопроса о взыскании судебных расходов (возможность взыскания в разумных пределах). Нет у судов и инструмента, схожего с возможностью уменьшения неустойки (ст. 333 ГК РФ).

Один из аргументов судов связан с открытым перечнем способов защиты гражданских прав. Вместе с тем судами как минимум не учитывается, что в ст. 12 ГК РФ используется фраза об иных способах, «предусмотренных в законе». В литературе, порой справедливо, встречаются предложения о том, что ст. 12 ГК РФ надо изменить в части исключения требования об обязательном законодательном закреплении всех способов защиты гражданских прав [\[9, с. 1106-1107; 10, с. 22\]](#). Но пока такое предложение не реализовано, следует согласиться с Д. Н. Латыповым в том, что в настоящее время если способ защиты прав законом не предусмотрен, то его использование, по всей вероятности, будет недопустимым [\[10, с. 306\]](#). Такой способ как снижение гонорара успеха или любого иного вознаграждения исполнителя при надлежащем исполнении им своего обязательства закон не предусмотрен.

Таким образом, с точки зрения действующего позитивного права практику ряда судов по возможности уменьшения размера гонорара успеха следует признать недопустимой.

Следует отметить, что встречается и противоположная судебная практика, связанная с твердым стремлением к соблюдению принципа свободы договора. Так, суды нередко отвергают требования о снижении согласованного в договоре размера гонорара успеха либо требования о признании условия о гонораре успеха недействительным на основании его явно чрезмерного размера.

В одном из дел сумма гонорара успеха превышала размер удовлетворенных требований заказчика. Суд отметил, что превышение размера вознаграждения ответчика над суммой причитающихся истцу по решению суда денежных средств не является достаточным для признания сделки в соответствующей части недействительной, с учетом положений пункта 1 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.04.2025 по делу № 88-4223/2025).

Иногда суды, отвергая доводы о завышенном размере гонорара успеха, отмечают, что в обычных условиях хозяйственного оборота заказчик, принявший эти услуги без претензий по объему и качеству, не вправе впоследствии возражать по поводу завышения их стоимости по отношению к среднерыночным расценкам; оказанные юридические услуги должны быть оплачены заказчиком по согласованной с

исполнителем цене. При этом совершенно верно судами замечается, что разрешается вопрос не о взыскании судебных расходов с проигравшей стороны, в рамках которого суды обязаны руководствоваться принципами разумности и соразмерности, а о взыскании платы за оказанные услуги, условие о размере которой согласовано в договоре (Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2025 № 07АП-1776/2025 по делу № А02-1081/2024; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2025 № 18АП-7392/2025 по делу № А76-11074/2025)

Нередко суды, опираясь на статью 421 ГК РФ, в целом применительно к любой модели оплаты отмечают, что договором может быть установлен любой размер гонорара представителя (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.04.2025 № Ф10-4183/2023 по делу № А09-3334/2020; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.04.2025 № 17АП-2273/2024-АК по делу № А60-23976/2023).

Такого рода решения с точки зрения действующего позитивного права не могут вызывать каких-либо возражений. Они полностью укладываются в канву принципа свобода договоры. Вместе с тем с точки зрения политики права вопрос о том, как следует и следует ли вообще защищать слабую сторону от выплаты гонорара успеха в чрезмерных размерах, остается открытым.

Обоснование необходимости установления механизма ограничения размера гонорара успеха

Гонорар успеха имеет многие положительные стороны. Это и важный частноправовой способ обеспечения доступности юридической помощи [\[11, с. 693\]](#), и механизм стимулирования исполнителей на оказание качественных услуг [\[12\]](#), и средство распределения рисков между исполнителем и заказчиком [\[13\]](#), и способ преодоления асимметрии информации на рынке юридических услуг [\[14, с. 54\]](#).

Вместе с тем, несмотря на все свои положительные стороны, гонорар успеха имеет и ряд негативных черт. Одна из таковых связана с тем, что гонорары успеха часто сильно превышают твердые и почасовые вознаграждения [\[15, с. 3; 16, с. 377\]](#). Как правило, при данном способе ценообразования существует тенденция к завышению стоимости юридических услуг [\[17\]](#). А. Wennihan считает, что в США практика применения гонорара успеха стала настоящим ключом к несметному богатству юристов [\[18, с. 1655\]](#).

Действительно, нередко гонорары успеха выражаются в довольно значительных суммах. При этом в ряде случаев речь может идти о явно неразумных размерах гонорара успеха – таких, на которые среднестатистический разумный участник оборота никогда бы не согласился. Так, например, если размер гонорара успеха составляет 100 % процентов от суммы взысканных в пользу заказчика денежных средств, то возникает сомнение – а зачем заказчик соглашался на такой размер, если все, что он получает по решению суда, он отдает исполнителю в качестве уплаты вознаграждения. С экономической точки зрения такие условия для заказчика крайне нерациональны. G. Woodroffe справедливо отмечает, что для истцов было бы прискорбно, если бы адвокаты забрали всю или большую часть взысканных средств в счет гонорара [\[19, с. 357\]](#).

В российской практике можно найти примеры случаев, в которых гонорары успеха составляли суммы, разумность которых может быть поставлена под сомнение. Так, иногда, сумма гонорара успеха в конечном итоге превышала размер взысканных в

пользу заказчика денежных средств (Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.04.2025 по делу № 88-4223/2025). По одному делу, связанному с признанием действительным договора купли-продажи квартиры, гонорар успеха составлял 100% от стоимости квартиры (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2024 № 88-28743/2024). В деле, связанном с восстановлением прав заказчика на земельные участки, гонорар успеха составлял 60 000 000 руб., а также было установлено, что в случае его невыплаты исполнителю предоставляется право оформить в собственность на свое имя земельный участок (Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2024 № 88-2564/2024). В одном из резонансных дел, приведших в конечном итоге в уголовной ответственности в отношении адвоката, размер гонорара успеха составлял \$750 000 [\[20\]](#).

Видя огромные размеры гонораров успеха, непременно возникает вопрос – а должны ли быть в законодательстве предусмотрены какие-либо механизмы по ограничению таких размеров или необходимо строго придерживаться принципа свободы договора и всегда строго принимать во внимание лишь размер гонорара успеха, установленный в соглашении сторон?

Как известно, одним из оснований ограничения свободы договора считается защита интересов слабой стороны [\[9, с. 84-85\]](#). В литературе отмечается, что одним из признаков юридической слабости стороны договора является недостаточность ресурсов профессионализма, под которыми следует понимать совокупность узконаправленных знаний и опыта в определённой предметной сфере [\[21, с. 53\]](#). С точки зрения данного признака в отношениях по оказанию юридических услуг, безусловно, слабой стороной является заказчик. Разумно предположить, что в подавляющем большинстве случаев исполнитель в отличие от заказчика обладает необходимыми профессиональными юридическими знаниями (в том числе и вопросах оформления договорных отношений, использования различных моделей оплаты).

Учитывая юридическую слабость заказчика, вполне высокая вероятность того, установление гонораров успеха в явно неразумных размерах являлось следствием такого его положения. В зарубежной литературе справедливо отмечается некоторая склонность исполнителя использовать юридическую слабость заказчика. Так, считается, что исполнитель может искусственно увеличить свою долю вознаграждения, преувеличивая процессуальный риск и обесценивая реальные шансы на успех [\[22\]](#). Любая попытка заказчика торговаться легко пресекается намеренно вводящим в заблуждение утверждением о том, что плата гонорара успеха является стандартной на всем рынке юридических услуг [\[23, с. 291\]](#).

То есть, в случае установления такого размера гонорара успеха, на который бы разумный участник оборота никогда не согласился, такое основание как защита слабой стороны и является основанием по ограничению размера гонорара успеха. Но каким образом следует защитить слабую сторону от выплаты гонорара успеха в явно чрезмерном размере? Какой способ решения проблемы количественных пределов гонорара успеха наиболее эффективен? Данный вопрос и будет рассмотрен нами далее в контексте анализа зарубежного опыта.

Установление конкретных количественных ограничений гонорара успеха

Для некоторых правопорядков проблема выплат гонорара успеха в явно неразумных размерах разрешена путем установления конкретных количественных пределов гонорара

успеха. Как правило, речь идет о том, чтобы гонорар успеха не превышал определённый процент от суммы удовлетворенных требований.

Так, например, согласно ст. 2 Закона ЮАР «О гонораре успеха» общая сумма гонорара успеха не должна превышать 25% от общей суммы, присужденной заказчику (Contingency Fees Act 1997 66 of 1997). В соответствии со ст. 17 Закона «Об адвокатуре» Словении гонорар успеха не может составлять более 15% от суммы, которую суд присудит клиенту (Zakon o odvetništvu (ZOdV)). Согласно ст. 10 Кодекса этики адвокатов Чехии гонорар успеха, определяемый в виде доли от взысканных средств, не может считаться разумным, если он составляет более 25% (Etický kodex advokáta).

Возникает закономерный вопрос — необходимо ли российскому законодателю перенять опыт ряда зарубежных государств и также на законодательном уровне ввести конкретные количественные ограничения применения гонорара успеха в виде процента от суммы удовлетворенных требований?

В российской доктрине ряд авторов высказываются за введение подобных конкретных пределов. Так, например, А.А. Васильева считает, что необходимо в законе определить стоимостные пределы гонорара успеха [\[24\]](#). Иногда количественные пределы гонорара успеха предлагается установить в виде максимального процента от суммы иска, а не от размера удовлетворенных требований. Так, например, Ю. И. Шевцова считает, что необходимо установить правило о том, что гонорар успеха не должен превышать 25-30% от суммы иска [\[25, с. 224\]](#).

В литературе совершенно справедливо отмечается положительное значение принятия подобных ограничений. Так, ряд авторов указывают, что такие ограничения вносят немалый вклад в снижение риска чрезмерного преимущества исполнителя перед заказчиком [\[26; 27, с. 153-159\]](#). Вместе с тем видится, что закрепление конкретных количественных пределов имеет ряд существенных недостатков, которые никак нельзя игнорировать. Такого рода недостатки влекут необходимость отказаться от подобной идеи. Проанализируем их.

Во-первых, справедливо отмечается, что из-за введения конкретных пределов повышается риск того, что заказчик не найдет исполнителя для ведения судебного процесса [\[28, с. 677\]](#). Дела с особенно низкой стоимостью теряют привлекательность для исполнителя из-за ограниченного размера гонорара успеха [\[29, с. 154\]](#).

Действительно, если установить конкретный небольшой предел размера гонорара успеха, то исполнители могут быть не заинтересованы заключать договоры, содержащие условия о гонораре успеха (особенно, если дело связано с небольшим размером требований). Для заказчиков с ограниченными финансовыми ресурсами такая незаинтересованность может стать непреодолимой преградой на пути доступа к юридической помощи. То есть, введение конкретных количественных пределов гонорара успеха может вступать в противоречие с его важнейшей функцией по обеспечению доступа к юридической помощи.

Во-вторых, один из главных упоминаемых в литературе недостатков введения конкретных количественных пределов гонорара успеха состоит в том, что такие ограничения представляют собой явно негибкий механизм регулирования, который не учитывает разнообразие и сложность юридической практики, индивидуальные особенности конкретных дел [\[29, с. 154\]](#). Ограничения не оставляют места для

индивидуальных различий в компонентах вознаграждения [\[30\]](#).

Действительно, установить некий единый объективный количественный предел гонорара успеха — очень сложная задача. Для одних дел определённая сумма гонорара успеха может расцениваться как явно завышенная и неразумная, а для других как вполне обоснованная. Так, например, 10 процентов от суммы требований в 100 000 000 рублей и 10 процентов от суммы 100 000 рублей — это совершенно различные суммы. Получение исполнителем 10 000 000 рублей в виде гонорара успеха может вызывать возражение о чрезмерности данной суммы. Тогда как получение 10 000 рублей может, наоборот, вызывать определенное недоумение относительно малого размера такого гонорара успеха.

10, 15, 20, 30 процентов от суммы взыскания (или от суммы иска) — каким должен быть количественный предел гонорара успеха? Разумность размера гонорара успеха зависит от многих индивидуальных факторов (суммы требований, объема затрачиваемых исполнителем усилий, степени риска и др.), учесть все из которых при установлении единого количественного предела явно невозможно.

Некоторые авторы, верно понимая невозможность установления единого количественного предела гонорара успеха, предлагают введение более сложных систем.

Так, в частности, предлагается закрепить обратную пропорциональность между пределом гонорара успеха и суммой удовлетворенных требований. Так, отмечается, что допустимая процентная ставка гонорара успеха должна уменьшаться по мере увеличения размера возмещения (т.е. должна применяться убывающая школа) [\[31, с. 594\]](#). Но введение такой школы тоже не учитывает все многообразие практических случаев и факторов, т.е. является негибким. Как объективно определить, при превышении какой суммы удовлетворенных требований максимальный процент гонорара успеха должен уменьшаться?

Ряд исследователей также предлагают установить зависимость между количественным пределом гонорара успеха и стадией процесса, которая привела к получению заказчиком от процессуального оппонента денежных средств. Так, отмечается, что процентная ставка должна увеличиваться по мере продвижения судебного разбирательства от этапа к этапу (т.е. должна применяться возрастающая школа). Например, предлагается следующая система. Применимый процент гонорара успеха может составлять 25%, если удовлетворение требований происходит добровольно до подачи иска, 40%, если в результате рассмотрения дела судом первой инстанции, или 50%, если в результате рассмотрения дела апелляцией [\[31, с. 595\]](#).

Безусловно, несомненным преимуществом такой шкалы является ее большее соответствие затрачиваемым усилиям исполнителя. Чем более на поздней стадии процесса достигнут нужный результат, тем, как правило, исполнитель затратил больше усилий. Но и она страдает тем же недостатком — где тот объективный критерий, который позволит установить конкретный предел размера гонорара успеха на каждой стадии процесса. Данная шкала, учитывая в определённой степени уровень усилий исполнителя, не принимает во внимание другие важные факторы, индивидуальные для каждого дела.

Таким образом, установление конкретных количественных ограничений гонорара успеха (одного ограничения либо определенной шкалы) в любом случае не позволяет учесть все многообразие практических ситуаций, принять во внимание различного рода

обстоятельства, оказывающие влияние на оценку разумности гонорара успеха. Такое установление в любом случае будет являться негибким.

В-третьих, в литературе отмечается, что введение конкретных обязательных количественных пределов применения гонорара успеха может привести к тому, что эти же максимальные пределы могут стать новым стандартом на рынке юридических услуг [\[27, с. 155\]](#). В такой аргументе есть немалый рациональный элемент. Введение любых количественных ограничений нередко подталкивает сторону, против которой они установлены, «использовать» такие ограничения по максимуму (т.е., устанавливать цены на верхнем пределе).

И в-четвертых, при введении предлагаемых ограничений не учитывается, что гонорар успеха может устанавливаться не только в виде определенного процента от размера требований, но и иными способами (например, в твердом виде). Соответственно, исполнители юридических услуг для обхода возможных ограничений просто могут согласовывать гонорары успеха в неограниченном размере в твердом виде.

Конечно, на это можно возразить тем, что на законодательном уровне следует закрепить и предельные размеры гонораров успеха в твердом виде. Вместе с тем такое возможное установление является еще более негибким механизмом регулирования, чем установление предельных процентов гонораров успеха. Каким должен быть максимальный предел гонорара успеха в твердом виде – 100 000, 500 000, 1 000 000 рублей? На это слишком сильно влияют особенности конкретных дел, особенности региона, суммы требований и множество иных индивидуальных факторов.

Таким образом, представляется невозможным перенять опыт ряда зарубежных государств по установлению конкретных пределов гонорара успеха в виде определённого допустимого процента от размера удовлетворенных требований. Преследуя цель защиты интересов слабой стороны, их закрепление имеет ряд существенных недостатков.

Следует отметить, что в некоторых правопорядках установлены количественные ограничения гонорара успеха в виде максимально допустимого его процента от суммы обычного гонорара успеха (т.е. гонорара, не зависящего от результата). В случае таких ограничений речь идет о том, что при применении гонорара успеха на дополнительной основе он не может быть выше определенного процента от основного вознаграждения.

Так, например, в Англии ст. 3 Порядка заключения соглашений о гонораре успеха, установленного распоряжением лорда-канцлера, закрепляет, что сумма гонорара успеха не должна превышать 100% от обычного вознаграждения (ст.3) (The Conditional Fee Agreements Order 2013). В Австралии в штате Новый Южный Уэльс Унифицированный закон о юридической профессии устанавливает, что выплата дополнительного гонорара адвокату в случае достижения положительного результата не должна превышать 25% от закрепленной соглашением суммы обычного гонорара (ст. 182) (Legal profession uniform law).

Ряд отечественных исследователей, анализируя данный зарубежный опыт, предлагают и в российском праве закрепить подобное ограничение [\[25, с. 224\]](#). Однако видится, что его не следует внедрять в российскую правовую сферу. Потенциальное установление такого ограничения приведет к тому, что оно будет обходиться различными способами. Так, например, стороны для установления более высокого размера гонорара успеха могут специально в соглашении закреплять более высокий размер основного вознаграждения,

которое в действительности не будет выплачиваться в установленном полном объеме.

Кроме того, само такое возможное ограничение никак не решает проблему выплат гонораров успеха в явно завышенных размерах. Если размер основного вознаграждения высок, то и размер гонорара успеха может быть чрезмерно велик. То есть, совсем не ясно, какую возможную проблему снимет установление подобного ограничения гонорара успеха.

Таким образом, установив нецелесообразность введения конкретных количественных пределов гонорара успеха, сама проблема остается открытой. Проанализируем иные возможные методы ее решения.

Обязанность не получать неразумные гонорары

Самым «мягким» методом борьбы с чрезмерными размерами гонораров успеха является простое закрепление обязанности исполнителя не получать такие гонорары. Часто такая обязанность обсуждается в отношении адвокатов. Так, в литературе применительно к любой модели оплаты юридических услуг отмечается, что вознаграждение адвоката должно быть разумным [\[32, с. 655\]](#). У адвоката существует фидуциарная обязанность, связанная с размером получаемого вознаграждения – адвокат может нарушить ее, если попытается взять необоснованный гонорар [\[33, с. 779; 34, с. 145\]](#).

Следует отметить, что во многих зарубежных государствах на законодательном либо корпоративном уровне установлены положения о том, что размер вознаграждения адвоката должен быть разумным. Приведем ряд примеров.

Так, согласно ст. 36 Закона «Об адвокатуре» Болгарии вознаграждение определяется в договоре между адвокатом и клиентом, его сумма должна быть справедливой и обоснованной. Согласно ст. 10 Кодекса этики адвокатов Чехии вознаграждение адвоката должно быть разумным; оно не должно быть явно несоразмерно ценности и сложности вопроса (Etický kodex advokáta). Кодекс этики адвокатов Польши устанавливает, что в финансовых вопросах адвокат обязан проявлять особую щепетильность по отношению к доверителю (ст.50) (Zbiór Zasad Etyki Adwokackiej i Godności Zawodu (Kodeks Etyki Adwokackiej)). В соответствии со ст. 14 Швейцарского кодекса профессионального поведения адвокатов размер вознаграждения не должен быть чрезмерным (Swiss Code of Professional Conduct (SCPC)).

Что касается отечественной практики, то ни в российском законодательстве, ни в корпоративных актах адвокатуры прямо положение о том, что вознаграждение адвоката должно быть разумным, не закреплено. Возможно, следует непосредственно установить такое положение, и проблема выплат гонораров успеха в явно завышенных размерах решится. Видится, что само по себе лишь одно закрепление подобной обязанности не решит поставленную проблему.

Соблюдение положения о получении вознаграждения в разумном размере во многом будет обеспечиваться возможностью привлечения адвоката за ее несоблюдение к дисциплинарной ответственности. Вместе с тем даже возможное привлечение адвоката к такой ответственности не приведет к снижению уже согласованного в договоре размера гонорара успеха. Если преимущество от получения явно большего и чрезмерного гонорара успеха будет заметно перевешивать риск привлечения к дисциплинарной ответственности, то адвокаты и не будут стремиться соблюдать соответствующее правило.

Иногда в зарубежной литературе считается, что обязанность по неполучению неразумных гонораров во многом обеспечивается высоким профессиональным самосознанием адвоката. Так, отмечается, что адвокаты, работающие по гонорару успеха, часто связывают свою работу с достижением социальной справедливости и помощью менее обеспеченным, что снижает их склонность к манипуляциям ради личной выгоды только из-за экономических стимулов [\[35\]](#).

Вместе с тем уповать лишь на профессиональное самосознание юриста как сдерживающий фактор по установлению чрезмерных гонораров успеха явно недостаточно. Зная, что суды в конкретном споре ничего не смогут сделать с чрезмерным размером гонорара успеха, далеко не все адвокаты будут придерживаться соответствующей обязанности. Кроме того, нельзя впадать в иллюзии – далеко не все адвокаты обладают таким высоким правосознанием, которое не позволит им устанавливать гонорары в чрезмерном размере.

Таким образом, закрепление лишь положения о том, что вознаграждение адвоката должно быть разумным, явно недостаточно для того, чтобы решить проблему получения гонорара успеха в явно неразумном размере.

Право суда снижать размер гонорара успеха

Третий возможный механизм реагирования на выплату гонорара успеха в явно завышенном размере – это судебный контроль, связанный с правом судов снижать согласованный в договоре размер гонорара успеха. Такой способ представляется наиболее эффективным, так как именно суды при определении того, является ли сумма гонорара успеха необоснованно большой и чрезмерной, имеют возможности учесть все индивидуальные обстоятельства конкретного дела.

Вопрос о судебной дискреции в отношении размера гонорара успеха поднимается активно в зарубежной литературе. Так, принято выделять три возможных вида судебного контроля в отношении количественных пределов гонорара успеха.

Первый вид – это факультативный контроль. Он предполагает, что суд рассматривает вопрос о разумности гонорара успеха только по просьбе одной из сторон [\[27, с.180\]](#). Второй вид – это промежуточный контроль, связанный с правом судов в некоторых случаях снижать размеры гонорара успеха без какого-либо заявления стороны [\[36\]](#). В США, например, это разрешено, когда лицо, которому оказывается юридическая помощь, является несовершеннолетним или не полностью дееспособным [\[37\]](#). И, наконец, третий вариант заключается в том, чтобы возложить на суд первоначальное определение разумного размера гонорара успеха. В США, например, такой подход регулярно применяется для определения размера гонорара успеха в случае коллективных (групповых) исков [\[38, с. 187\]](#).

Видится, что последние два варианта влекут слишком большое вмешательство в сферу договорной свободы, в сферу частной автономии. Они придают излишнее значение судебному усмотрению.

Представляется, что только заявление одной из сторон может быть основанием для рассмотрения судом вопроса о разумности гонорара успеха. Как верно отмечает G. Woodroffe, необходимо учитывать, что иногда заказчики хотят возбудить дело из принципа [\[19, с. 357\]](#). В таких случаях заказчики могут вполне быть готовы платить большие и явно нерациональные для среднего участника оборота гонорары успеха. И

если в таких случаях допустить право суда на изменение размера гонорара успеха по своей инициативе, то соответствующее решение суда будет прямо противоречит проявлению частной воли слабой стороны договора.

Также видится, что простое превышение суммы гонорара успеха над его неким средним рыночным размером не должно приводить суды к выводу о необходимости снижения его размера. Только в исключительных случаях (случаях, когда видится, что любой разумный участник оборота никогда бы не согласился на определённый размер гонорара успеха) у судов должно быть право на снижение размера гонорара успеха. В противном случае суды станут органами по определению эквивалентности гонорара успеха оказанным услугам. Целью же судебной дискреции в отношении размеров гонораров успеха должна быть не переоценка установленного в соглашении размера гонорара успеха на основании соображения об определённой небольшой его неэквивалентности, а защита слабой стороны от явно неразумного и несправедливого условия.

Но на что же должен опираться суд, чтобы сделать вывод о том, что установленный в договоре размер гонорара успеха явно неразумен? Какие факторы он должен учесть при определении того, на сколько должен быть снижен размер гонорара успеха?

На явно неразумные размеры гонорара успеха главным образом указывает его соотношение с величиной удовлетворенных требований. Например, если гонорар успеха равен 200 % от суммы требований, то справедливо утверждать, что разумный участник оборота на такой размер не согласился бы (он просто больше потратит на оплату юридических услуг, чем получит благодаря положительному решению суда).

Кроме того, представляется, что суд должен принимать во внимание степень риска недостижения нужного результата. В зарубежной доктрине справедливо отмечается, что повышенный размер гонорара успеха должен коррелировать с вероятностью проигрыша [\[37\]](#). Так, например, если юридическая услуга связана с заявлением требований, которые российскими судами почти никогда не удовлетворяются, то большой размер гонорара успеха вполне оправдан. Или, например, риск проигрыша большой, если услуга связана с представительством по делу, по которому истец не имеет всей нужной доказательственной базы.

Кроме этих двух факторов, можно предложить судам в качестве ориентиров при решении вопроса о снижении размера гонорара успеха учитывать все те факторы, которые указаны в п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Реализация предлагаемого подхода о праве суда снижать размер гонорара успеха требует прямого закрепления данного права на законодательном уровне, так как речь идет об ограничении принципа свободы договора. На уровне Постановления Пленума ВС РФ необходимо разъяснить, что данное право может быть реализовано в исключительных случаях – случаях, когда очевидно, что любой разумный участник оборота не согласился бы на установленный в договоре размер гонорара успеха. При определении уровня снижения размера гонорара успеха необходимо учитывать величину удовлетворенных требований, существовавшую степень риска недостижения результата, а также объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию исполнителя, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства.

Заключение

Проблема количественных пределов гонорара успеха имеет определенную историю, богатый зарубежный опыт и сохраняет актуальное значение в настоящее время. Защита интересов слабой стороны (заказчика), необходимость развития института гонорара успеха влекут необходимость глубокого цивилистического анализа способов решения проблемы выплат гонорара успеха в явно необоснованном размере.

Учитывая зарубежный опыт, правоприменительную практику и доктрину, можно выделить 3 возможных механизма реагирования правопорядка на проблему выплат гонорара успеха в явно неразумном и завышенном размере:

- 1) Установление конкретных количественных пределов гонорара успеха;
- 2) Закрепление обязанности исполнителя согласовать и получать лишь разумные гонорары;
- 3) Закрепление за судом права в исключительных случаях снижать согласованный в договоре размер гонорара успеха.

Первый способ представляется излишним вторжением в свободу договора, он не позволяет учитывать все многообразие практических ситуаций, в ряде случаев может создавать барьер на пути доступа к юридической помощи, т.е. является чрезмерно «жестким» и негибким.

Второй способ, наоборот, чрезмерно «мягкий». Он во многом подкрепляется лишь надеждой на правосознание исполнителя юридической услуги, на добровольное соблюдение установленного правила, что в реальности может наблюдаться далеко не всегда.

Третий способ видится нам наиболее правильным и оптимальным. Именно суды в рамках конкретных дел, учитывая все многообразие индивидуальных обстоятельств, смогут наиболее гибко реагировать на явно неразумный и необоснованный размер гонорара успеха.

Для реализации такого способа на практике необходимо в законодательстве РФ предусмотреть положение о праве судов в исключительных случаях по заявлению заказчика снижать размер гонорара успеха. Представляется, что реализация такого положения внесет определённый вклад в развитие института гонорара успеха как важнейшего частноправового механизма обеспечения доступности юридической помощи.

Библиография

1. Васьковский Е. В. Организация адвокатуры. Часть II. Исследование принципов организации адвокатуры. Санкт-Петербург: типография М. М. Стасюлевича, 1893. 213 с.
2. Скопцова А. Е. Вознаграждение адвоката в процессе развития адвокатуры в России: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 313 с. EDN: QEUXJR.
3. Токмаков И. С. Соглашение об оказании юридической помощи: теория и практика адвокатской деятельности: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2013. 240 с. EDN: SUQZAZ.
4. Алексеева Ю. С. Гонорар успеха адвоката: проблемы правоприменения // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 2. С. 44-49. DOI: 10.26163/GIEF.2021.95.50.006 EDN: GHMVXJ.
5. Васьковский Е. В. Организация адвокатуры. Часть I. Очерк всеобщей истории адвокатуры. Санкт-Петербург: типография П. П. Сойкина, 1893. 396 с.

6. Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуре: Обзор деятельности С.-Петерб. совета присяжных поверенных за 1866-74 г. Санкт-Петербург: тип. В. Демакова, 1875. 294 с.
7. Скопцова А. Е. К вопросу об истории становления адвокатского гонорара // Адвокатская практика. 2009. № 3. С. 42-46. EDN: KYGZEF.
8. Марков А. Н. Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. Москва: Тип. О. Л. Сомовой, 1913. 429 с.
9. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2020. 1469 с. EDN: EPDMKK.
10. Латыпов Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дис. ... доктора юридических наук. Ульяновск, 2022. 482 с. EDN: GFCYUI.
11. Князев Д. В. Оплата юридических услуг в гражданском процессе США: гонорар успеха, американское правило и их влияние на судебную нагрузку // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 3. С. 693-711. DOI: 10.21638/spbu14.2021.313 EDN: WDLGGL.
12. Зайцев В. В. Гонорар успеха: нормативное регулирование, особенности оформления соглашений, риски, судебная практика // Адвокатская практика. 2023. № 3. С. 35-39. DOI: 10.18572/1999-4826-2023-2-35-39 EDN: SIFAHN.
13. Вифлянцева А. О. Гонорар успеха как способ защиты частных и публичных интересов в делах об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 212-230. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-5-212-230 EDN: GODGZF.
14. Webb D. Killing Time: A Limited Defence of Time-Cost Billing // Legal Ethics. 2010. Vol. 13 (1). С. 39-64.
15. Zamir E., Ritov I. Notions of Fairness and Contingent Fees // Law & Contemporary Problems. 2011. Vol. 74, № 1. P. 1-32.
16. Schneyder T. Legal-Process Constraints on the Regulation of Lawyers Contingent Fee Contracts // DePaul Law Review. 1998. Vol. 47.
17. Богомолов М. В. О некоторых вопросах реализации института условного вознаграждения в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 4. С. 22-27. EDN: VTQEZT.
18. Wennihan A. Comment, Let's Put the Contingency Back in the Contingency Fee // SMU Law Review. 2006. Vol. 49. Issue 5. P. 1639-1675.
19. Woodroffe G. Loser Pays and Conditional Fees: An English Solution? // Washburn Law Journal. 1998. Vol. 37 (2). P. 345-357.
20. Берсенева Т. Обещавшая за \$750 000 условный срок адвокат не смогла доказать, что выполнила поручение // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2013. № 2. С. 180-183. EDN: QCOROL.
21. Гуляева О. Н. Слабая сторона частноправовых отношений: цивилистическое исследование: дис. ... кандидата юридических наук. Ульяновск, 2023. 207 с.
22. Basedow J. et al. Mehr Wettbewerb auch im Dienstleistungssektor! // Hauptgutachten der Monopolkommission XVI 2004/2005. Nomos, 2006. 489 p.
23. Brickman L. ABA Regulation of Contingency Fees: Money Talks, Ethics Walks // Fordham Law Review. 1996. Vol. 65. Issue 1. P. 247-335.
24. Васильева А. А. Гонорар успеха в договоре возмездного оказания юридических услуг // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 56-63.
25. Шевцова Ю. И. Публично-правовое регулирование гонорара успеха адвоката в

России и США: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2024. 280 с.

26. Moorhead R. Improving Access to Justice contingency fees: a study of their operation in the United States // Available at SSRN 1302843. 2008.

27. Richter L. Die Gestaltungsmöglichkeiten des anwaltlichen Erfolgshonorars: dissertation zur Erlangung der Doktorwürde durch den Promotionsausschuss doctor iuris der Universität Bremen. 2023. 233 p.

28. Baetge D. Erfolgshonorare wirtschaftlich betrachtet: Eine ökonomische Analyse der Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts über die Zulässigkeit anwaltlicher Erfolgshonorare // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht / The Rabel Journal of Comparative and International Private Law. 2009. № H. 4. P. 669-682.

29. Schepke J. Das Erfolgshonorar des Rechtsanwalts, 1998, zugl. Hamburg, Univ., Diss. 1997. 213 p.

30. Helland E., Klerman D., Dowling B., & Kappner A. Contingent Fee Litigation in New York City // Vand. L. Rev. 2017. T. 70.

31. Clermont K. M., Currivan J. D. Improving on the contingent fee // Cornell L. Rev. 1977. T. 63. P. 527-639.

32. Brickman L. Effective Hourly Rates of Contingency Fee Lawyers: Competing Data and Non Competitive Fees // Washington University Law Quarterly. 2003. Vol. 81. № 3. P. 654-736.

33. Shajnfeld A. A Critical Survey of the Law, Ethics, and Economics of Attorney Contingent Fee Arrangements // New York Law School Law Review. 2009–2010. Vol. 54. P. 773-809.

34. Кучерена А. Г. Настольная книга адвоката. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 1004 с.

35. Calandrillo S. P., Deliganis C. V., Brocato N. Contingency Fee Conflicts: Attorneys Opt for Quick-Kill Settlements When Their Clients Would Be Better Off Going to Trial // NYUJ Legis. & Pub. Pol'y. 2023. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/faculty-articles/1109>.

36. Jackson R. M. Review of civil litigation costs // The Stationery Office, 2010. № 2.

37. Kritzer H. M. Fee regimes and the cost of civil justice // Civil Justice Quarterly. 2009. № 28. P. 9-25.

38. Lynk W. J. The Courts and the Plaintiffs' Bar: Awarding the Attorney's Fee in Class-Action Litigation // The Journal of Legal Studies. 1994. № 23. № 1. P. 185-209.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Правовое регулирование ограничений размера гонорара успеха как способа определения стоимости юридических услуг» предметом исследования является юридическая категория «гонорар успеха» и ее правовое регулирование.

Методология исследования. Данное исследование предполагает применение современных методов, таких как: сравнительное правоведение, теоретико-юридический, формально-логический и др.

Актуальность исследования. Российская адвокатура давно поддерживала идею легитимизировать соглашения о «гонораре успеха». Как правильно отмечает автор статьи, «...с 1 марта 2020 г. принципиальная возможность использования гонорара успеха была закреплена в п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (далее –

ФЗ № 63). Но такое законодательное решение не привело к тому, что все проблемные вопросы, связанные с применением гонорара успеха, были устранены». Указанные обстоятельства обуславливают актуальность темы исследования.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье сформулированы положения, которые указывают на новизну и важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость, например: «Реализация предлагаемого подхода о праве суда снижать размер гонорара успеха требует прямого закрепления данного права на законодательном уровне, так как речь идет об ограничении принципа свободы договора. На уровне Постановления Пленума ВС РФ необходимо разъяснить, что данное право может быть реализовано в исключительных случаях – случаях, когда очевидно, что любой разумный участник оборота не согласился бы на установленный в договоре размер гонорара успеха». В статье содержатся и другие положения, отличающиеся научной новизной и заслуживающие внимания юридического сообщества.

Стиль, структура, содержание. На взгляд рецензента, название статьи нуждается в корректировке, в таком виде оно слишком длинное, сложное для восприятия. Нельзя не признать, при написании статьи использован научный стиль с применением специальной терминологии, в том числе, и юридической. Соблюдены требования к объему материала. Автором предпринята попытка структурировать статью. В содержании статьи присутствуют разделы (введение, основная часть и заключение). Однако следует отметить, что во введении недостаточно полно обоснована актуальность темы статьи, а также не соблюдены другие требования к структуре этой части научной статьи (не определена методология, цель и результаты исследования). В основной части автору удалось продемонстрировать знание обсуждаемой проблематики, в частности, судебной практики, зарубежного опыта и работ ученых, ранее исследовавших вопросы, связанные с применением гонорара успеха при оказании юридических услуг. Материал изложен последовательно и ясно. В заключительной части автор кратко сформулировал выводы, которые отражают его позицию по заявленной тематике. В качестве замечания хотелось бы указать на обязательность единообразия написания буквы «ё» в словах («удовлетворенных», «определённый» и т.д.). Замечания незначительные и не умаляют проделанной автором работы.

Библиография. Для научной статьи автором использовано чрезмерное количество доктринальных источников. Представляется, что следовало бы в списке библиографии указать наиболее значимые публикации.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики есть обращения к оппонентам. Все обращения к оппонентам корректные.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Правовое регулирование ограничений размера гонорара успеха как способа определения стоимости юридических услуг» рекомендована к опубликованию. Тема исследования является актуальной, статья отличается научной новизной. Замечания к статье незначительные, носят технический характер. Статья по этой теме могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области адвокатуры, гражданского права, а также, могла бы быть полезна для обучающихся и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Сулейманов А.А. История развития риска в цивилистическом процессе (от древней Руси до советского периода) // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77014 EDN: TGJOTO
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77014

История развития риска в цивилистическом процессе (от древней Руси до советского периода)

Сулейманов Амир Азатович

ORCID: 0009-0000-6851-0531

аспирант кафедры гражданского права и процесса института права ФГБОУ ВО "Челябинский государственный университет"
Ведущий юрисконсульт отдела правового обеспечения хозяйственной деятельности управления правового обеспечения аппарата управления филиала ПАО "Россети Урал" - "Челябэнерго"

454091, Россия, Челябинская обл., г. Челябинск, Советский р-н, пл. Революции, д. 5



✉ amir.suleymanov@mail.ru

[Статья из рубрики "История государства и права"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77014

EDN:

TGJOTO

Дата направления статьи в редакцию:

29-11-2025

Аннотация: В настоящее время процессуалисты проявляют растущий интерес к сложным и многогранным понятиям, одной из которых является категория «риска». Однако отсутствие должного внимания к ее историческому развитию не позволяет дать полноценную оценку названной категории. Данное обстоятельство влияет на выбор предмета и метода исследования. Предметом настоящей статьи является выявление сущности категории «риска» в цивилистическом процессе, а также анализ ее отражения и применения в истории законодательства России с принципом диспозитивности. В целях раскрытия предмета исследования автор обращается к суждениям античных философов, согласно которым подход к риску может выражаться как субъективным (осознание будущих последствий и возможность влиять на обстоятельства до их наступления), так и объективным (наступление последствий вне зависимости от воли лица). Методом исследования выступает комплексный историко-правовой анализ, охватывающий период законодательных положений от Русской Правды до норм советских кодексов. Ценность

настоящего исследования заключается в уточнении соотношения изучаемой категории с принципом диспозитивности. Важность закрепления указанного вывода необходима в целях объяснения причин применения изучаемой категории судами при перенесении риска на одну из сторон. Следовательно, значимость подтверждения указанного вывода направлена на изучение возникновения факторов риска и предполагаемых негативных последствий от названной категории в истории судопроизводства. В ходе исследования автор делает вывод, что процесс совершенствования законодательства способствовал смещению основного акцента подхода к риску с объективного к субъективному. Это выражается в том, что во время древнерусского законодательства примитивные средства доказывания влияли на наступление соответствующего результата. Однако дальнейшие законодательные статуты отражали воздействие субъективного подхода на риск. Субъективный подход отражается в нормах, посвященных заключению мирового соглашения, недобросовестному поведению стороны при подаче иска или в ходе осуществления судом производства по делу, судебному извещению и в других. Определяя, что субъективный риск мог существовать как при следственном, так и состязательном судопроизводстве, автор подтверждает вывод о том, что категория «риска» связана с принципом диспозитивности, в соответствии с которым лицо влияло на наступление желаемого результата.

Ключевые слова:

процессуальный риск, история риска, субъективный риск, объективный риск, древнерусское законодательство, законодательство средних веков, Устав гражданского судопроизводства, советское законодательство, правоприменение риска, принцип диспозитивности

Введение

При характеристике процессуального риска Н. С. Звягина, придерживающаяся мнения о том, что изучаемая категория неразрывно связана с такими принципами как состязательность и диспозитивность, отмечает, что указанное понятие имело место в дореволюционном и советском гражданском процессе [\[1, с. 26\]](#). Более точно рассматриваемый вопрос нашел отражение в работе И. В. Решетниковой. По мнению профессора: «в состязательном процессе, где стороны наделены широкими полномочиями по защите своих прав, риск наступления последствий их действий (бездействий) становится реальным. Поэтому после судебной реформы 1864 г. активность сторон повышалась параллельно с развитием состязательности» [\[2, с. 95\]](#). Иными словами, согласно мнению профессора, риск выражается в активности сторон, существование которой возможно при наличии состязательного типа судопроизводства.

Иную точку зрения о связанности риска и принципов судопроизводства можно обнаружить в труде В. В. Яркова. С его точки зрения, положение о неотвратимости правовых последствий при наступлении юридического факта применительно к сфере гражданского процесса должно пониматься с учетом принципа диспозитивности [\[3, с. 37\]](#). Мы разделяем позицию ученого, поэтому считаем, что современное закрепление положения о риске содержит краткое описание названного принципа [\[4, с. 11\]](#).

Как следует из приведенных точек зрения, исследователи, придерживающиеся позиции равенства риска и состязательности, считают, что рассматриваемое понятие в истории

цивилистического процесса образовалось с момента принятия Устава гражданского судопроизводства 1864 г. (далее – Устав), поскольку активность сторон начала развиваться. Однако мы считаем, что категория риска сопутствует действиям участников судопроизводства с начала реализации судебной функции в российском государстве независимо от типа судопроизводства. Поэтому, по нашему мнению, история развития категории «риска» в цивилистическом процессе требует дополнительного исследования.

Прежде чем непосредственно перейти к изучению поднимаемого вопроса, мы кратко отметим два обстоятельства, оказывающих влияние на настоящее исследование: (А) используемые термины «риск», «процессуальный риск» и «риск в цивилистическом процессе» являются синонимами ввиду единой области изучения [\[5\]](#); (Б) период изучения рассматриваемой категории сужен от законов древней Руси до советского законодательства из-за большого объема правовых источников. В силу названной причины автор оставляет без внимания статуты, действовавшие в соответствующих областях древней Руси: Двинская уставная грамота 1397 г., Псковская судная грамота 1462 г., Новгородская грамота, Московская губная запись 1486 г., Уставная Белозерская грамота 1488 г.

Прежде всего, необходимо представить объективное восприятие к изучаемой категории. Поэтому мы считаем верным обратиться к смыслу «риска», придаваемому в древности. Ведь неверно будет считать, что названная категория является исключительно современным понятием.

Первые рассуждения о рассматриваемом понятии встречаются в трудах античных мыслителей. Например, Аристотель подчеркивал, что всякий в известном отношении является *виновником собственного характера* (здесь и далее курсив наш – А. С.). Человек становится справедливым, совершая справедливые дела, умеренным – поступая умеренно, мужественным – действуя в опасных положениях и привыкая испытывать страх. Трусами же становятся, привыкнув трусить [\[6, с. 155\]](#). Из приведенного мнения следует, что характер человека формируется посредством преодоления тех опасных препятствий, которые возникают на его жизненном пути. Опасность выражается в наступлении негативных (нежелательных) последствий для лица. Минимизация или устранение причин наступления таких опасностей проявляет личное участие человека в своей судьбе. Поэтому можно считать, что риск, с точки зрения Аристотеля, является субъективным восприятием касательно будущих негативных последствий «в момент» их наступления. Аналогичную точку зрения можно встретить в размышлениях Диогена Лаэртского. Он высказывал следующее: «кто лучше всего умеет устроиться против страха внешних обстоятельств, тот сделает для себя, что возможно, а чего нельзя, то, по крайней мере, не враждебным, а где и это невозможно, там держится в стороне и отдаляется настолько, насколько это выгодно» [\[7, с. 411\]](#). Обе представленные точки зрения указывают на возможность влияния лица на процесс (ход) наступления последствия. Минимизация или устранение факторов, влияющих на результат, способны изменить последствия для лица. Поэтому можно сделать вывод, что оба философа отмечали субъективный характер «в ходе» наступления правовых последствий (положительных или отрицательных) риска.

Другой точкой зрения о риске можно признать утверждение Эпикура. Согласно его мнению: «[утешение] (прим. наше – А. С.) должно врачевать несчастье благодарным воспоминанием о том, что погибает, и осознанием, что нельзя сделать несделанным то, что произошло» [\[8, с. 278\]](#). Представленное суждение порождает подход субъективного отношения лица относительно наступившего последствия, что является общим признаком

для всех приведенных мнений. Отличием данного мнения от двух предыдущих мы видим в том, что восприятие формирования негативного последствия не осознается лицом до его фактического наступления. Иными словами, существование исходного факта находится вне сознания личности. В связи с этим, риск, по мнению Эпикура, выражается в объективном проявлении наступающих последствий, независящих от непосредственных действий «потерпевшего». Аналогичное выражение можно встретить в римском праве, в соответствии с которым риск связан с событиями, которые не находятся под контролем людей, но связан с непреодолимой силой [\[9, с. 26\]](#).

Исходя из приведенных рассуждений, можно предварительно сделать вывод, что лицо может осознавать или не осознавать итоговый результат. Это означает, что представленные мнения философов отражают разные подходы относительно категории «риска», в связи с чем коротко их можно обозначить как: субъективное (проявление осознания «*во время*» наступающего последствия) и объективное (отсутствие осознания наступления последствий до их фактического проявления). Конечная цель действий лица является предполагаемым благом, к которому он стремится. Однако не все сопутствующие обстоятельства могут зависеть от его воли. По этой причине мы считаем обоснованным принять обе точки зрения изучаемой категории, высказываемые античными философами, при исследовании развития судопроизводства. Здесь дополнительно стоит отметить, что оба подхода отражают возможность лица минимизировать или устранить негативные последствия. Это означает, что категория риска в понимании античных философов предоставляет лицу возможность влиять на свое будущее, что является характерным для принципа диспозитивности.

Истоки процессуального риска в древнерусском праве

В исследованиях, посвященных истории судопроизводства, указывается, что во времена независимости славян гражданское правосудие было основано на совести, древних обычаях, суевериях и грубых заблуждениях [\[10 с. 276; 11, с. 6; 12, с. 5\]](#). Это дополнительно отражается в том, что разрешение спорных вопросов в древнерусский период нередко сопровождалось применением насилия. В судебном процессе насилие выражалось в средстве доказывания, носившее название «поле» [\[13, с. 42; 14, с. 99\]](#), которым разрешались большинство гражданских дел: земельные споры, споры об исполнении договорных обязательств и другие [\[15\]](#). При этом тяжущиеся могли состязаться в боях как самостоятельно, так и с помощью нанимаемых людей. Необходимость применения насилия в древние века характеризовалась отсутствием развитой системы доказательственной базы для подтверждения фактических обстоятельств по делу. Предполагалось, что обладающий правдой являлся правым по делу, в связи с этим, его победу (обоснованность утверждений) должны были обеспечить внешние силы [\[12, с. 3\]](#).

Согласно Русской Правде 1016 г. судебный процесс (в силу отсутствия различий – гражданский и уголовный) характеризовался как состязательный, который начинался с частного обвинения, стороны обладали равными правами, судопроизводство было гласным и устным [\[16\]](#). Общественная власть должна была только уравновесить силы состязующихся и орудие их борьбы [\[13, с. 40; 17, с. 8\]](#). Стороны были вправе обращаться к письменным и свидетельским показаниям при доказывании своей правоты. Вместе с тем, в соответствии с Русской Правдой другими инструментами-доказательствами своей бесспорной правоты было обращение к «Божьему суду»: испытанием водой или железом [\[13, с. 40\]](#). Испытание водой означало, что стороны при отсутствии иных доказательств

переплывали водоем: кто первый пересек его, тот и считался правым. Испытание железом характеризовалось в быстроте заживления раны после полученного ожога. Применение рассматриваемых испытаний зависело от суммы требований: кулачный бой – не менее двух гривен, испытание водой – свыше двух гривен, а испытание железом свыше полугривны [\[13, с. 41\]](#).

Применение испытаний в качестве доказательств возлагало на стороны риск в силу случайности наступления событий, поскольку тяжущиеся не могли с точной уверенности сказать, что они пройдут испытание по причинам: скорости течения реки и ее глубины, состояния иммунной системы, позволяющей быстро заживать раны, профессиональных качеств воина и других факторов.

В связи с этим, можно констатировать, что процессуальный риск тяжущихся был сопряжен с судопроизводством в Древней Руси и, в первую очередь, связан с бременем доказывания. Отдавая решение о правомерности требований (возражений) на откуп внешним силам, сторона рисковала проиграть дело в силу не доказанности фактов, хотя их требование было обоснованным в прошлом. В контексте указанного законодательного источника можно сделать вывод, что риск в древнерусском процессуальном праве проявлялся как в субъективном, так и в объективном смысле. Субъективный подход выражался в осознании опасности средств доказывания (прохождение испытаний полем, огнем, водой), отказ от которых влекло разрешение дела не в пользу такого лица; объективность факторов (природных условий, иммунитет человека), входящих в средства доказывания, оказывала воздействие на наступление последствий вне зависимости от их оценки стороной.

Сторона могла самостоятельно определять свое поведение, чем обуславливалось наличие диспозитивного начала.

Таким образом, древнерусское процессуальное законодательство содержало понимание процессуального риска, хотя непосредственно его не закрепляло. Представленный материал непосредственно не похож на действующее процессуальное законодательство, поэтому дополнительного комментирования в части возможности минимизации последствий не требует. Его демонстрация необходима исключительно для того, чтобы подтвердить возможность наступления негативных последствий из-за волеизъявления тяжущегося.

Развитие концепции риска в Судебниках XV-XVI вв.

При рассмотрении вопроса о появлении Судебника 1497 г. отмечается, что к концу XV века вопрос о кодификации стал актуальным, поскольку законодательство получило значительное развитие и накопился достаточный материал для кодификационной работы. Вместе с тем, Судебник 1550 г. представлял собой переработанную и дополненную версию Судебника 1497 г., созданную в соответствии с потребностями общества того времени. Учитывая, что названные законодательные акты относятся к одному периоду развития русского права [\[18, с. 5, 525\]](#), здесь нами будут проанализированы оба Судебника совместно. В Судебниках проявлялись такие особенности, как: судопроизводство приобрело классовый характер и вместо состязательного процесса преобладало начало сыска [\[19, с. 6, 8, 39\]](#). В качестве судебных доказательств признавались: письменные документы, показания свидетелей, крестное целование, поле (судебный поединок). Последнее, аналогично Русской Правде, предполагало предоставление достаточных обстоятельств устранить недостаток правомерности требований (возражений) [\[18, с. 520-521\]](#). В связи с этим разрешение спора между

сторонами зависело от умений воинов, выступавших в поединке, и погодных условий. Исходя из этого, мы можем заметить, что Судебники исключили испытания железом и водой в качестве доказательств правоты, поскольку в Средние века произошло осознание того, что будущее зависит не только от Бога [\[20, с. 14\]](#). Поэтому изъятые правила не позволили разрешать спор в зависимости от случайных событий, независящих от воли людей. В связи с этим риск неправильного разрешения спора, зависящий от внешних обстоятельств, был устранен лишь частично. Таким образом, объективный подход к оценке риска был частично устранен на данном этапе развития процессуального законодательства.

В обоих Судебниках была устранена противоречивость показаний свидетелей. Согласно введенным нормам (статья 51 Судебника 1497 г., статья 15 Судебника 1550 г.) если истец представил несколько свидетелей и один из них дал сходные с ним объяснение, а другой представил противоположные пояснения, то один из свидетелей был вправе требовать поединка [\[18, с. 525, 527\]](#). Из этого следует, что поединок мог быть организован не только между тяжущимися, но и между свидетелями. С одной стороны, законодатель пытался устранить противоречивость доказательств, с другой стороны, он поставил истину по делу в зависимость от исхода поединка не заинтересованных в исходе дела лиц. В связи с этим, разрешение дела между тяжущимися зависело также от исхода испытания полем, поскольку истинность свидетельских показаний определялось поединком свидетелей.

Из положений Судебников следует, что отечественный законодатель частично отклонялся от идеи влияния объективных факторов на риск тяжущихся (исключены испытания огнем и водой), но всецело его не устранил. Например, поединок сторон мог быть осложнен погодными условиями. Поэтому можно утверждать, что названные ранее философские подходы к категории «риск» всецело сохраняли отражение в Судебниках, закреплявших следственное судопроизводство. Из этого мы можем указать, что понятие «риск» также не было зафиксировано в нормативном акте, но его проявление зависело от самого лица (как стороны, так и свидетеля). Это означает, что риск также проявлялся в принципе диспозитивности.

Риск в законодательстве XVII в.

Соборное уложение 1649 г., окончательно закрепив следственное судопроизводство, отменило судебные поединки тяжущихся и закрепило пытку в качестве крайнего судебного доказательства [\[21; 18, с. 663\]](#). Нормы о досудебном и судебном процессе в Соборном уложении содержатся в главе 10.

Статьей 19 Соборного уложения определялось, что если истец возбудил судопроизводство с требованием большим, чем он смог доказать, то с него взыскивалась сумма государственной пошлины втрое выше за недоказанные исковые требования. Другой нормой, содержащей негативные последствия, являлась статья 101 Соборного уложения. Согласно названной норме, в случае если ответчик отказывался отвечать перед судом по иску, он обвинялся без каких-либо судебных разбирательств, и с него взыскивалась указанная истцом сумма. Данные нормы мы можем квалифицировать в качестве перенесения негативных последствий на стороны во время судопроизводства. В свою очередь, М. Р. Загидуллин уточняет квалификацию названных положений и относит их к нормам, содержащих юридическую ответственность [\[11, с. 24-25\]](#).

Соглашаясь с определением негативных последствий в виде ответственности,

дополнительно хотим указать, что отсутствие добросовестного поведения истца и активного процессуального поведения ответчика влекло за собой возможность наступления негативных последствий. Между тем, статья 19 могла иметь две составляющих: (а) наказание истца за умышленную подачу необоснованного иска, виновность за которое зависело от доказательственной базы, либо (б) превентивно ограничивать истца от предъявления исковых требований, которые не могли быть им доказаны при подаче самого иска, но могли быть обоснованными исходя из материалов, полученных непосредственно в суде. В связи с этим, санкция, предусмотренная рассматриваемой статьей, применялась (наступала) в случае злоупотребления правом определения размера исковых требований, то есть «неправильной» реализации субъективного права. Это означало, что рассматриваемая норма содержало субъективный подход к риску и характеризовалась принципом диспозитивности.

Статью 101 Соборного уложения следует определить в качестве распределения негативных последствий за неактивное участие стороны в процессе. Это означает, что, несмотря на закрепление следственного вида судопроизводства, отечественный законодатель распределял риск наступления негативных последствий с учетом активного поведения сторон. Следовательно, нежелание ответчика в реализации права на участие в деле обуславливало применение установленной санкции.

Кроме того, особое внимание стоит обратить на положения статей 121-122 Соборного уложения, которые М. Р. Загидуллин также определяет в качестве юридической ответственности [\[11, с. 27-28\]](#). В соответствии с указанными нормами стороны, урегулировавшие спор до судебного дела, обязаны были представить мировые соглашения в суд. В случае же, если мировые соглашения не были представлены в суд и стороны не оплатили государственные пошлины, и уехали из города, то государственные пошлины подлежали оплате поручиками. В случае же, если и поручики уезжали из города, то государственная пошлина подлежала оплате недельщику со стороны лица, приближенного к поручику. Возможно, профессор отнес данные нормы к юридической ответственности, поскольку дальнейшая статья 123 Соборного уложения предусматривала положение об ответственности пристава и подьячего за неисполнение их обязанностей. Однако автор не поясняет данную позицию, оставляя неопределенной правовую природу статей 121-122 Соборного уложения. Анализ содержания указанных норм позволяет установить, что первоначальная обязанность по уплате государственной пошлины возлагалась непосредственно на стороны. При этом лица, указанные в рассматриваемых нормах (поручики, недельщики), не являлись первоначальными обязанными субъектами, но них возлагался риск возмещения пошлины. Тем самым, незаинтересованные лица фактически принимали на себя негативные последствия действий сторон. Названные нормы закрепляли подход к понятию «риск» в объективном смысле, ведь негативные последствия для лица могли наступить при отсутствии предположения о них. Таким образом, можно констатировать, что Соборное уложение закрепляло механизм распределения процессуального риска на третьих лиц, формально не участвующих в судебном процессе, что соответствует объективному восприятию риска.

Кроме того, следует обратить внимание, что стороны могли быть подвержены риску за несвоевременное представление доказательств. Поскольку Соборное уложение запрещало судьям принимать какие-либо дополнительные к делу бумаги, кроме тех, о которых стороны объявили во время самого суда и дали обещание представить их в известный срок. При этом судебный процесс был направлен на скорое рассмотрение дела, в связи с чем все справки, розыски и доставление необходимых документов

производились как можно скорее [\[11, с. 661\]](#). Данное положение отражает наличие риска в субъективном смысле, поскольку лицо, осознавая запрет на представление дополнительных доказательств, должно было предвидеть, что отсутствие упоминания о них и последующее непредставление таких доказательств могло стать причиной проигрыша дела.

Таким образом, исследование положений Соборного уложения демонстрирует переход от объективного подхода к риску к субъективному, что обуславливается не только изменившимся типом судопроизводства, но и ужесточением законодательства в части определения свободы поведения лица, участвующего в деле. Поэтому мы считаем, что закрепление следственного типа судопроизводства не отменяло распределение риска наступления негативных последствий на стороны ввиду отсутствия с их стороны добросовестного активного поведения.

Трансформация риска в судебной реформе XIX в.

Устав ввел в гражданский процесс состязательные начала судопроизводства, поскольку согласно статье 366 названного закона бремя доказывания возлагалось на стороны. М. И. Малинин в комментарии к указанной норме считал, что ее положение определяло первоначальное возложение бремени доказывания на инициатора судебного спора, поскольку им нарушается *status quo* ответчика [\[22, с. 285\]](#).

Кроме того, со статьей 366 Устава были введены новые правила, согласно которым: суд не вправе был собирать доказательства, а основывался исключительно на доказательствах, представленных сторонами (статья 367); при недоказанности существенных обстоятельств суд предлагал тяжущимся представить дополнительные доказательства (статья 368).

Совокупность приведенных статей Устава является наиболее интересной для нашего исследования, поскольку их системное толкование позволяет сделать вывод о процессуальном риске, существовавшем в период действия Устава. Такой вывод следует из того, что принятие противоположного судебного акта интересу тяжущегося зависит от его действия, поскольку именно он является ответственным по представлению доказательств. В связи с этим, можно утверждать, что как при определении легитимации иска, так и при несении бремени доказывания риск проявляется в личной оценке действий, осуществляемых стороной до наступления соответствующих последствий. Дабы нам представить объективную оценку сказанного, необходимо обратиться к многочисленным судебным актам Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената (далее – Кассационный департамент), сформировавшим правоприменение указанных норм. Например, суд не вправе был предоставить возможность истцу повторно доказывать обстоятельства дела в ином деле. Решением от 31.07.1874 № 416 отменен акт нижестоящего суда, который предоставил возможность истцу представить доказательства в другом деле. Кассационный департамент, устраняя необоснованный вывод суда, определил, что суд мог, не разрешая дела по существу, предложить истцу представить доказательства. Суд, наоборот, не имея законных оснований, предоставил истцу право доказывать отдельно от рассмотренного дела фактические обстоятельства. Аналогично изложенному решению, Кассационный департамент в решении от 17.03.1876 № 183 отмечал, что закон не дает суду права, признав требования истца недоказанными, предоставить стороне вновь начать дело с представлением необходимых доказательств, и что подобное распоряжение суда нарушает выраженное в статьях 366-368 Устава общее правило, по которому суд не принимает никакого участия во взыскании и собирании доказательств. Таким образом,

суд не вправе был принимать решение по делу и, одновременно с этим, предоставлять в этом решении той или иной другой стороне право предъявлять те же требования. Обозначенный запрет направлен на достижение равноправия сторон путем недопустимости обращения с иском в суд с одним и тем же предметом и основанием иска.

Таким образом, статьи 366-368 Устава вводили правила, согласно которым не только бремя доказывания возлагалось на стороны, но и риск непредставления необходимых доказательств возлагался на них. Данный вывод также подтверждался решением от 30.05.1867 № 171, в котором Кассационный департамент указал, что статья 368 Устава являлась правом суда, но не его обязанностью указывать сторонам на обстоятельства дела, требующие доказывания. Приведенное вытекает из того, что суд в силу нового порядка не принимал никаких действий по направлению дела, данная обязанность возлагалась на стороны.

Учитывая определенную законом отстраненность судебного органа от установления объективной истины по делу, стороны должны были представить суду все доказательства, имеющиеся у них. При непредставлении доказательств по делу они были «виновны» в принятии судебного акта, противоречащего их интересам. Таким образом, можно утверждать, что субъективный подход к риску проявлялся при рассмотрении дел после принятия Устава.

Рассмотрев положения Устава о доказывании, необходимо отметить, что риск возникал в имперском судопроизводстве не только при доказывании, а также при уведомлении суда стороной о своем месте пребывания. В соответствии со статьей 309-310 Устава, являясь в суд, тяжущиеся или их поверенные должны были заявить в канцелярии об избранном ими месте пребывания в том городе, где находился суд; в избранное место пребывания отсылались все процессуальные документы, а в случае если сторона не извещало о смене места пребывания, она не вправе была отговариваться неведением о тех процессуальных документах, которые ему были направлены по первоначальному месту.

Согласно названным нормам, Устава на тяжущихся возлагалась обязанность по извещению суда для направления им повесток и процессуальных документов. Вместе с тем, если сторона сама допустила ошибку при указании адреса, то она не вправе была ссылаться на это при обжаловании судебного акта. Наоборот, тяжущийся должен был принять невыгодные последствия, которые произошли от неточного обозначения местожительства (решение Кассационного департамента от 05.12.1873 № 1622). В то же время Кассационный департамент признавал, что неявка в суд не может признаваться обоснованной в силу отсутствия в месте пребывания, по которому была направлена повестка (решение Кассационного департамента от 15.02.1873 № 232). При этом не имело никакого значения о знании судом места пребывания тяжущегося, поскольку обязанность по сообщению места пребывания была возложена на сторону (решение Кассационного департамента от 24.01.1873 № 93). Таким образом, законодатель возлагал на тяжущегося риск негативных последствий, связанных с ненадлежащим уведомлением о судебном процессе.

В настоящее время отсутствует обязанность по первоначальному уведомлению о своем месте пребывания (статья 117 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), статья 123 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)). Вместе с тем, риск наступления неблагоприятных последствий может быть обусловлен тем, что сторона лицо, участвующее в деле, не исполнило обязанность по сообщению суду об изменении своего

адреса во время производства по делу (статья 118 ГПК РФ, статья 124 АПК РФ).

Наступление итоговых процессуальных последствий (разрешение дела по существу в отсутствие стороны или оставление иска без рассмотрения) зависело также от соответствующих процессуальных действий сторон. Согласно статье 329 Устава явка к заседанию только одной стороны не могла служить препятствием к допущению этой стороны при докладе дела к словесному объяснению. При неявке истец нес риск разрешения дела по существу или его прекращения с возможностью предъявления требований в последующем (статья 358, пункт 2 статьи 718 Устава). Например, в судебной практике отмечалось, что явка в судебное заседание стороны после удаления в совещательную комнату или оглашения резолютивной части не являлась причиной для допуска его к состязанию (решения Кассационного департамента от 16.08.1868 № 433, от 24.09.1874 № 524). При этом в случае, если суд удалился в совещательную комнату, председательствующий мог возобновить производство и допустить опоздавшую сторону к состязанию если совпадут следующие обстоятельства: пояснение стороны являлось необходимыми для разрешения затруднительных вопросов, резолютивная часть подписана, но не провозглашена, а противная сторона не покинула судебное заседание (решение Кассационного департамента от 25.11.1899 № 73). Неявка стороны при болезни также не являлась причиной для отложения судебного разбирательства и его пересмотра, поскольку у тяжущегося имелось право воспользоваться услугами представителя (решения Кассационного департамента от 22.11.1868 № 705, от 03.10.1875 № 732). Позиции Кассационного департамента соответствовали смыслу принципов равноправия и состязательности сторон (статьи 14, 16, 17 Устава). Вместе с тем негативные последствия могли быть возложены на сторону ввиду ненадлежащего исполнения или не исполнения права на участие в судебном заседании. Это означает, что не реализация соответствующего права зависело от выбора стороной вариантов возможного поведения. В связи с чем наступление негативных последствий по причине не участия в судебном заседании следует отнести к действиям (бездействиям), характеризующих принцип диспозитивности.

На основе представленного материала следует, что процессуальный риск сторон в Российской империи проявлялся больше в субъективном смысле, чем в объективном. Более того, ввиду развитого и осложненного процессуального законодательства риск отражал большинство действий сторон. Это обозначает, что риск мог образовываться ввиду реализации соответствующих прав в ходе судопроизводства, что является отражением принципа диспозитивности.

Процессуальный риск в советском праве

Директива В.И. Ленина, являвшаяся напутствием советским судьям: «Бороться культурно за законность, ничуть не забывая границ законности революции» - определила направление судебной деятельности в деле строительства социализма судебного деятеля [\[23, с. 35\]](#). Поэтому в правовых нормах закреплялся принцип активной роли суда, предоставляя суду право в отдельных случаях по своей инициативе вмешиваться в правонарушения в целях восстановления социалистической законности [\[24, с. 10\]](#). В связи с этим суд должен был оказывать сторонам всяческое содействие и поэтому обязан даже по своей инициативе исправлять их ошибки. Если иск предъявлен не к надлежащему ответчику или ненадлежащим истцом, суд мог и без соответственного требования сторон, по своей собственной инициативе, постановить о замене выбывающего из дела ответчика или истца надлежащим ответчиком или истцом [\[25, с. 102\]](#).

Это безусловно не значит, что в названной «борьбе» суд достигал объективной истины при разрешении дела.

Как высказывал А.Т. Боннер, суд интересовали не все факты, а лишь такие факты, с которыми закон связывает определенные правовые последствия [\[26, с. 106\]](#). Для анализа своего вывода профессор рассматривал статьи 140-143 Кодекса законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Названные нормы, с его точки зрения, устанавливали юридическую истину [\[26, с. 107\]](#), что соответствует содержанию указанных норм. Так в статьях 140-141 определялось, что забеременевшая и не состоящая в браке женщина не позднее как за 3 месяца до разрешения от бремени подавала заявление в местный отдел записей актов гражданского состояния по своему месту жительства, указывая время зачатия, имя и место жительства отца. О поступившем заявлении отдел записей актов гражданского состояния извещал лицо, названное в заявлении отцом, и последнему предоставлялось в двухнедельный со дня получения извещения срок возбудить судебный спор против матери о неправильности ее заявления. Не возбуждение спора в указанный срок приравнивалось к признанию ребенка своим.

В то же время, наступление негативных последствий являлось не установление внесудебной юридической истины – определение отца ребенка, а последующее его участие в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка (статья 143). Таким образом, отсутствие процессуального действия со стороны предполагаемого отца ребенка – не возбуждение спора – являлось причиной для наступления негативных последствий в материальном правоотношении. В связи с этим, материальный риск в виде участия в содержании ребенка мог возникнуть вследствие процессуального бездействия. Данное подтверждает, что советский законодатель устанавливал наступление риска при внесудебном признании, а последствия такого риска являлось участие в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка.

Рассматривая ГПК РСФСР 1923 г., можем отметить, что вслед за Уставом, советский процессуальный закон предусматривал аналогичные способы вызова в суд, за некоторым исключением. Например, извещения суда доставляются заказным пакетом с обратной распиской или через рассылных; допускается передача извещений суда через сельсовет (статья 66 ГПК РСФСР 1923 г., аналогична статье 283 Устава). Если должностное лицо, доставляющее извещение, не заставало вызываемого, то вручало извещение кому-нибудь из совместного с ним проживающих членов семьи, администрации дома или учреждения, в котором извещаемое лицо имело местожительство или постоянное занятие (статья 70 ГПК РСФСР 1923 г., аналогична статье 282 Устава и за некоторым исключением часть 2 статьи 116 ГПК РФ, часть 2 статьи 123 АПК РФ).

Данные нормы позволяют подтвердить довод о том, что риск не получения повестки зависит от таких факторов как: добросовестности сотрудников сельсовета, членов семьи, сотрудников администрации дома и от действий самого тяжущегося при перемене им местожительства. Участие в судебном заседании возможно в случае знания о нем, при этом отсутствие сведений могло повлечь за собой непредставление интересов стороны. Ввиду этого мы считаем, что первоначально риск возникал в объективном смысле и выражался при не передаче судебного извещения стороне лицом, получившим судебную повестку. Однако объективный смысл риска мог преобразовываться в субъективный. Зная о предстоящем судебном споре, сторона могла обеспокоиться поступающей

корреспонденцией и прибегнуть к минимизации наступления негативных последствий.

Однако представленный выше позитивный взгляд на переход от субъективного смысла категории «риска» к объективному подходу не является однозначным. Отражение такого суждения проявляется в содержании гражданского процессуального законодательства и наступлении соответствующих событий.

По общему правилу, во всяком положении дела, пока не вынесено решение, истец мог просить об обеспечении иска (статья 82 ГПК РСФСР 1923 г.). Но, с учетом политики занимаемой советским законодателем, в ГПК РСФСР 1923 г. было внесено изменение, согласно которому иски, предъявляемые ко всякого рода государственным учреждениям и государственным предприятиям, обеспечению не подлежали, за исключением исков, вытекающих из банковских операций кредитных учреждений, а равно по взысканиям долгов кредитно-кооперативным организациям (примечание к статье 82 ГПК РСФСР 1923 г.). Примечанием законодатель ограничил «покушение» на собственность государственных организаций, чем дискриминировал одних участников гражданских правоотношений от других. Такая дискриминация являлась оправданной, ведь защита интересов государства всегда стояла в центре внимания, особенно в спорах между государственными организациями и частными лицами [\[27, с. 140, 142\]](#). Отсутствие возможности обеспечить исковые требования приводят к риску невозможности исполнения судебного акта. Например, при отсутствии возможности лишить права распоряжения спорным имуществом, срок производства по делу может быть затянут ввиду перехода права собственности на спорное имущество. Таким образом, возможность наступления негативных последствий в деле зависело от законодательных ограничений, введенных в пользу государственных организаций. Таким образом, можно предположить, что риск определялся по двум основаниям. Во-первых, риск в объективном смысле, когда интересы стороны не могли быть гарантированы обеспечительными мерами, например, при иске к государственной организации, поэтому на сторону возлагались соответствующие последствия невозможности защиты своих интересов. Во-вторых, риск в субъективном смысле, когда сторона не обеспечила свои интересы в силу отсутствия соответствующего ходатайства.

Принципы социалистического демократизма, диспозитивности, состязательности, гласности, устности, непосредственности и другие определяют собой характер советского гражданского процессуального права и в военное время, но руководящим началом гражданского процесса, индивидуализирующим его как процесс военного времени, является перестройка всей работы на военный лад, подчинение всего интересам фронта и задачам организации разгрома врага [\[28, с. 22-23\]](#). Именно поэтому, иски выселения сьемщиков, члены семьи которых призваны в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота в соответствии с пунктом 3 постановления Пленума Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик от 12.11.1942 № 19/М/23/у подлежали приостановлению на период участия в боевых действиях во время Великой Отечественной войны. Конечно, в самый сложный период российского государства интересы частных лиц были отнесены на второй план, что приводило к несвоевременной защите интересов арендодателей. Приведенный пример демонстрирует, что наступление события – Великой Отечественной войны – могло оказать влияние на своевременную защиту прав заинтересованного лица. Следовательно, названное событие образовывало риск в объективном смысле, поскольку вызванные им правовые последствия приводили к невозможности своевременной защиты интересов.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной

Социалистической Республики, утв. законом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 11.06.1964 (далее – ГПК 1964 г.), как и предшествующий ГПК 1923 г. не содержал понятие «риск». Однако истечение срока исковой давности могло оказать негативное последствие на положение стороны. Последствия истечения срока исковой давности применялись судом самостоятельно, поэтому считалось, что право на иск погашалось при истечении срока исковой давности. Данное обстоятельство делало невозможным осуществление права в принудительном порядке [\[29, с. 15\]](#).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в период советского законодательства существование процессуального риска характеризовалось наступлением события, истечением срока исковой давности, а также поведением заинтересованных лиц. Названные обстоятельства подтверждают, что риск отражается в объективном и субъективном смысле. При этом некоторые негативные последствия истец имел возможность устранить, например: своевременно подать исковое заявление, проявлять интерес к получаемым сообщениями вместо него иными лицами.

В связи с этим, следует признать, что активное поведение лица способствовало устранению соответствующих последствий, чем отражало закрепление принципа диспозитивности в гражданском процессуальном законодательстве.

Заключение

Исследовав развитие процессуального риска, следует признать, что риск в историческом аспекте выражался как в субъективном (когда лицо осознавало возможность наступления последствий), так и в объективном смыслах (когда последствия наступали независимо от воли лица и его осознания). Но в ходе эволюции законодательства происходит постепенный переход от одного к другому. Это означает, что уменьшается число законодательных положений, которыми определяются наступление негативных последствий ввиду возникновения независимых факторов, а основной акцент наступления негативных последствий определяется поведением сторон. Следовательно, можно признать, что суждения о риске, указанные Аристотелем, Диогеном Лаэртским и Эпикуром, нашли отражение рассматриваемого понятия в гражданском процессуальном законодательстве посредством принципа диспозитивности.

Это означает, что независимо от типа цивилистического процесса в системе координат «следственный – состязательный» наступление возможности негативных последствий однозначно зависит от волеизъявления лица. Именно поэтому мы считаем, что категория риска сопровождает судопроизводство независимо от периода развития российского государства и взаимодействует с процессуальным принципом диспозитивности.

Библиография

1. Звягина Н.С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. канд. юр. наук: 5.1.3. – Воронеж, 2023. – 185 с.
2. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: избранное. – М.: Статут, 2019. – 510 с.
3. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-р юрид. наук: 12.00.03. – Екатеринбург, 1992. – 523 с.
4. Сулейманов А.А. Соотношение категории риска и принципов диспозитивности или состязательности // Российский судья. – № 7. – 2025. – С. 8-12. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-7-8-12.
5. Сулейманов А.А. Возникновение процессуального риска и его соотношение с

- цивилистическим процессуальным правоотношением // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – № 2 (26). – 2025. С. 233-249. DOI: <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2025.26.20>.
6. Чанышев А.Н. Аристотель. – М.: Мысль, 1987. – 220 с.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова, под ред. А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1986. – 570 с.
8. Этическая мысль: науч.-публицист. чтения / отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: Политиздат, 1988. – 215 с.
9. Гринева А.В. Правовые риски и их минимизация: теоретический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2018. – Т. 8, № 3 (28). – С. 24-32.
10. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. 1. – СПб.: типография Н. Греча, 1818. – С. 276.
11. Загидуллин М.Р. Юридическая ответственность в российском цивилистическом процессе: историко-правовое исследование. – М.: Статут, 2019. – 143 с.
12. Пахман С.В. О судебных доказательствах по древнерусскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом развитии. – М.: Университетская типография, 1851. – 212 с.
13. Владимирский-Буданов М.Ф. Русская правда // Хрестоматия по истории русского права. – Киев: типография Императорского университета Св. Владимира, 1876. – 265 с.
14. Владимирский-Буданов М.Ф. Договор Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г. // Хрестоматия по истории русского права. – Киев: типография Императорского университета Св. Владимира, 1876. – 699 с.
15. Староверова Е.В. О поле (судебном поединке) в русском праве XV – начала XVII в. // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 2. – Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс". DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.104-115.
16. Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации. – Монография. – М.: Статут, 2022. – Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".
17. Медведев В.Г., Липинский Д.А. К вопросу о становлении и развитии гражданского процесса в русском праве IX–XV вв. // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 1. – Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс". DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-1-158-188.
18. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. – М.: Типо-Лит. С.А. Петровского и Н.П. Панина, на углу Садовой и Цветного бульв., д. Торопова, 1879. – 728 с.
19. Юшков С.Ф. Судебник 1497 года: (К внешней истории памятника). – Саратов: Правл. Саратовск. гос. ун-та, 1926. – 46 с.
20. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. Общая теория рисков. – М.: Издательский центр "Академия", 2008. – 368 с.
21. Золотова О.И. Модель и тип гражданского судопроизводства в России по уставу гражданского судопроизводства 1864 года – Текст: электронный // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: [сайт]. – URL: <https://ipp.kursksu.ru/magazine/archive/number/118> (дата обращения: 27.02.2025).
22. Малинин М.И. Труды по гражданскому процессу. – М.: Статут, 2014. – 640 с.
23. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Городец, 2022. – 352 с.
24. Треушников М.К. Творческие поиски в науке гражданского процессуального права. – М.: Городец, 2020. – 320 с.
25. Гойхбарг А.Г. Курс гражданского процесса. – М.: Государственное издательство,

1928. – 320 с.

26. Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. IV. Проблемы установления истины в гражданском процессе. – М.: Проспект, 2022. – 656 с.

27. Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. I. История гражданского процессуального права. Специфика гражданских процессуальных правоотношений. – М.: Проспект, 2022. – 336 с.

28. Юдельсон К.С. Избранные труды 40-х годов XX века. – М.: Статут, 2024. – 376 с.

29. Абрамов С.И. Исковая давность. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946. – 24 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «История развития риска в цивилистическом процессе» предметом исследования является юридическая категория «процессуальный риск», а именно ее историография.

Методология исследования. Данное исследование предполагает применение современных методов, таких как: сравнительное правоведение, теоретико-юридический, формально-логический и др.

Актуальность исследования. Актуальность исследования автор объясняет тем обстоятельством, что «тема процессуального риска не развита в историческом разрезе по сравнению с иными процессуальными учениями... гражданское процессуальное право в отличии от смежной материальной отрасли не имеет своей истории научного исследования категории «риска». Вместе с тем, ...понимание «риска» имело место в дореволюционном и советском гражданском процессе». Представляется, что необходимо в исследовании показать важность и значимость юридической категории «процессуальный риск» для эффективного правового регулирования общественных отношений на современном этапе.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в самой статье не сформулированы положения, которые бы указывали на новизну и важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость. Большая часть статьи носит описательный характер и содержит обращения к чужим воззрениям. Автор весьма слабо обосновывает собственную позицию по заявленной им тематике. Материал не имеет элементов научной новизны. Автору следует обозначить свою позицию по заявленной проблеме и показать, в чем заключается именно его вклад в юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. На взгляд рецензента, тема не раскрыта, по заявленной автором проблеме никаких новых решений не предложено. Название статьи представляется шире, чем ее содержание (автор исследует историографию категории «процессуальный риск» лишь до завершения советского периода, о чем следовало бы указать в названии). Кроме того, автором превышен допустимый объем для научной статьи (по общим требованиям не более 40 тыс. печатных знаков).

Вместе с тем нельзя не признать, при написании статьи использован научный стиль с применением специальной терминологии, в том числе, и юридической. Однако в статье отсутствует терминологическая ясность: можно только предполагать, что «риск», «риск в

цивилистическом процессе» и «процессуальный риск» в рамках данного исследования это тождественные категории. Отмечаются повторы слов в предложениях, например «При рассмотрении вопроса о появлении Судебника 1497 г. отмечается, что к концу XV века вопрос...» и др. Не лишен текст грамматических ошибок, например, «направленно».

Автором предпринята попытка структурировать статью. В содержании статьи формально присутствуют разделы (введение, основная часть и заключение). Можно отметить, что во введении недостаточно полно обоснована актуальность темы статьи. В основной части статьи автор приводит мнения других специалистов, но при этом не всегда аргументирует собственную позицию. Большая часть статьи носит описательный характер, отсутствует аналитика. Так и остается открытым вопрос: в чем автор видит значимость своего исследования для юридической науки (ведь изучение исторического опыта необходимо для избегания ошибок, в том числе, и в области юриспруденции) в настоящем. В заключительной части статьи кратко представлены выводы, совершенно не отличающиеся научной новизной, которые нельзя считать результатами исследования: автор констатирует уже известные доктрине положения. Содержание статьи нуждается в существенной доработке.

Библиография. Для научной статьи автором использовано чрезмерное количество доктринальных источников. Представляется, что следовало бы в списке библиографии указать наиболее значимые публикации. Избыточно представлено самоцитирование, если автор уже имеет публикации по данной проблематике, есть ли необходимость повторяться?

Апелляция к оппонентам. По отдельным спорным вопросам заявленной тематики есть обращения к оппонентам.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «История развития риска в цивилистическом процессе» не может быть рекомендована к опубликованию, поскольку нуждается в доработке. Тема является актуальной, но статья не отличается научной новизной и не имеет практической значимости. Статья по этой теме могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области истории права, гражданского процессуального права, а также, могла бы быть полезна для обучающихся и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «История развития риска в цивилистическом процессе (от древней Руси до советского периода)».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам истории развития риска в цивилистическом процессе. Автором, в частности, рассматриваются истоки процессуального риска в древнерусском праве, развитие концепции риска в

Судебниках XV-XVI вв., риск в законодательстве XVII в., трансформация риска в судебной реформе XIX в., процессуальный риск в советском праве. В завершении делаются итоги исследования. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, нормы законодательства различных периодов, мнения ученых, материалы практики, исторические документы.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об истории развития риска в цивилистическом процессе. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм законодательства различных исторических периодов. Например, следующий вывод автора: «Рассматривая ГПК РСФСР 1923 г., можем отметить, что вслед за Уставом, советский процессуальный закон предусматривал аналогичные способы вызова в суд, за некоторым исключением. Например, извещения суда доставляются заказным пакетом с обратной распиской или через рассылных; допускается передача извещений суда через сельсовет (статья 66 ГПК РСФСР 1923 г., аналогична статье 283 Устава)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема истории развития риска в цивилистическом процессе. Для понимания действующего процессуального законодательства важно обращать внимание на тенденции его развития, исторический опыт, перспективы изменений. Сложно спорить с автором с тем, что «лицо может осознавать или не осознавать итоговый результат. Это означает, что представленные мнения философов отражают разные подходы относительно категории «риска», в связи с чем коротко их можно обозначить как: субъективное (проявление осознания «во время» наступающего последствия) и объективное (отсутствие осознания наступления последствий до их фактического проявления). Конечная цель действий лица является предполагаемым благом, к которому он стремится. Однако не все сопутствующие обстоятельства могут зависеть от его воли».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«риск в историческом аспекте выражался как в субъективном (когда лицо осознавало возможность наступления последствий), так и в объективном смыслах (когда последствия наступали независимо от воли лица и его осознания). Но в ходе эволюции законодательства происходит постепенный переход от одного к другому. Это означает, что уменьшается число законодательных положений, которыми определяются наступление негативных последствий ввиду возникновения независимых факторов, а

основной акцент наступления негативных последствий определяется поведением сторон. Следовательно, можно признать, что суждения о риске, указанные Аристотелем, Диогеном Лаэртским и Эпикуром, нашли отражение рассматриваемого понятия в гражданском процессуальном законодательстве посредством принципа диспозитивности».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором проведена работа по обобщению документов и материалов по теме исследования, что может быть полезна специалистам в рассматриваемой сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с развитием российского цивилистического процесса.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел проблемы, в целом достиг цели исследования, предложив выводы на основании изучения истории вопроса о риске в цивилистическом процессе.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Ярков В.В., Решетникова И.В., Гринева А.В., Пахман С.В., Владимирский-Буданов М.Ф. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области цивилистического процесса.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам риска в цивилистическом процессе.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Англоязычные метаданные

From the concept of financial security by I.I. Kuchеров to the modern paradigm of the financial sovereignty of the state: risk management as a key element

Lapina Marina Afanas'evna

Doctor of Law

Professor; Department of International and Public Law; Financial University under the Government of the Russian Federation

38 Shcherbakovskaya St., Moscow, 105187, Russia

✉ LapinaMarina@inbox.ru



Abstract. The evolution of the doctrinal foundations for the protection of national financial interests in the context of modern geo-economic challenges has been revealed. The subject of the study is the transformation of the concept of financial security, developed by Professor I.I. Kuchеров, into the modern paradigm of financial sovereignty, as well as the key role of risk management as a systemic element ensuring this transformation. The object of the study is the sphere of financial security and the financial sovereignty of the state as interrelated and sequentially developing paradigms. The work analyzes the shift in focus from a protective model aimed at neutralizing threats to a sovereign model affirming the independence of the financial system through the lens of I.I. Kuchеров's scientific works, particularly his concept of financial security risks. It is argued that risk management serves as a linking element and transformational mechanism between these two models. The methods and methodology include: comparative analysis for comparing concepts of financial security and financial sovereignty, systemic analysis for studying financial security as a complex phenomenon, structural-functional method for analyzing the interconnections between elements of financial security and financial sovereignty, and a formal-legal method for analyzing regulatory legal acts governing financial security. For the first time, the evolution of I.I. Kuchеров's scientific views on financial security risks has been analyzed in the context of their transformation into financial sovereignty risks. The transition from the paradigm of protection to the paradigm of sovereignty has been justified, where risk management becomes a key systemic element. Risk management serves as a linking element between the models, transforming identified threats (for example, the risk of disconnection from SWIFT) into an incentive for creating sovereign instruments (national payment systems and financial messaging systems). A three-stage algorithm for sovereign risk management has been formulated and detailed, which includes predictive assessment, the creation of sovereign neutralization mechanisms, and sovereign legal regulation. An author's concept of a sovereign risk model, adapted to modern geo-economic realities, is introduced into scientific circulation. The practical significance lies in the fact that the proposed algorithm serves as a methodological basis for developing specific measures to strengthen Russia's financial sovereignty in the context of sanctions pressure, and can also be used in the process of strategic planning and the establishment of resilient national financial institutions.

Keywords: legal regulation, sovereign financial institutions, strategic planning, money laundering, shadow economy, risk management, I.I. Kuchеров, financial sovereignty, financial security, national payment system

References (transliterated)

1. Povetkina N.A., Kuchеров I.I., Akopyan O.A. i dr. Instituty finansovoi bezopasnosti. M.: Infra-M, 2017. 246 s. EDN: XNFLHN.
2. Kuchеров I.I. Slagaemye finansovoi bezopasnosti i ee pravovoe obespechenie // Zhurnal rossiiskogo prava. 2017. № 6. S. 69-79. DOI: 10.12737/article_59240612ba2095.47147610 EDN: YPLVRL.
3. Kuchеров I.I. Sistema valyutno-denezhnogo obrashcheniya kak ob"ekt finansovoi bezopasnosti // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2017. № 8 (36). S. 147-153. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.36.8.147-153 EDN: ZHMZPP.
4. Povetkina N.A., Kuchеров I.I., Bozhenok S.Ya. i dr. Pravovye sredstva obespecheniya finansovoi bezopasnosti. M.: Infra-M, 2019. 240 s. EDN: ZDJSIL.
5. Akopyan O.A., Bozhenok S.Ya., Veremeeva O.V. i dr.; otv. red. Kuchеров I.I., Povetkina N.A. Riski finansovoi bezopasnosti: pravovoi format: monografiya. M.: IZiSP, NORMA, INFRA-M, 2018. 304 s.
6. Kuchеров I.I. Riski finansovoi bezopasnosti, ikh negativnye posledstviya // Yuridicheskaya tekhnika. 2019. № 13. S. 507-510. EDN: YZOSPB.
7. Avdiiskii V.I., Lapina M.A. (red.). Pravovye riski v sisteme publichnogo upravleniya: Kollektivnaya monografiya. M.: OT i DO, 2014. 248 s.
8. Tikhomirov Yu.A., Lapina M.A. (red.). Risk v sfere publichnogo i chastnogo prava: kollektivnaya monografiya. M.: OT i DO, 2014. 310 s.
9. Tikhomirov Yu.A. Pravovye riski // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2012. № 2. S. 87-95. EDN: OYJXCR.
10. Ponkin I.V., Lapina M.A. Risk-orientirovannoe publichnoe upravlenie // Universitet KAZGYuU. Pravo i gosudarstvo. 2015. № 3. S. 81-86.
11. Lapina M.A. Teoretiko-pravovye aspekty upravleniya riskami // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 2. S. 35-44. EDN: TMGFST.
12. Khabrieva T.Ya. Pravovye problemy finansovoi bezopasnosti Rossii // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. 2016. № 10. S. 48-54. EDN: WMQOKF.
13. Sattarova N.A. Finansovaya bezopasnost' i finansovyi suverenitet gosudarstva: voprosy vzaimosvyazi // Finansovoe pravo. 2023. № 11. S. 15-17. DOI: 10.18572/1813-1220-2023-11-15-17 EDN: MOWVAX.
14. Albitova E.P. Mekhanizm gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya finansovogo suvereniteta i ego sostavlyayushchie // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2025. № 5. S. 17-21. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-5-17-21 EDN: NTCXDY.

Traditional Nature Management and Environmental Protection of the North (Part 2)

Kudelkin Nikolai Sergeevich

PhD in Law

Leading Researcher, Sector of Environmental, Land and Agrarian Law, IGP RAS

10 Znamenska Street, Moscow, 119019, Russia

✉ nkkix@inbox.ru



Abstract. The subject of this research comprises legal norms pertaining to Indigenous peoples and traditional nature management. The study aims to formulate conclusions and

proposals for improving legal regulation in this field, based on an analysis of federal and regional legislation. The research employed general scientific, specific, and specialized methods. The relevance of the study is underscored by the fact that preserving the traditional nature management of Indigenous peoples, and consequently their unique culture, requires not only enhancing legislation on Indigenous peoples but also implementing measures, including legal ones, aimed at environmental protection in the areas where traditional nature management is practiced. The study presents a number of theoretical and practical conclusions and proposals. To enhance the protection of the rights and interests of Indigenous peoples and the environment in territories of traditional nature management (TTNM), it is proposed to elaborate in more detail the legal regime of such territories in Federal Law «On Territories of Traditional Nature Management of Indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation» Specifically, the law should specify which types of economic activities are permitted there. Furthermore, the aforementioned law should stipulate the mandatory functional zones to be designated within TTNM boundaries. Given that TTNM can be located in areas with diverse natural characteristics and depending on the main type of traditional nature management practiced, it seems logical to categorize TTNM based on the stringency of their protection regimes. Concurrently, from the standpoint of safeguarding the right to traditional nature management and environmental protection, establishing a legislative priority for traditional nature management over other forms of economic activity appears highly effective. This priority is particularly crucial for types of traditional nature management such as reindeer and horse husbandry, which require vast territories for their practice.

Keywords: environmental protection, indigenous peoples, traditional nature management, North, Arctic, rational nature management, global warming, reindeer herding, horse breeding, hunting

References (transliterated)

1. Kudel'kin N.S. Traditsionnoe prirodopol'zovanie i okhrana okruzhayushchei sredy Severa (Chast' 1) // Yuridicheskie issledovaniya. 2025. № 11. S. 23-38. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76653 EDN: DTBWTH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76653
2. Doronina A.K. Okhrana okruzhayushchei sredy Arktiki po zakonodatel'stvu pribrezhnykh arkticheskikh gosudarstv. Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2025. – 262 s. 3.
3. Dmitrieva V.T., Naprasnikov A.T. Geoekologicheskii opyt vydeleniya territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya v Rossii // Vestnik MGPU. Seriya: Estestvennye nauki. 2013. № 1 (11). S. 59-69. EDN: QCRCOD 4.
4. Gumilev A.N. Etnosfera: Istoriya lyudei i istoriya prirody. M.: Ekospros, 1993. – 544 s. 5.
5. Tranin A.A. Territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh narodov rossiiskogo Severa (problemy i perspektivy). M.: IGP RAN, 2010. – 88 s. 6.
6. Battakhov P.P. K voprosu o realizatsii prav korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2023. № 5 (221). S. 88-92. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_5_88 EDN: RHTSBJ 7.
7. Rednikova T.V. Okhrana komponentov biologicheskogo raznoobraziya i pravovoe regulirovanie obespecheniya ravnogo dostupa k izvlekaemym iz nikh blagam: realizatsiya polozhenii Konventsii o biologicheskom raznoobrazii // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii. 2013. № 4. S. 572-577. EDN: RTNKCX 8.

8. Burtseva E.I., Sleptsov A.N., Bysyina A.N. Promyshlennoe osvoenie territorii Arkticheskoi zony Yakutii i etnologicheskaya ekspertiza investitsionnykh proektov // Arktika i Sever. 2023. № 51. S. 52-72. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.52 EDN: ILGRZQ 9.
9. Bogdanov V.D., Golovatin M.G. Sibirskaya yazva na Yamale: ekologicheskii vzglyad na traditsionnoe olenevodstvo // Ekologiya. 2017. № 2. S. 77-82. DOI: 10.7868/S0367059717020056 EDN: YIVTGL 10.
10. Efimov I.P., Kalitin R.R. Sostoyanie i problemy razvitiya traditsionnogo khozyaistvovaniya Arktiki: severnoe olenevodstvo // Arktika 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya. 2021. № 1 (5). S. 44-47. DOI: 10.51823/74670_2021_1_44 EDN: EKKUWY 11.
11. Kryazhkov V.A. Olenevodstvo kak vid traditsionnoi khozyaistvennoi deyatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii: pravovoi aspekt // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2024. № 2 (57). S. 84-96. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/2/84-96 EDN: UGZFSW 12.
12. Zhozhikov A.V., Alekseeva E.K., Nikitina S.A., Egorova V.N. Vliyanie izmeneniya klimata na traditsionnye vidy prirodopol'zovaniya korennykh zhitelei Respubliki Sakha (Yakutiya) // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2023. № 12 (138). S. 1-12. 13.
13. Kryazhkov V.A. Traditsionnoe olenevodstvo v Rossii: pravovye problemy predstavleniya i ratsional'nogo ispol'zovaniya zemel' // BRICS Law Journal. 2025. T. 12. № 1. S. 161-183. DOI: 10.21684/2412-2343-2025-12-1-161-183 EDN: TRFEJY 14.
14. Kudel'kin N.S. Pravovoe regulirovanie olenevodstva // Sel'skoe khozyaistvo. 2022. № 1. S. 27-36. DOI: 10.7256/2453-8809.2022.1.38547 EDN: WNPWLP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38547
15. Ivanov R.V., Pak M.N. Strategiya razvitiya tabunnogo konevodstva Respubliki Sakha (Yakutiya) // Konevodstvo i konnyi sport. 2024. № 4. S. 20-21. DOI: 10.25727/HS.2024.4.60749 EDN: BYHALX

Transformation of the legal understanding of the tourist product: from unification to differentiated regulation

Sergienko Sergey Yurevich

Postgraduate student; Mbscow Financial and Industrial University 'Synergy'
Legal adviser; Geo LLC

150 Krasnoyarskiy Rabochy Ave., office 119, Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk, 660064, Russia

✉ 143417@mail.ru



Abstract. The aim of this study is a methodological analysis of the draft law that changes the concept of "tourist product." In accordance with the chosen goal, the following tasks have been set: to conduct a historical and legal analysis of the formation and development of the concept of "tourist product" and to investigate the content of the draft law aimed at differentiating the concept of "tourist product." The object of the study is the legal regulation of tourism activities in the Russian Federation, in particular – the regulatory framework defining the concept and content of the tourist product (including the Federal Law "On the Basics of Tourism Activities in the Russian Federation" from 1996), as well as draft law No. 918087. The subject of this article is the legal nature of the concept of "tourist product," its

evolution, problematic aspects of interpretation and application, as well as the proposed differentiation of the concept with respect to different types of tourism (outbound, domestic, inbound) in the context of current transformational processes in the industry. The methodological basis of the study is formed on the basis of general scientific and special methods of cognition, including historical-legal, systematic, formal-legal, comparative-legal, dialectical methods, as well as the method of legal modeling. The scientific novelty of the research is confirmed by a comprehensive analysis of the legal nature of the tourist product, the development of a methodology for assessing the effectiveness of the differentiation of legal regulation, the identification of potential risks when implementing changes, the formation of a model for improving legal regulation, and the development of practical recommendations for minimizing legal risks. The theoretical significance of the work lies in the development of new approaches to understanding the legal nature of the tourist product in the context of its differentiation. The practical significance of the research consists in determining directions for minimizing legal risks when implementing a differentiated approach and creating a methodological basis for further research on the problems of legal regulation in the tourism sector. The results of the study can be used in the development of new regulatory legal acts in the field of tourism, in the law enforcement practice of government authorities, and in scientific research activities.

Keywords: Tour Operator, Tourist, Legislative Innovations, Tourism Industry, Differentiated Regulation, Legal Regulation, Tourism Product, Tourism Activity, Travel Agent, Tourism

References (transliterated)

1. Alieva E. B., Nazarova K. F. Problemy primeneniya nalogovykh l'got v sfere turizma v RF // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 2(230). S. 88-91. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_2_88. EDN: MRCEEM.
2. Barabanova P. S. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie dogovornykh otnoshenii v sfere turizma v Rossii i Anglii: dis. k-ta yur. nauk. Moskva: FGAOU VO Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (universitet) MID RF, 2017. 210 s. EDN: PJXXDE.
3. Birzhakov M. B., Klimin A. N., Ozimina L. A. Kritika ponyatiya "turistskii produkt" // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2017. № 3. S. 30-33. EDN: XCJUJJ.
4. Blinova Yu. V. Turizm: ponyatiya i tseli po rossiiskomu zakonodatel'stvu // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 1 (95). S. 31-36. EDN: YINPZX.
5. Erantseva E. M. Differentsiatsiya turistskikh uslug kak uslovie ikh konkurentosposobnosti // Vestnik Rmat. 2014. № 2. S. 61-64. EDN: TPHTQN.
6. Kuzakhmetova S. E. K voprosu o legal'noi definitsii ponyatiya "turistskii produkt" // Aktual'nye problemy rossiiskogo zakonodatel'stva. Sbornik statei. 2014. № 8. S. 62-71. EDN: TJQKPP.
7. Mikhailenko Yu. A. Pravovoe regulirovanie turistskoi deyatel'nosti. [Elektronnyi resurs]. 2022. S. 97-100. EDN: NZFLXN.
8. Pisarevskii E. L., Bobkova A. G., Kudrevatykh S. A., Bavel'skii A. D. Pravovoe obespechenie turizma. Moskva: Federal'noe agentstvo po turizmu, 2014. 336 s.
9. Prokhorova O. V. Metodika nauchnykh issledovaniy v turizme // Problemy i perspektivy razvitiya turizma v Rossiiskoi Federatsii. 2023. S. 29-32. EDN: PCKRBC.
10. Radonova A. V. Tsivilisticheskaya priroda opredeleniya turistskoi uslugi v zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii // Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava.

2019. № 3. С. 47-50.

11. Sergienko S. Yu., Grib V. G. O nekotorykh problemnykh aspektakh v regulirovaniya grazhdansko-pravovykh otnoshenii na turisticheskoy rynke // Turizm: pravo i ekonomika. 2024. № 2 (89). С. 27-30. DOI: 10.18572/1813-1212-2024-2-27-30. EDN: CWWGRZ.
12. Sergienko S. Yu., Grib V. G. O turistskom produkte v kontekste sovremennogo turistskogo zakonodatel'stva // Turizm: pravo i ekonomika. 2025. № 2. С. 2-4. DOI: 10.18572/1813-1212-2025-2-2-4. EDN: ODUDMF.
13. Sergienko S. Yu. O nekotorykh aspektakh tsifrovizatsii grazhdansko-pravovykh otnoshenii uchastnikov turisticheskoy otrasli. [Elektronnyi resurs] // Sbornik statei Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Global'nye nauchnye tendentsii: integratsiya i innovatsii. Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo Tipografiya "Arial", 2025. С. 570-576. EDN: ZKAZKW.

The role of public procurement in financial law

Golomidov Yaroslav Vladimirovich 

Postgraduate student; Faculty of Law; Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education
'Financial University under the Government of the Russian Federation' (Financial University)

38 Shcherbakovskaya St., Moscow, 105187, Russia

✉ golomidow.slava@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the examination of the legal regulation of public procurement, namely state and municipal procurements, as well as procurements carried out by certain types of legal entities, and to the theoretical understanding of the place of public procurement in the science of financial law. The object of the research is the social relations that arise during the procurement procedures carried out by state and municipal bodies, organizations operating under public control, and other entities. The subject of the research is the provisions of regulatory legal acts that govern procurement activities. The article thoroughly discusses the categories of public interests and public finances, which served as criteria for defining the types of procurements that fall within the scope of financial law regulation. Special attention is given to the issue of the role of certain public procurements, specifically those carried out by entities with significant public authority participation in their charter capital, within the system of financial law. This research is based on a methodology that includes methods of analysis, synthesis, induction, deduction, as well as the formal-legal method. As a result of the research, the place of public procurements in the legal system and in the system of financial law was determined. The novelty of the research lies in the fact that based on the understanding of doctrinal positions regarding the subject of financial law and its expanded interpretation, as well as the analysis of norms governing the management of legal entities, the inclusion of procurement activities of organizations that operate under the control of public-law entities into the system of financial legal regulation was justified, which will subsequently allow the development of legal regulation of public procurements in this area to enhance the efficiency of public financial expenditures. Additionally, the circle of entities participating in relations arising from procurement procedures and simultaneously falling within the scope of financial law regulation was outlined.

Keywords: Public interest, Procurement by legal entities, Municipal procurement, State procurement, Public procurement, Public finances, Financial legal relations, Financial law, Social interest, Organizations with state participation

References (transliterated)

1. Kikavets V.V. Pravovoe regulirovanie finansovogo obespecheniya publichnykh zakupok v Rossii // *Finansovoe pravo*. 2021. № 4. S. 17-26. DOI: 10.18572/1813-1220-2021-4-17-26 EDN: DGIMVV.
2. *Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. N. I. Khimicheva, E. V. Pokachalova*. – 6-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2025. – S. 38. – Tekst: elektronnyi. – URL: <https://znanium.ru/read-id=462762&page=38>. – Rezhim dostupa: po podpiske.
3. Krokhina Yu.A. *Finansovoe pravo Rossii: uchebnik / Yu.A. Krokhina*. – 6-e izd., pererab. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2025. – S. 59. – Tekst: elektronnyi. – URL: <https://znanium.ru/read-id=449125&page=59>. – Rezhim dostupa: po podpiske.
4. *Finansovoe pravo: uchebnik dlya vuzov / pod red. G. F. Ruchkinoi*. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2025. – 334 s. – (Vysshee obrazovanie). – ISBN 978-5-534-20575-6. – Tekst: elektronnyi // *Obrazovatel'naya platforma Yurait [sait]*. s. 57 – URL: <https://urait.ru/bcode/566225/p.57>.
5. *Finansovoe pravo: uchebnik dlya vuzov / pod red. E. M. Ashmarinoi*. – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2025. – 372 s. – (Vysshee obrazovanie). – ISBN 978-5-534-18443-3. – Tekst: elektronnyi // *Obrazovatel'naya platforma Yurait [sait]*. s. 46 – URL: <https://urait.ru/bcode/560038/p.46>.
6. Tikhomirov Yu.A. *Publichnoe pravo: uchebnik dlya vuzov / Yu.A. Tikhomirov*. – Moskva: Bek, 1995. – 486 s.
7. Glazunova I.V., Maslov K.V. Publichnyi interes kak osnova obespecheniya finansovoi bezopasnosti // *Baikal Research Journal*. – 2024. – T. 15, № 3. – S. 867-879. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).867-879. – EDN AWJCPZ.
8. Finogentova O. E., Lomaev A. Yu. Kriterii razgranicheniya publichnogo i chastnogo interesov // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. – 2014. – № 2. – S. 17-24. – EDN SGYDHL.
9. Ergashev E. R., Pankova A. A. Problemy uchastiya prokurora v rassmotrenii del arbitrazhnymi sudami // *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu*. – 2020. – № 2. – S. 53-60. DOI: 10.34076/2219-6838-2020-2-53-60. – EDN WKAPVJ.
10. Malinova A.G. Publichnye interesy: istoriya, teoriya i argumenty protiv ispol'zovaniya etogo termina v rossiiskom zakonodatel'stve // *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2023. № 1. S. 65-84. DOI: 10.34076/20713797_2023_1_65. – EDN: XAVGNZ.
11. Karaseva M. V. O predmete finansovogo prava v sovremennykh usloviyakh // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. – 2019. – № 4(39). – S. 187-199. – EDN YVWVAK.
12. Sattarova N.A. Dezorganizatsiya publichnykh finansov kak ugroza finansovoi bezopasnosti // *Finansovoe pravo*. 2022. № 11. S. 7-10. DOI: 10.18572/1813-1220-2022-11-7-10. – EDN: VUNIBT.
13. Selyukov A. D. Struktura publichnykh finansov v kontekste obespecheniya publichnykh interesov (pravovye aspekty) // *Publichnye finansy v KhKhI veke: sbornik nauchnykh statei, Moskva, 18 dekabrya 2014 goda / pod red. A.D. Selyukova i V.A. Slepova*. – Moskva: Izdatel'stvo "Rusains", 2017. – S. 170-182. – EDN XAQRKD.
14. Markelov K.B. *Gosudarstvennye i munitsipal'nye zakupki kak institut byudzhethnogo prava: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.14*. – Moskva, 2012. – 18 s. [Mesto zashchity: Ros. akad. pravosudiya].

15. Yudin V.A. Byudzhethno-pravovaya priroda kontraktnoi sistemy v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.04. – Moskva, 2021. – 22 s. [Mesto zashchity: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii].

Legal expertise of regulatory acts in ensuring constitutional-legal communication

Bleshchik Aleksandr Vladimirovich 

PhD in Law

Associate Professor; Department of Constitutional Law; Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

620137, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21

✉ bleszczyk@yandex.ru

Abstract. The subject of this article is the relationships arising within the system of public authority in connection with the functioning of its individual institutions, also covered by the concept of "constitutional-legal communication." The author proposes to examine the issues of constitutional-legal dialogue within the system of public authority using the example of normative activity, more specifically legislation. Constitutional-legal communication in the system of public authority is carried out using a variety of legal and political instruments, among which legal expertise of regulatory legal acts occupies a special place, representing a stable established legal practice aimed at determining the quality of adopted legal acts. The aim of the research is to describe the parameters of this instrument, to show what functions public authorities can perform by applying legal expertise, and to answer the question of how legal expertise can influence the effectiveness of constitutional-legal communication between public authority institutions. The methodological approach chosen for studying the stated topic is the communicative concept of law, according to which legal reality can be interpreted communicatively. The proposed approach allows for the consideration of familiar legal instruments in a communicative context, revealing the functional characteristics of legal expertise as a tool that ensures constitutional-legal dialogue and communication among legal subjects within the system of public authority. The study of the role of legal expertise in ensuring constitutional-legal communication led to the conclusion that legal expertise serves as a means for public authorities to fulfill various functions, including, in particular, the control (supervisory) function; jurisdictional function; qualifying function; blocking function; and advisory function. Furthermore, it was demonstrated how the practice of legal expertise acts as a way to prevent and resolve disputes arising within the system of public authorities, manifesting itself in four main aspects. 1. By applying legal expertise, subjects of constitutional-legal relations can reasonably express their own legal positions on contentious issues. 2. The tools of legal expertise allow for formulating proposals to overcome constitutional conflicts. 3. The formulation of contradictions occurring during legal expertise is a means of conflict prevention. 4. Legal monitoring and analysis of expert practices enable public authorities to identify and signal potentially conflict-generating areas in advance.

Keywords: constitutional conflicts, unity of legal space, system of public authority, communicative constitutionalism, constitutional and legal dialogue, constitutional and legal communication, communicative concept of law, expertise of normative acts, law-making, legislative process

References (transliterated)

1. Polyakov A.V. Kommunikativnoe pravoponimanie: Izbrannye trudy. – SPb.: OOO Izdatel'skii dom "Alef-Press", 2014. EDN: UXPSFN.
2. Kravets I.A. Kommunikativnyi konstitutsionalizm, konstitutsionnoe vovlechenie i grazhdanstvo v publichno-pravovom prostranstve algoritmicheskogo i informatsionnogo obshchestva // Lex Russica. 2023. № 11 (204). S. 41-56. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056. EDN: ICWOCS.
3. Fomicheva O.A. O polnomochiyakh Prezidenta Rossii v zakonotvorcheskom protsesse // Konstitutsionalizm v sovremennom gosudarstve: itogi i perspektivy. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 30-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii, 30-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Blagoveshchensk, 2024. S. 264-273. EDN: VQDLBQ.
4. Evdokimov V.B. Uchastie organov prokuratury i konstitutsionnoi yustitsii v obespechenii edinstva pravovogo prostranstva // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2013. № 7. S. 10-13. EDN: PGSKRG.
5. Bartsits I.N. Pravovoe prostranstvo Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. 1999. № 3 (226). S. 54-67. EDN: TTGNMF.
6. Bleshchik A.V. Pravovaya ekspertiza munitsipal'nykh pravovykh aktov kak sredstvo realizatsii printsipa edinstva sistemy publichnoi vlasti (na primere Sverdlovskoi oblasti) // Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie. 2023. № 3 (44). S. 58-67. DOI: 10.22394/2304-3385-2023-3-58-67. EDN: VXBBQI.
7. Pravovaya ekspertiza v konstitutsionnom sudoproizvodstve [L. V. Gavrilova i dr.] / Irkutskii institut zakonodatel'stva i pravovoi informatsii im. M.M. Speranskogo. Irkutsk, 2014.
8. Bleshchik A.V. Konstitutsionno-pravovaya kommunikatsiya v sisteme publichnoi vlasti na primere zakonoproekta ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya // Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie. 2025. № 1 (50). S. 88-96. EDN: YESAQD.
9. Tret'yak I.A. Konstitutsionnaya konfliktologiya: monografiya. – M.: Prospekt, 2021. DOI: 10.31085/9785392333547-2021-208. EDN: IWVOMW.

The use of artificial intelligence systems in the criminal procedure activities of the prosecutor: advantages and disadvantages

Arzumanyan Aram Edvardovich 

PhD in Law

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy,
Head of the Criminal Judicial Department of the Prosecutor's Office of the Saratov Region

104 Chernyshevsky St., Saratov, 410056, Russia, Saratov region

✉ aearzumanyan@yandex.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the growing contradiction between the rapid introduction of artificial intelligence systems into prosecutorial criminal proceedings and the lack of a coherent theoretical and legal model regulating the use of such innovations. This imbalance creates significant risks in the implementation of such fundamental principles of criminal proceedings as legality, adversarial proceedings, and the right to defense. The

subject of this study is the complex social relations that develop as prosecutors use artificial intelligence systems in criminal proceedings, as well as the associated legal and organizational issues. The goal of this study is to conduct a comprehensive analysis of the advantages and disadvantages of prosecutors' use of artificial intelligence systems in criminal proceedings and, on this basis, to develop scientifically sound proposals for the formation of legal regulation that ensures a balance between technological efficiency and guarantees of individual rights. The author uses comparative legal analysis of international experience, an empirical analysis of the implementation of an AI assistant in the Saratov Region Prosecutor's Office, and a systems and predictive analysis of various aspects of prosecutors' use of artificial intelligence systems in criminal proceedings. The scientific novelty and practical significance of the study are determined by the nature of the conducted analysis of the advantages and disadvantages of using artificial intelligence systems in the prosecutor's work. The conclusions and proposals are based not only on theoretical research, but also on direct experience in using AI assistants in law enforcement practice. Based on the results of the study, proposals are presented for integrating into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the norms on the legal status of the results of the use of artificial intelligence, the procedure for recording and appealing them. The need to consolidate special requirements for the processing, storage, and transmission of data used for training and in the operation of artificial intelligence systems in criminal proceedings is noted. It is proposed to adopt a law on the use of AI by government agencies, which would establish requirements for the presence of a detailed logical report function in AI systems developed for criminal proceedings; on training government AI systems on verified and up-to-date national databases; on the implementation of mandatory state control.

Keywords: digital transformation, artificial intelligence bias, cybersecurity, risks and threats, international experience, public prosecution, prosecutor, criminal proceedings, artificial intelligence, automation

References (transliterated)

1. Afanas'ev A. Yu. Iskusstvennyi intellekt v ugolovnom protsesse // Yuridicheskaya tekhnika. 2021. № 15. S. 571-574. EDN: JVJPKG.
2. Lebedev Z. S. Nekotorye voprosy primeneniya iskusstvennogo intellekta v ugolovnom protsesse Rossii // Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava. 2021. № 4 (29). S. 45-48. DOI: 10.51608/23058641_2021_4_45 EDN: SKRSCT.
3. Verevoshnikov E. A. Perspektivy primeneniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v ugolovnom sudoproizvodstve // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2025. № 1 (71). S. 59-67. EDN: MOZPRA.
4. Churikova A. Yu. Primenenie iskusstvennogo intellekta i indikatorov riska dlya protivodeistviya kiberprestupnosti // Rossiiskii sledovatel'. 2024. № 5. S. 47-51. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-5-47-51. EDN: CTVJOV.
5. Spesivov N. V. Tsifrovizatsiya i transparentnost' kak osnovy modernizatsii ugolovnoprotsessual'noi deyatel'nosti prokurora // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 2023. № 4(96). S. 129-136. EDN: UGMRAX.
6. Kartashov I. I. Iskusstvennyi intellekt v ugolovnom sudoproizvodstve: potentsial i riski ispol'zovaniya // Pravo v epokhu iskusstvennogo intellekta: perspektivnye vyzovy i sovremennye zadachi: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma, Tyumen', 17-19 oktyabrya 2024 goda. Tyumen': TyumGU-Press, 2024. S. 358-361. EDN: HBCGJQ.

7. Churikova A. Yu. Iskusstvennyi intellekt v ugolovnom protsesse: vozmozhnosti i riski ispol'zovaniya // Informatsionnoe pravo. 2023. № 4(78). S. 22-25. DOI: 10.55291/1999-480X-2023-4-22-25. EDN: JOBZSW.
8. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta pri vyvavlenii, raskrytii, rassledovanii prestuplenii i rassmotrenii ugolovnykh del v sude / D. V. Bakhteev, E. A. Buglaeva, A. I. Zazulin [i dr.]. Moskva: Izdatel'stvo "Yurlitinform", 2022. 216 s. ISBN 978-5-4396-2315-0. EDN: HNCNFY.
9. Ryabtseva E. V. Problema ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v ugolovnom pravosudii // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. 2023. T. 17. № 1. S. 73-80. DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).73-80 EDN: GTQMIU.
10. Iliadis A., Acker A. The seer and the seen: Surveying Palantir's surveillance platform // The Information Society. 2022. Vol. 38. № 5. P. 334-363. DOI: 10.1080/01972243.2022.2100851 EDN: URAPKE.
11. Ulbricht L., Egbert S. In Palantir we trust? Regulation of data analysis platforms in public security // Big Data & Society. 2024. Vol. 11. № 3. DOI: 10.1177/20539517241255108 EDN: UCELEB.
12. Knight E., Gekker A. Mapping interfacial regimes of control: Palantir's ICM in America's post-9/11 security technology infrastructures // Surveillance & Society. 2020. Vol. 18. № 2. P. 231-243. DOI: 10.24908/ss.v18i2.13268 EDN: FKVMBE.
13. Banerjee R. Corporate Frauds: Now Bigger, Broader and Bolder. Penguin Random House India Private Limited, 2024.
14. Tulumello S., Iapaolo F. Policing the future, disrupting urban policy today. Predictive policing, smart city, and urban policy in Memphis (TN) // Urban Geography. 2022. Vol. 43. № 3. P. 448-469. DOI: 10.1080/02723638.2021.1887634 EDN: XQWOWK.
15. Duarte D. E. The making of crime predictions: Sociotechnical assemblages and the controversies of governing future crime // Surveillance & Society. 2021. Vol. 19. № 2. P. 199-215. DOI: 10.24908/ss.v19i2.14261 EDN: LNFIUO.
16. Ohyama T., Amemiya M. Applying crime prediction techniques to Japan: A comparison between risk terrain modeling and other methods // European Journal on Criminal Policy and Research. 2018. Vol. 24. № 4. P. 469-487. DOI: 10.1007/s10610-018-9378-1 EDN: TAQONK.
17. McElreath D. H., DioGuardi S., Doss D. A. Pre-Crime Prediction // International Journal of Service Science, Management, Engineering, and Technology. 2022. Vol. 13. № 1. DOI: 10.4018/IJSSMET.298672.
18. Vaccaro M. A. Algorithms in human decision-making: A case study with the COMPAS risk assessment software. 2019. URL: <https://dash.harvard.edu/entities/publication/09126374-044c-457b-9c75-0436c0a84ecf>.
19. McKay C. Predicting risk in criminal procedure: actuarial tools, algorithms, AI and judicial decision-making // Current Issues in Criminal Justice. 2020. Vol. 32. № 1. P. 22-39. DOI: 10.1080/10345329.2019.1658694.
20. Gravett W. Sentenced by an algorithm – Bias and lack of accuracy in risk-assessment software in the United States criminal justice system // Journal of Criminal Justice. 2021. Vol. 34. № 1. P. 31-54. DOI: 10.47348/SACJ/v34/i1a2 EDN: XEZLNV.
21. Wu W., Lin X. Access to technology, access to justice: China's artificial intelligence application in criminal proceedings // International Journal of Law, Crime and Justice. 2025. Vol. 81. P. 100741. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2025.100741 EDN: AJJZSJ.
22. Zhiyuan G., Jiajia Y. The Application of Artificial Intelligence in China's Criminal Justice System // Legal Issues in the digital Age. 2025. № 1. P. 83-104. DOI: 10.17323/2713-

2749.2025.1.83.104 EDN: OQTFGW.

23. Nazer L. H. et al. Bias in artificial intelligence algorithms and recommendations for mitigation // PLOS digital health. 2023. Vol. 2. № 6. P. e0000278. DOI: 10.1371/journal.pdig.0000278 EDN: NDEBSM.
24. Fazil A. W., Hakimi M., Shahidzay A. K. A comprehensive review of bias in AI algorithms // Nusantara Hasana Journal. 2023. Vol. 3. № 8. P. 1-11. DOI: 10.59003/nhj.v3i8.1052 EDN: ETVEWJ.
25. Bontempi G. Between accurate prediction and poor decision making: the AI/ML gap // International Conference on Machine Learning, Optimization, and Data Science. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 333-343. DOI: 10.1007/978-3-031-82481-4_23.
26. Anand A. S. et al. All AI Models are Wrong, but Some are Optimal // arXiv preprint arXiv:2501.06086. 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2501.06086.
27. Palmiotto F. The black box on trial: the impact of algorithmic opacity on fair trial rights in criminal proceedings // Algorithmic Governance and Governance of Algorithms: Legal and Ethical Challenges. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 49-70. DOI: 10.1007/978-3-030-50559-2_3.
28. Minh D. et al. Explainable artificial intelligence: a comprehensive review // Artificial Intelligence Review. 2022. Vol. 55. № 5. P. 3503-3568. DOI: 10.1007/s10462-021-10088-y EDN: NVPVSU.
29. Longo L. et al. Explainable artificial intelligence: Concepts, applications, research challenges and visions // International cross-domain conference for machine learning and knowledge extraction. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 1-16. DOI: 10.1007/978-3-030-57321-8_1.
30. Carrel A. Legal intelligence through artificial intelligence requires emotional intelligence: a new competency model for the 21st century legal professional // Ga. St. UL Rev. 2018. Vol. 35. P. 1153.
31. Kluttz D. N., Mulligan D. K. Automated decision support technologies and the legal profession // Berkeley technology law journal. 2019. Vol. 34. № 3. P. 853-890.

The transformation of the right to informational self-determination in the era of artificial intelligence and other digital technologies: challenges and prospects

Chereshneva Irina Anatol'evna 

PhD in Law

Researcher; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia

✉ iachereshneva@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to examine the transformation of the right to informational self-determination, first articulated in the practice of the Federal Constitutional Court of Germany, into the right to digital self-determination as one of the new generation digital human rights, the provision of which requires legal mechanisms in line with the spirit of the times, including institutional ones. In the context of the development of artificial intelligence and other digital technologies that are taking on the nature of de facto coercion (the concept of "code is law"), the issue of ensuring the right to digital self-determination becomes particularly relevant, as autonomy, freedom, and human dignity are "at stake." In this regard, the paper presents the main challenges faced in the implementation of the right

to digital self-determination and outlines potential ways to overcome them. The study employs the following methods of scientific cognition: analysis, synthesis, generalization, analogy, and others; and applies a systemic approach, as well as specialized legal and comparative legal methods. During the research, the author arrives at the following conclusions: 1) the right to informational self-determination, based on the idea of dignity and personal autonomy, undergoes a qualitative restructuring under the conditions of digitalization, transforming into the right to digital self-determination—a new generation digital human right; 2) the key challenges to the realization of the right to digital self-determination include information asymmetry, the limited informed consent of data subjects, the paradox of confidentiality, insufficient levels of digital literacy, and the increasing manipulative potential of algorithmic systems; 3) considering the data subject as the economically and technologically weaker party in information interactions with digital platforms requires the state to provide additional guarantees to protect the rights and legitimate interests of data subjects; 4) ensuring the right to digital self-determination implies the formation of a comprehensive system of legal mechanisms, including regulation of algorithmic systems based on principles of algorithmic transparency and accountability; restriction of manipulative technologies and surveillance; expansion and specification of the rights of data subjects, as well as the establishment of additional obligations for large digital platforms.

Keywords: digital human rights, personal autonomy, human rights, personal data, artificial intelligence, digital technologies, digital self-determination, information self-determination, discrimination, digital divide

References (transliterated)

1. Veliz C. Privacy is Power: Why and How You Should Take Back Control of Your Data. London: Penguin Random House; 2020. 320 p.
2. Reshenie Pervogo Senata Suda ot 15.12.1983. 1 BvR209/83, 1 BvR269/83, 1 BvR362/83, 1 BvR420/83, 1 BvR440/83, 1 BvR484/83 / Izbrannye resheniya Federal'nogo konstitutsionnogo suda Germanii. M.: 2018. S. 75-86.
3. Gabov A. V. Balans konstitutsionnykh printsipov svobody ekonomicheskoi deyatel'nosti i sotsial'nogo gosudarstva (na primere pravovykh pozitsii Konstitutsionnogo Suda) // Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom : Sbornik nauchnykh statei II-oi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 22 aprelya 2015 goda / Pod obshchei redaktsiei S. D. Mogilevskogo, M. A. Egorovoi. – Moskva: OOO "Yustitsinform"; 2015. – S. 109-127.
4. Talapina E. V. Pravo na informatsionnoe samoopredelenie: na grani publichnogo i chastnogo // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2022. T. 15. № 5. S. 24-43. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.24.43 EDN: JYVMRV.
5. Kant I. Sochineniya v shesti tomakh. M.: izd-vo "Mysl"; 1965. (Filosofskoe nasledie. Akad. nauk SSSR. In-t filosofii) T. 4. Ch. 2. 478 s.
6. Kant I. The metaphysics of morals. In: Gregor MJ, ed. Practical Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press; 1997. Available from: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813306>.
7. Verhulst S.G. Operationalizing digital selfdetermination // Data & Policy. 2023. P. 1-17.
8. Top-10 tsifrovyykh tekhnologii v Rossii i mire. Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy (ISIEZ) NIU VShE. – URL:

- <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1000590046.pdf> (data obrashcheniya: 20.11.2025).
9. Vaikhert G. Zashchita personal'nykh dannyykh v ramkakh serii diskussii. Nastoyashchee budushchego. – URL: <https://www.datenschutzzentrum.de/uploads/vortraege/20110224-weichert-datenschutz-moskau-ru.pdf> (data obrashcheniya: 20.11.2025).
 10. Talapina E. V., Cheresheva I. A. Pravovye problemy otvetstvennosti za gosudarstvennye upravlencheskie resheniya s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta // Informatsionnoe obshchestvo. 2024. № 6. S. 98-106. EDN: AASLOI.
 11. Kartashkin V.A. Pravo na tsifrovoe samoopredelenie: perspektivy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya // Sovremennoe pravo. 2024. № 9. S. 151-156. DOI: 10.25799/NI.2024.76.88.026 EDN: IJFSUL.
 12. Zhigareva Yu.S., Smirnova L.A. Konstitutsionnye prava cheloveka v tsifrovom izmerenii // Zakonnost' i pravoporyadok. 2022. № 2 (34). S. 63-67.
 13. Kartashkin V.A. Tsifrovye prava cheloveka: mezhdunarodno-pravovoe i sotsial'noe izmereniya // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2022. T. 22. № 4. S. 949-962. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-949-962 EDN: UKXTQM.
 14. Kostyuk N. N. K voprosu o prave fizicheskikh lits na tsifrovoe samoopredelenie // Aktual'nye problemy grazhdanskogo i predprinimatel'skogo prava : Sbornik nauchnykh statei k 50-letiyu kafedry predprinimatel'skogo prava Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta imeni V.F. Yakovleva. – Ekaterinburg : Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet im. V.F. Yakovleva; 2024. – S. 89-97. EDN: LTIAEA.
 15. Remolina N., Findlay M.J. The Paths to Digital Self-Determination-A Foundational Theoretical Framework. URL: <https://ssrn.com/abstract=3831726> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
 16. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. OUP Oxford; 2014. 248 p.
 17. Karpov S.A. Kontseptsiya informatsionnogo samoopredeleniya i vosstanovlenie balansa sil v sfere obrabotki personal'nykh dannyykh // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2024. T. 19. № 2. S. 113-141. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-2-karpov EDN: AHEUZL.
 18. Talapina E. V. Evolyutsiya prav cheloveka v tsifrovuyu epokhu // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk. 2019. T. 14, № 3. S. 122-146. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina EDN: DYOFJK.
 19. Cheresheva I. A. Iskusstvennyi intellekt v gosudarstvennom upravlenii i transparentnost': evropeiskii opyt // Gosudarstvennaya sluzhba. 2022. T. 24, № 2(136). S. 80-87. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-2-80-87 EDN: BYXQGB.
 20. Gabov A. V., Sayapin S.P. Platformennye otnosheniya kak predmet pravovogo regulirovaniya // Lex Russica (Russkii zakon). 2025. T. 78, № 11(228). S. 9-33. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.009-033 EDN: DGUVWW.
 21. Gabov A. V. Tsifrovaya platforma kak novoe pravovoe yavlenie // Permskii yuridicheskii al'manakh. 2021. № 4. S. 13-82. EDN: LWDBGO.
 22. Roughton L. Informational Self-Determination in Context: Privacy and Data Protection in the Age of Big Data and Surveillance Capitalism: MPhil thesis. Oxford: University of Oxford, School of Law; 2021.
 23. Kokolakis S. Privacy attitudes and privacy behaviour: A review of current research on the privacy paradox phenomenon // Computers & security. 2017. Vol. 64. P. 122-134.

24. Park Y.J. Digital Literacy and Privacy Behavior Online // Communication Research. 2013. № 40. P. 215-236.
25. Solovyanenko N. I. Problemy realizatsii i zashchity prav uchastnikov ekonomicheskikh otnoshenii v usloviyakh tsifrovogo neravenstva // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 2. S. 188-193. DOI: 10.31857/S102694520024344-9 EDN: YYIQMJ.
26. Cheresheva I. A. Tsifrovoye neravenstvo: vozmozhnye puti preodoleniya // Obrazovanie i pravo. 2022. № 9. S. 139-144. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-139-144 EDN: JNMSQY.
27. Thouvenin F. Informational Self-Determination: A Convincing Rationale for Data Protection Law? // Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law. 2021. Vol. 12. P. 246-256.
28. Tarasova A.E., Lysova Ya.V. Tsifrovye prava kak novoe pokolenie prav cheloveka v sisteme mezhdunarodnogo prava v sfere prav cheloveka // Vestnik Yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2023. T. 10. № 1. S. 87-95. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-1-10 EDN: GXRIWD.
29. Solovyanenko N. I. Realizatsiya i zashchita prav sub"ektiv ekonomicheskikh otnoshenii kak komponenty komfortnoi regul'yatornoi sredy tsifrovoy ekonomiki // Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki. 2023. T. 19. № 6. S. 112-117. DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-6-112-117 EDN: KTQURK.
30. Mizes L. fon. Chelovecheskaya deyatel'nost': Traktat po ekonomicheskoi teorii / Per. s 3-go ispr. angl. izd. A.V. Kuryaeva. M.: OAO "NPO "Ekonomika"; 2000. 878 s.
31. Lawrence Lessig. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books; 1999. 297 p.
32. Talapina E. V. Nablyudeniye (slezhka) i prava cheloveka: novye riski tsifrovoy epokhi // Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye. 2021. № 6(145). S. 123-136. DOI: 10.21128/1812-7126-2021-6-123-136 EDN: EHBBHL.

Scope of application as a criterion for classifying the principles of civil procedural law

Pleshanov Alexander Gennad'evich 

PhD in Law

Associate Professor; Department of Civil Procedure; Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

620137, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21, office 404

✉ algenp0911@gmail.com

Abstract. The subject of the research is one of the key problems in the theory of principles of civil procedural law – the problem of their classification. The novelty of the study lies in the fact that the classification of principles by scope of action is considered through the prism of justifying civil procedural law as an independent branch, which includes three sub-branches: civil procedural law, arbitration procedural law, and administrative procedural law. The research focuses on the works of scholars in the field of civil procedure dedicated to the theory of principles of civil procedural law, as well as the norms of procedural (civil, arbitration, and administrative) legislation, through which the principles of civil procedural law are directly and indirectly enshrined. Special attention is paid to analyzing the state of procedural doctrine regarding principles that express the legal uniqueness of the branch of civil procedural law, principles that determine the specifics of individual institutions of this branch, as well as the

correlation of these principles with each other. The methodological framework of the research consists of the following methods: analysis, synthesis, systemic-structural, formal-logical, theoretical-forecasting, comparative-legal, interpretation of legal norms. The main conclusions drawn from the research are as follows. The scope of action retains its significance as a central criterion for classifying principles, through which the principles expressing the specificity of the subject of regulation, such as civil procedure, are brought into a legally and logically coherent system. From the perspective of the identification function of principles, the scope of action, as a classification criterion, has three aspects (forms of expression): 1) procedural law as a collection of two fundamentally different in legal nature procedural branches (criminal procedural law and civil procedural law); 2) civil procedural law as a kind of mega-branch, the subject of regulation of which is the administration of justice in civil matters in the broadest sense (civil, administrative, and economic dispute cases), that is, civil procedure; 3) the institution of civil procedural law.

Keywords: principles of judicial reconciliation, institutional principles, system of principles, specific principles, general legal principles of law, classification of principles, principles of sectors of law, the law of civil procedure, principles of proving, principles of jurisdiction

References (transliterated)

1. Agalarova M. A. Spetsial'nye printsipy grazhdanskogo protsessual'nogo prava na otdel'nykh stadiyakh sudoproizvodstva // Aktual'nye voprosy prava v bankovskoi sfere : materialy Mezhdunar. bank. foruma, 24–25 sent. 2020 g. – Samara, 2020. – S. 19-24.
2. Vasil'kova S. V. Elektronnoe pravosudie v tsivilisticheskom protsesse. – Diss. ... kand. yurid. nauk. – SPb., 2018. – 251 s.
3. Velichko M. B. Otdel'nye osobennosti administrativnogo sudoproizvodstva po sravneniyu s grazhdanskim, kotorye podlezhat otrazheniyu v protsedure dokazyvaniya, primeneniya pravil o preyuditsial'nosti sudebnogo akta, obuslovlivaya ikh osobennosti // Vestnik grazhdanskogo protsessa. – 2019. – № 1. – S. 423-437.
4. Vikut M. A., Zaitsev I. M. Grazhdanskii protsess Rossii. – M., 1999. – 383 s.
5. Grazhdanskii protsess: uchebnik / Pod red. K. S. Yudel'sona. – M., 1972. – 439 s.
6. Grazhdanskii protsess / Pod red. V. A. Musina, N. A. Chechinoi, D. M. Chechota. – M., 1996. – 480 s.
7. Gromoshina N. A. O meste administrativnogo sudoproizvodstva v pravovoi sisteme // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. – 2016. – № 1. – S. 25-28.
8. Demichev A. A. Ob'edinenie Verkhovnogo Suda RF i Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF, razrabotka Kontseptsii edinogo Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa... Chto dal'she? // Vestnik grazhdanskogo protsessa. – 2015. – № 5. – S. 87-95.
9. Zelentsov A. B. Differentsiatsiya i unifikatsiya administrativnogo sudoproizvodstva: kontseptual'nye problemy // Administrativnoe pravo i protsess. – 2018. – № 3. – S. 23-35.
10. Isaenkova O. V. Printsipy grazhdanskogo protsessual'nogo prava: ponyatie, klassifikatsiya i tendentsii razvitiya // Yuridicheskii analiticheskii zhurnal. – 2022. – № 17(2). – S. 7-23.
11. Kartashov V. N. Printsipy prava: ponyatie, struktury, funktsii // Yuridicheskaya tekhnika. 2020. – № 14. – S. 158-166.
12. Kurochkin S. A. Realizatsiya tselei grazhdanskogo sudoproizvodstva v sudakh obshchei yurisdiktsii i arbitrazhnykh sudakh Rossiiskoi Federatsii // Gosudarstvo i pravo. – 2016. – № 8. – S. 88-91.

13. Lipatova T. B. Realizatsiya printsiptov grazhdanskogo protsessual'nogo prava pri proizvodstve v sude vtoroi instantsii. – Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Saratov, 2012. – 25 s.
14. Martynov A. V. Ponyatie i sushchnost' administrativnogo sudoproizvodstva v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2015. – № 5–6. – S. 273-281.
15. Ovsiichuk S. A. O meste i znachenii otraslevykh printsiptov grazhdanskogo protsessual'nogo prava // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2003. – № 20. – S. 32-37.
16. Osipov Yu. K. Printsipy protsessual'no-pravovogo instituta podvedomstvennosti yuridicheskikh del // Problemy primeneniya norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava. – Sverdlovsk, 1986. – С. 4-14.
17. Pankova O. V. Kriterii razgranicheniya administrativnykh i grazhdanskikh del, rassmatrivaemykh v sudakh obshchei yurisdiktsii // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. – 2017. – № 2. – S. 33-51.
18. Plotnikov D. A. Novye podkhody k osnovaniyam klassifikatsii printsiptov grazhdanskogo protsessual'nogo prava // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2011. – № 7. – S. 38-42.
19. Polyakov I. N. O tsivilisticheskom protsesse i reforme rossiiskoi sudebnoi sistemy (voprosy garmonizatsii) // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2014. – № 8. – S. 51-56.
20. Postovalova E. V. O sushchnosti tsivilisticheskogo protsessa v kontekste ego unifikatsii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 2. – S. 89-93.
21. Prihod'ko I. A., Bondarenko A. V., Stolyarenko V. M. Reformirovanie protsessual'nogo zakonodatel'stva: tseli, problemy, tendentsii. – M., 2018. – 624 s.
22. Puzikov R. V. Doktrinal'noe osmyslenie ponyatiya, mesta i roli printsiptov prava v sovremennoi pravovoi politike // Printsipy rossiiskogo prava: obshcheteoreticheskii i otraslevoi aspekty / Pod red N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. Saratov, 2010. – 704 s.
23. Reshetnikova I. V. Dokazatel'stvennoe pravo v rossiiskom grazhdanskom sudoproizvodstve. – Avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 1997. – 46 s.
24. Rozhkova M. A., Glazkova M. E., Savina M. A. Aktual'nye problemy unifikatsii grazhdanskogo protsessual'nogo i arbitrazhnogo protsessual'nogo zakonodatel'stva : monografiya / pod obshch. red. M. A. Rozhkovoi. – M. : IZiSP, INFRA-M, 2015. – 304 s.
25. Salmanidina A. S. Printsipy sudebnogo dokazyvaniya v grazhdanskom protsesse. – Diss. ... k.yu.n. – Saratov, 2022. – 257 s.
26. Samsonov N. V. Sistema istochnikov (form) grazhdanskogo protsessual'nogo prava Rossiiskoi Federatsii. – Diss. ... dokt. yurid. nauk. – M., 2021. – 622 s.
27. Sakhnova T. V. Kursgrazhdanskogoprotsessa:teoreticheskienachalaioosnovnye instituty. – M., 2008. – 696 s.
28. Cakhnova T. V. Dostizhimo li edinstvo tsivilisticheskogo protsessa? (V kontekste kontseptsii edinogo GPK RF i Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva) // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2015. – № 4. – S. 3–10.
29. Semenov V. M. Ponyatie i sistema printsiptov sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava // Sbornik uchenykh trudov Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta. – Sverdlovsk, 1964. – Vyp. 2. – S. 179-239.
30. Sovetskii grazhdanskii protsess: uchebnik / Pod red. M. A. Gurvicha. – M., 1975. – 399 s.

31. Solov'eva T. V. Modernizatsiya printsiptov grazhdanskogo sudoproizvodstva v svete reformy sudebnoi sistemy // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2019. – № 6. – S. 8-13.
32. Ctarirov Yu. N. Diskussiya ob administrativnom sudoproizvodstve i kodekse administrativnogo sudoproizvodstva rossiiskoi federatsii: god 2020-i // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. – 2020. – № 3. – S. 5-23.
33. Tabel'skii S. V. Administrativnoe sudoproizvodstvo v sisteme administrativno-protsessual'nykh pravootnoshenii // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. – 2022. – № 1. – S. 5-8.
34. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov / Pod red. V. K. Babaeva. – M.: Izdatel'stvo Yurait, 2019. – 582 s.
35. Fedorova A. P. Posledovatel'noe obzhalovanie sudebnykh postanovlenii kak printsip grazhdanskogo protsessual'nogo prava Rossii i usloviya ego realizatsii – Avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2025. – 33 s.
36. Ferens-Sorotskii A. A. Aksiomy i printsipy grazhdanskogo protsessual'nogo prava. – Avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk. – L., 1989. – 16 s.
37. Fokina M. A. Printsipy dokazyvaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve // Teoreticheskie i prikladnye problemy reformy grazhdanskoi yurisdiksii. – Ekaterinburg, 1998. – S. 114-129.
38. Fursov D. A. Sovremennoe ponimanie printsiptov grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa. – M., 2009. – 80 s.
39. Chechina N. A. Printsipy grazhdanskogo protsessual'nogo prava // Aktual'nyye problemy teorii i praktiki grazhdanskogo protsessa. – L., 1979. – S. 36-60.
40. Chudinovskikh K. A. Podvedomstvennost' v sisteme grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessual'nogo prava. – SPb., 2004. – 306 s.
41. Sherstyuk V. M. Mesto protsessual'nykh norm i institutov, reguliruyushchikh administrativnoe sudoproizvodstvo, v sisteme protsessual'nogo prava // Zakonodatel'stvo. – 2020. – № 1. – S. 62-68.
42. Shirokopoyas Yu. A., Tombulova E. G. Administrativnoe sudoproizvodstvo (obshchie polozheniya) : ucheb. posobie. – Krasnodar: KubGAU. – 2018. – 88 s.
43. Shcheglov V. N. Sovetskoe grazhdanskoe protsessual'noe pravo. Lektsii dlya studentov. – Tomsk, 1976. – 20 s.

The use of artificial intelligence in crime prevention through forensic means

Zhuzhlov Igor 

Postgraduate Student, Department of Criminal Law Disciplines, Russian Customs Academy

8 Rozhdestvenskaya str., 874 block, Lyubertsy, Moscow region, 140015, Russia

✉ zhuzh.igor@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the methods and techniques for applying artificial intelligence (AI) as a forensic tool in crime prevention. The object of the research is the activities of law enforcement agencies and departments aimed at preventing criminal activities. The objective of the article is to analyze the possibilities of applying AI as a forensic tool for crime prevention, as well as to develop recommendations for optimizing and integrating AI-based systems into Russian law enforcement practice. The article examines

various approaches to defining artificial intelligence, its key features, and characteristics. It analyzes the potential for implementing methods and techniques based on AI technologies for crime prevention. Special emphasis is placed on technologies such as predictive analytics, natural language processing, facial and image recognition systems, decision support systems, and digital evidence analysis. The research is accompanied by practical examples illustrating the capabilities of AI technologies in the process of crime prevention. The article considers both foreign and Russian experiences in using AI technologies for crime prevention. General scientific and specialized scientific methods of cognition were used in the research. The comparative law method was applied to study the experiences of foreign countries. The formal-legal method was utilized to examine the main approaches to defining the concept of AI and its characteristics. The method of state and legal modeling was used to mentally create models for the use of AI technologies. The relevance of the research is justified by the fact that modern AI technologies, including machine learning, big data analysis, natural language processing, and computer vision, provide new opportunities for analyzing criminal patterns, predicting potential threats, and improving the efficiency of law enforcement agencies. All these technologies are currently being actively implemented and have significant potential for enhancing the activities of law enforcement in crime prevention, as well as for the development of forensic science as a whole. As a result of the research, approaches to understanding AI were examined, the methods and key AI-based technologies used or potentially usable for crime prevention purposes were studied, and the ways of application and prospects of using AI-based technologies in the practical activities of law enforcement agencies were described.

Keywords: forensics, artificial intelligence, neural networks, natural language processing, crime prevention, criminal investigation, digital footprints, computer vision, machine learning, predictive analytics

References (transliterated)

1. Bakhteev D. V. *Iskusstvennyi intellekt: etiko-pravovye osnovy: monografiya*. M.: Prospekt, 2025. 176 s. EDN: GKWMZB.
2. Bychkov V. V. *Iskusstvennyi intellekt v sfere raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii ekstremistskoi napravlenosti, sovershennykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei // Rossiiskii sledovatel'*. 2022. № 1. S. 3-6. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-1-3-6. EDN: VHGGPK.
3. Belkin R. S. *Kurs kriminalistiki: Obshchaya teoriya kriminalistiki*. V 3-kh tomakh. T. 1. Moskva: Yurist", 1997. 408 s.
4. *Algoritmizatsiya sledstvennoi deyatel'nosti: monografiya* / E. P. Ishchenko, N. B. Vodyanova; pod red. E. P. Ishchenko. Moskva: Yurlitinform, 2010. 303 s. EDN: QRTFJX.
5. Bakhteev D. V. *Iskusstvennyi intellekt v kriminalistike: sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya // Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 2018. № 2 (104). S. 43-47. EDN: XSESHB.
6. Bratko A. G. *Iskusstvennyi razum, pravovaya sistema i funktsii gosudarstva: monografiya*. Moskva: INFRA-M, 2021. 280 s. DOI: 10.12737/1064996. EDN: TZZXBK.
7. Kostenko R. V., Il'yashenko A. N. *Budushchee ugolovnogo pravosudiya: rol' iskusstvennogo intellekta v prediktivnoi analitike // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2024. № 3 (103). S. 200-206. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-3-200-206. EDN: FAGBUC.
8. Fesik P. Yu. *Tekhnologiya ispol'zovaniya kriminalisticheskoi kharakteristiki v raskrytii*

- ubiistv: dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2011. 239 s. EDN: QFEGXZ.
9. Vaske E. V., Tolstolutsii V. Yu. Metodologicheskie osnovy kompleksnogo korrelyatsionno-smyslovogo podkhoda k sostavleniyu rozysknogo profilya neizvestnogo prestupnika // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2014. № 4. S. 166-171. EDN: TGKPHR.
 10. Kukharev G. A., Maulenov K. S., Shchegoleva N. L. Zashchita izobrazhenii lits ot raspoznavaniya v sotsial'nykh setyakh: sposoby resheniya i ikh perspektivy // Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki. 2021. T. 21, № 5. S. 755-766. DOI: 10.17586/2226-1494-2021-21-5-755-766. EDN: KTXDER.
 11. Gusenkova A. A. Primenenie sistem videonablyudeniya i avtomatizirovannykh sistem biometricheskoi identifikatsii cheloveka pri proizvodstve portretnykh ekspertiz i issledovaniy (na primere apparatno-programmnogo kompleksa "Bezopasnyi gorod") // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 6. S. 86-90. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-86-90. EDN: LGARSO.
 12. Tarasov A. V., Temzokov A. R. Kriminalisticheskie aspekty ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v raskrytii i rassledovanii prestuplenii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. № 10. S. 12-16. DOI: 10.24158/tipor.2023.10.33. EDN: AVYVYC.
 13. Teoriya informatsionno-komp'yuternogo obespecheniya kriminalisticheskoi deyatel'nosti: monografiya / pod red. E. R. Rossinskoi. M.: Prospekt, 2022. 256 s.
 14. Bespalova N. V., Korchagin S. A., Serdechnyi D. V., Seliverstov V. V. Analiz zarubezhnogo opyta primeneniya intellektual'nykh metodov v zadachakh zashchity ob"ektov kriticheskoi informatsionnoi infrastruktury finansovogo sektora // IVD. 2024. № 5 (113). S. 1-7.
 15. Dazmarova T. N. Iskusstvennyi intellekt v bankovskom sektore // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2024. № 4. S. 5-7. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-4-88-91. EDN: EPYWMO.
 16. Solov'ev V. S. Prestupnost' v sotsial'nykh setyakh Interneta (kriminologicheskoe issledovanie po materialam sudebnoi praktiki) // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. 2016. № 1. S. 60-71. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).60-72. EDN: VPBFZR.
 17. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta pri vyvavlenii, raskrytii, rassledovanii prestuplenii i rassmotrenii ugovornykh del v sude: monografiya / pod red. S. V. Zueva, D. V. Bakhteeva. M.: Yurilitinform, 2022. 216 s.

The historical rationale for the norm of justified risk in the criminal legislation of Russia

Alhaeva Tamila Havazheva 

Associate Professor; Department of Criminal Law; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

198206, Russia, St. Petersburg, Krasnoselsky district, Pilyutova Pilot str., 1

✉ alhaeva.tamila@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the genesis of justified risk in the legal system of Russia as a circumstance excluding the criminality of an act. The underutilization of the norm of justified risk in investigative and judicial practice throughout the entire period of its establishment in criminal law, the lack of statistical reporting, as well as the overview of the

Supreme Court of the Russian Federation on the application of the provisions of Article 41 of the Criminal Code of the Russian Federation, combined with the historical events of the early 1990s that had a direct impact on the legal system of Russia, underscores the relevance of this research. The goal of the study is to determine the justification for supplementing the criminal law with the norm of justified risk through studying and understanding its genesis in the criminal law legislation of Russia. The author examines the main stages in the formation of the risk institute in direct correlation with the historical events accompanying each particular stage. The methodological foundation is presented by universal dialectics, as well as a combination of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific methods (historical-legal, formal-legal, structural-functional). As a result of the conducted research, the author substantiates the following conclusion: the legislative recognition and establishment of justified risk in the list of circumstances excluding the criminality of an act is not the result of a fundamental revision of the legal system of Russia due to the change of government in the early 1990s; the genesis of justified risk was accompanied by a prolonged process of its emergence and development within social relations, investigative and judicial practice, and criminal law doctrine. The reason for the underutilization of this legal norm is not the absence of actions to which the provisions of Article 41 of the Criminal Code of the Russian Federation should apply, but rather the accumulation of a significant array of theoretical and practical problems that hinder the "free" reference to the provisions of the studied criminal legal norm in the process of law enforcement activities.

Keywords: investigative and judicial practice, law enforcement activities, criminal law doctrine, lawmaking, criminal law, legalization, justified risk, genesis, legal system, legal norm

References (transliterated)

1. Nol'ken" A.M. Zakony o voznagrazhdenii za uvech'e i smert' v promyshlennykh zavedeniyakh chastnykh, obshchestvennykh i kazennykh. – SPb: Yuridicheskii knizhnyi sklad "PRAVO", 1911. – 372 s.
2. Yuridicheskaya entsiklopediya / [Tikhomirova L. V., Tikhomirov M. Yu.]. – 5-e izd., pererab. i dop. – M.: Yurinformtsentr, 2001. – 971 s.
3. Sbornik postanovlenii Plenuma i opredelenii kollegii Verkhovnogo Suda Soyuza SSR, 1944. – M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Yustitsii SSSR, 1948. – 399 s.
4. Sbornik tsirkulyarov i raz'yasnenii NKYu RSFSR, deistvuyushchikh na 1 maya 1934 g. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Sovetskoe zakonodatel'stvo; Pod red. V.P. Uskova.
5. Sudebnaya praktika Verkhovnogo Suda SSSR ot 1949 g. pod red. T.I. Golyakova. – M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yustitsii SSSR, 1949. – 48 s.
6. Sudebnaya praktika Verkhovnogo Suda SSSR ot 1946 g. vypusk II/XXIV. pod red. T.I. Golyakova. – M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yustitsii SSSR, 1946.
7. Grinberg M.S. Problema proizvodstvennogo riska v ugovnom prave. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1963. – 132 s. EDN: UOFAFF
8. Omel'chenko A.A. Tvorcheskii risk, ego gosudarstvenno-pravovaya okhrana. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1955. – 52 s.
9. Slutskii I.I. Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie ugovnuyu otvetstvennost'. – Leningrad: Leningr. ordena Lenina gos. un-t im. A.A. Zhdanova, 1956. – 118 s.
10. Piontkovskii A.A. Ugolovnyi zakon v bor'be s otritsatel'nymi posledstviyami nauchno-tehnicheskogo progressa // Sov. gos-vo i pravo. – 1972. – № 4. – S. 30-39.

11. Shargorodskii M.D. Izbrannye raboty po ugovnomu pravu / sost. i predislovie Volzhenkin B.V. – SPb: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. – 434 s.
12. Samorokov V.I. Risk v ugovnom prave // Gos-vo i pravo. – 1993. – № 5. – S. 103-112.
13. Mel'nikova V.I. O professional'nom i khozyaistvennom riske // Sov. yustitsiya. – 1989. – № 10. – S. 22-23.
14. Ovchinnikova G.B. Vidy professional'no-khozyaistvennogo riska / G. B. Ovchinnikova // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. – 1990. – № 4. – S. 60-66. – EDN TTHUCR.
15. Sakharov A.B. Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie ugovnuyu otvetstvennost'. // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1987. – № 1. – S. 111-118.
16. Teoreticheskaya model' ugovnogo kodeksa (Obshchaya chast') / [Anashkin G.Z., Borodin S.V., Polubinskaya S.V. i dr.]. – M.: B. i., 1985. – 77 s.
17. Sovershenstvovanie i effektivnost' primeneniya respublikanskogo zakonodatel'stva v bor'be s prestupnost'yu: mezhvuz. ob. nauch. tr. – Omsk, 1991. – Ch. 2: Ugolovnyi kodeks RSFSR (proekt).
18. Baburin V.V. Ponyatie i vidy riska v ugovnom prave: uchebnoe posobie / V.V. Baburin. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2006. – 104 s. EDN: QXEEJX
19. Kozaev N.Sh. Obosnovannyi risk kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya. – Stavropol': Stavropol'servisskola, 2001. – 112 s. EDN: UCTHTR
20. Berestovoi A.N. Obosnovannyi risk kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya: Monografiya. – SPb: Asterion, 2020. – 148 s. EDN: HSPHUT

Jurilinguistic convergence in the analysis of manipulative speech strategies of pseudo-healers: suggestive potential and legal risks

Asadov Ramu Beyukhanovich 

Senior Lecturer; Law Institute; Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov Vladimir State University
Editor-in-Chief, Dialog (www.npzhdialog.ru)

87 Gorky Street, Vladimir, Vladimir Region, 600026, Russia

✉ asadov@npzhdialog.ru

Abstract. The subject of the research is manipulative speech strategies used by quacks during suggestive influence on citizens, as well as their legal consequences in the context of contemporary Russian practices against fraud. The analysis focuses on the mechanisms of suggestion that create a distorted picture of reality for the recipient and subordinate their behavior to models constructed by the performer. The study covers lexical, semantic, and pragmatic characteristics of the relevant texts that determine the structure of speech influence. Special attention is given to the legal assessment of such impacts, including the complexity of proving intent, establishing a causal link between verbal pressure and property damage, and identifying markers significant for qualifying actions under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. The subject of the research integrates linguistic, psychological, and normative aspects, allowing for a multidimensional understanding of the nature of quackery as a socially dangerous phenomenon. The methodology of the research relies on jurilinguistic analysis, which includes a cognitive-discursive approach, elements of psycholinguistics, comparative-legal method, and linguo-pragmatic description of suggestive strategies identified in judicial and communicative practices. The scientific novelty of the

research lies in justifying jurilinguistic convergence as an effective tool for analyzing the manipulative speech strategies of quacks, based on suggestive mechanisms that create a cognitively distorted perception of risk and opportunities for the recipient. The study proposes a comprehensive typology of linguistic and pragmatic markers relevant for qualifying actions under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation for the first time, as well as identifying criteria that allow for the distinction of suggestive impact from traditional forms of deception. It concludes that it is necessary to consider the dynamics of verbal pressure and emotional-psychological factors when assessing intent and the social danger of actions. The practical significance of developing jurilinguistic expertise and improving legal regulation aimed at identifying and suppressing pseudo-medical activities that use suggestion as a means of obtaining material benefits is emphasized.

Keywords: legal risks, manipulative speech strategies, law, fraud, false healing practices, suggestion, speech manipulation, jurilinguistics, jurilinguistic convergence, case law

References (transliterated)

1. Asadov R. B. Pravo i yazyk: aksiologicheskie i kognitivnye izmereniya yurislingvisticheskoi konvergentsii // Pravo i politika. 2025. № 8. S. 1-18.
2. Parasutskaya M. I. Problema yuridizatsii rechevoi manipulyatsii i suggestii // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2009. № 6. S. 69-70. EDN: KZZVTT.
3. Katermina V. V., Safronova T. S. Mekhanizmy suggestivnogo vozdeistviya v yuridicheskom diskurse // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2017. T. 16. № 3. S. 142-152. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.14. EDN: ZTSKJX.
4. Salaev Z. R. K voprosu o sposobe moshennichestva, svyazannogo s okazaniem okkul'tnykh i psikhologicheskikh uslug // Obrazovanie i pravo. 2019. № 5. S. 171-175. EDN: XBYPUJ.
5. Osipov B. I. Rechevoe moshennichestvo – vid ugolovnogo prestupleniya? // Yurislingvistika. 2000. № 2. S. 182-186. EDN: WDLKHB.
6. Osipov B. I. Rehevaya manipulyatsiya i rechevoe moshennichestvo: skhodstvo i razlichie // Yurislingvistika. 2007. № 8. S. 216-221. EDN: WKGXZD.
7. Mishlanov V. A. Yazykovye i rechevye priznaki manipulyativnykh tekstov // Yurislingvistika. 2007. № 8. S. 203-216. EDN: WKGXYT.
8. Safronova T. S. Osobennosti suggestivnogo vozdeistviya vo vstupitel'noi rechi prokurorov (na materiale angliiskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 6-1. S. 136-141. EDN: YNGOJX.
9. Khudyshkina E. A. Rechevoe vozdeistvie v kontekste religioznogo diskursa sotsial'noi seti // Tavricheskii nauchnyi obozrevatel'. 2015. № 5-2. S. 92-95. EDN: VKNNAR.
10. Kara-Murza E. S. Lingvosemioticheskie aspekty zakonodatel'noi i deontologicheskoi regulyatsii reklamy // Yurislingvistika. 2008. № 9. S. 163-175. EDN: WCMFIZ.
11. Erofeev K. B. "Magicheskie uslugi": pravovoi analiz // Evraziiskaya advokatura. 2013. № 3. S. 89-93. EDN: QBCAFZ.
12. Zhalinskii A. E., Kozlovskaya A. E. O vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po okazaniyu okkul'tnykh uslug // Zhurnal rossiiskogo prava. 2006. № 11. S. 60-64. EDN: OOUBOB.
13. Nagornaya I. I. Magiya, gadanie, tselitel'stvo: ugolovno-pravovaya okhrana prav grazhdan // Ekonomika, sotsiologiya, pravo: novye vyzovy i perspektivy razvitiya: sbornik trudov konferentsii. M.: RISI, 2011. S. 197-199.

14. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem: uchebnoe posobie. M.: Algoritm, 2004. 526 s. EDN: QOCQFV.
15. Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovanie: uchebnoe posobie. 2-e izd. M.: Flinta, Nauka, 2008. 169 s. EDN: TJMHGB.
16. Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya. M.: URSS, Librokom, 2009. 252 s.
17. Porchesku G. V., Babushkina L. E., Milkova A. N. Yazykovye sredstva suggestivnogo vozdeistviya v reklamnom tekste // Professional'naya kommunikatsiya v poliyazychnom prostranstve: mezhdistsiplinaryi podkhod. M.: RGAU – MSKhA imeni K. A. Timiryazeva, 2024. S. 166-212. EDN: AGUAXE.
18. Belyaeva I. V. Fenomen rechevoi manipulyatsii: lingvouridicheskie aspekty: dis. ... d-ra filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2009. 374 s.
19. Mesropyan L. M. Rechevoe agressivnoe manipulirovanie v yurisingvisticheskom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2014. 177 s. EDN: SVAXCF.
20. Lopashenko N. A. Posyagatel'stva na sobstvennost'. M.: Norma, 2012. 527 s. EDN: QSHAAD.
21. Asadov R.B. Manipulyativnye rechevye strategii liderov obshchestvennogo mneniya v strukture sostava verbal'nykh prestuplenii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2025. № 6. S. 1-18. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.6.76890 EDN: DQEFGE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76890
22. Nagornaya I. I. Delo G. P. Grabovogo: konstitutsionnaya legitimnost' prigovora // Pravovaya sistema kak element ustoichivogo razvitiya sub"ekta RF: sbornik trudov konferentsii. Syktyvkar: KRAGSiU, 2011. S. 257-261.

Legal regulation of restrictions on the amount of success fees as a method of determining the cost of legal services

Vyimow Ivan Vladislavovich

Postgraduate Student; Department of Business Law, Civil and Arbitration Process; Perm State National Research University

614068, Russia, Perm Krai, Perm, Dzerzhinsky district, Genkel St., 3

✉ ivan.vyimow0310@gmail.com



Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the issue of possible limitations on the amount of success fees as a way to determine the cost of legal services. It explores the genesis of legal regulation regarding quantitative limits on the cost of legal services and identifies two approaches of responsible judicial practice concerning the possibility of reducing the success fee stipulated in a legal services contract. From the perspective of the need to protect the interests of the weaker party, the question of the legal necessity to depart from the principle of freedom of contract regarding the introduction of any limitations on the amount of success fees is considered. In the context of foreign experience and doctrine, possible ways to address the problem of establishing and paying success fees that are clearly excessive are analyzed. The subject of the study is the methods of protecting the weaker party in the contract from paying success fees that are excessive and obviously unjustified. The aim of the research is to form a comprehensive scientific understanding of the legal regulation of quantitative limits on success fees. The research employs general scientific methods such as analysis, synthesis, induction, deduction, and systematization, as well as specific legal methods of cognition, including legal interpretation, comparative legal method,

and historical-legal method. The scientific novelty of the study is expressed in the systematic generalization of possible ways to solve the problem of payments of success fees in clearly unreasonable amounts. The effectiveness of potential consolidation of such methods has been analyzed. The necessity of introducing into Russian practice a method allowing courts, in exceptional cases, to reduce success fees is justified. A critical analysis is conducted on the possible borrowing of foreign experience regarding the establishment of specific quantitative limits on success fees, as well as merely stipulating the obligation of the performer not to accept fees in unreasonable amounts. The author proposes to directly enshrine in legislation the authority of courts to reduce the amount of success fees to realize the formulated approach. At the level of the position of the Supreme Court of the Russian Federation, it should be clarified how and in what cases the court can implement such a possibility. Thus, the court should have the right to reduce the success fee in cases where it is obvious that any reasonable participant in the transaction would not agree to the success fee established in the contract and only upon the request of the client.

Keywords: quantitative limits, restrictions on success fee, limits of success fee, success fee, payment models, performer's fee, amount of success fee, cost of legal services, legal services, freedom of contract

References (transliterated)

1. Vas'kovskii E. V. Organizatsiya advokatury. Chast' II. Issledovanie printsipov organizatsii advokatury. Sankt-Peterburg: tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1893. 213 s.
2. Skoptsova A. E. Voznagrazhdenie advokata v protsesse razvitiya advokatury v Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2009. 313 s. EDN: QEUXJR.
3. Tokmakov I. S. Soglasenie ob okazanii yuridicheskoi pomoshchi: teoriya i praktika advokatskoi deyatel'nosti: dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk. Moskva, 2013. 240 s. EDN: SUQZAZ.
4. Alekseeva Yu. S. Gonorar uspekha advokata: problemy pravoprimereniya // Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy. 2021. № 2. S. 44-49. DOI: 10.26163/GIEF.2021.95.50.006 EDN: GHMVXJ.
5. Vas'kovskii E. V. Organizatsiya advokatury. Chast' I. Ocherk vseobshchei istorii advokatury. Sankt-Peterburg: tipografiya P. P. Soikina, 1893. 396 s.
6. Arsen'ev K. K. Zametki o russkoi advokature: Obzor deyatel'nosti S.-Peterb. soveta prisyazhnykh poverennykh za 1866-74 g. Sankt-Peterburg: tip. V. Demakova, 1875. 294 s.
7. Skoptsova A. E. K voprosu ob istorii stanovleniya advokatskogo gonorara // Advokatskaya praktika. 2009. № 3. S. 42-46. EDN: KYGZEF.
8. Markov A. N. Pravila advokatskoi professii v Rossii: opyt sistematizatsii postanovlenii sovetov prisyazhnykh poverennykh po voprosam professional'noi etiki. Moskva: Tip. O. L. Somovoi, 1913. 429 s.
9. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateinyi kommentarii k stat'yam 1-16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Elektronnoe izdanie. Redaktsiya 1.0] / A. V. Asoskov, V. V. Baibak, R. S. Bevenko [i dr.]; otv. red. A. G. Karapetov. Moskva: M-Logos, 2020. 1469 s. EDN: EPDMKK.
10. Latypov D. N. Sistema sposobov zashchity grazhdanskikh prav v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... doktora yuridicheskikh nauk. Ul'yanovsk, 2022. 482 s. EDN: GFCYUI.
11. Knyazev D. V. Oplata yuridicheskikh uslug v grazhdanskom protsesse SShA: gonorar uspekha, amerikanskoe pravilo i ikh vliyanie na sudebnuyu nagruzku // Vestnik Sankt-

- Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2021. T. 12, № 3. S. 693–711. DOI: 10.21638/spbu14.2021.313 EDN: WDLGGL.
12. Zaitsev V. V. Gonorar uspekha: normativnoe regulirovanie, osobennosti оформleniya soglashenii, riski, sudebnaya praktika // Advokatskaya praktika. 2023. № 3. S. 35-39. DOI: 10.18572/1999-4826-2023-2-35-39 EDN: SIFAHN.
 13. Viflyantsev A. O. Gonorar uspekha kak sposob zashchity chastnykh i publichnykh interesov v delakh ob osparivanii normativnykh pravovykh aktov i aktov, soderzhashchikh raz"yasneniya zakonodatel'stva i obladayushchikh normativnymi svoystvami // Vestnik grazhdanskogo protsesssa. 2020. № 5. S. 212-230. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-5-212-230 EDN: GODGZF.
 14. Webb D. Killing Time: A Limited Defence of Time-Cost Billing // Legal Ethics. 2010. Vol. 13 (1). S. 39-64.
 15. Zamir E., Ritov I. Notions of Fairness and Contingent Fees // Law & Contemporary Problems. 2011. Vol. 74, № 1. P. 1-32.
 16. Schneyder T. Legal-Process Constraints on the Regulation of Lawyers Contingent Fee Contracts // DePaul Law Review. 1998. Vol. 47.
 17. Bogomolov M. V. O nekotorykh voprosakh realizatsii instituta uslovnogo voznagrazhdeniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse Rossiiskoi Federatsii // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. 2016. № 4. S. 22-27. EDN: VTQEZT.
 18. Wennihan A. Comment, Let's Put the Contingency Back in the Contingency Fee // SMU Law Review. 2006. Vol. 49. Issue 5. P. 1639–1675.
 19. Woodroffe G. Loser Pays and Conditional Fees: An English Solution? // Washburn Law Journal. 1998. Vol. 37 (2). P. 345-357.
 20. Berseneva T. Obeshchavshaya za \$750 000 uslovnyi srok advokat ne smogla dokazat', chto vypolnila poruchenie // Vestnik Federal'noi palaty advokatov RF. 2013. № 2. S. 180-183. EDN: QCOROL.
 21. Gulyaeva O. N. Slabaya storona chastnopravovykh otnoshenii: tsivilisticheskoe issledovanie: dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk. Ul'yanovsk, 2023. 207 s.
 22. Basedow J. et al. Mehr Wettbewerb auch im Dienstleistungssektor! // Hauptgutachten der Monopolkommission XVI 2004/2005. Nomos, 2006. 489 p.
 23. Brickman L. ABA Regulation of Contingency Fees: Money Talks, Ethics Walks // Fordham Law Review. 1996. Vol. 65. Issue 1. P. 247-335.
 24. Vasil'eva A. A. Gonorar uspekha v dogovore vozmездnogo okazaniya yuridicheskikh uslug // Vestnik arbitrazhnoi praktiki. 2020. № 3. S. 56-63.
 25. Shevtsova Yu. I. Publichno-pravovoe regulirovanie gonorara uspekha advokata v Rossii i SShA: dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk. Moskva, 2024. 280 s.
 26. Moorhead R. Improving Access to Justice contingency fees: a study of their operation in the United States // Available at SSRN 1302843. 2008.
 27. Richter L. Die Gestaltungsmöglichkeiten des anwaltlichen Erfolgshonorars: dissertation zur Erlangung der Doktorwürde durch den Promotionsausschuss doctor iuris der Universität Bremen. 2023. 233 p.
 28. Baetge D. Erfolgshonorare wirtschaftlich betrachtet: Eine ökonomische Analyse der Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts über die Zulässigkeit anwaltlicher Erfolgshonorare // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht / The Rabel Journal of Comparative and International Private Law. 2009. № H. 4. P. 669-682.
 29. Schepke J. Das Erfolgshonorar des Rechtsanwalts, 1998, zugl. Hamburg, Univ., Diss.

1997. 213 p.

30. Helland E., Klerman D., Dowling B., & Kappner A. Contingent Fee Litigation in New York City // Vand. L. Rev. 2017. T. 70.
31. Clermont K. M., Currivan J. D. Improving on the contingent fee // Cornell L. Rev. 1977. T. 63. P. 527-639.
32. Brickman L. Effective Hourly Rates of Contingency Fee Lawyers: Competing Data and Non Competitive Fees // Washington University Law Quarterly. 2003. Vol. 81. № 3. P. 654-736.
33. Shajnfeld A. A Critical Survey of the Law, Ethics, and Economics of Attorney Contingent Fee Arrangements // New York Law School Law Review. 2009–2010. Vol. 54. P. 773-809.
34. Kucherenko A. G. Nastol'naya kniga advokata. Rostov n/D: Feniks, 2007. 1004 s.
35. Calandrillo S. P., Deliganis C. V., Brocato N. Contingency Fee Conflicts: Attorneys Opt for Quick-Kill Settlements When Their Clients Would Be Better Off Going to Trial // NYUJ Legis. & Pub. Pol'y. 2023. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/faculty-articles/1109>.
36. Jackson R. M. Review of civil litigation costs // The Stationery Office, 2010. № 2.
37. Kritzer H. M. Fee regimes and the cost of civil justice // Civil Justice Quarterly. 2009. № 28. P. 9-25.
38. Lynk W. J. The Courts and the Plaintiffs' Bar: Awarding the Attorney's Fee in Class-Action Litigation // The Journal of Legal Studies. 1994. № 23. № 1. P. 185-209.

The history of risk development in the civil process (from ancient Rus to the Soviet period)

Suleimanov Amir Azatovich

Postgraduate student of the Department of Civil Law and Process at the Institute of Law of the Chelyabinsk State University; The leading legal adviser of the department of legal support of economic activity of the department of legal support of the office of management of the branch of PJSC ROSSETI Ural - Chelyabenergo

454091, Russia, Chelyabinsk region, Chelyabinsk, Sovetsky district, Revolution Square, 5

✉ amir.su1eymanov@mail.ru



Abstract. Currently, proceduralists are showing a growing interest in complex and multifaceted concepts, one of which is the category of "risk." However, the lack of due attention to its historical development prevents a full assessment of this category. This circumstance influences the choice of the subject and method of research. The subject of this article is to identify the essence of the category of "risk" in civil procedure, as well as to analyze its reflection and application in the history of Russian legislation with the principle of optionality. To reveal the subject of the study, the author refers to the opinions of ancient philosophers, according to which the approach to risk can be expressed both subjectively (awareness of future consequences and the ability to influence circumstances before they occur) and objectively (the occurrence of consequences regardless of the will of the person). The research method is a comprehensive historical and legal analysis, covering the period of legislative provisions from the Russian Pravda to the norms of Soviet codes, since the development of the doctrine of risk, in particular its historical aspect, forms the basis of this study. The value of this study lies in clarifying the relationship between the category under study and the principle of optionality. The importance of consolidating this conclusion is necessary to explain the reasons for the courts' application of this category when shifting risk to one of the parties in both adversarial and inquisitorial proceedings. Consequently, the

significance of confirming this conclusion is aimed at studying the emergence of risk factors and the expected negative consequences of this category in the history of legal proceedings. In the course of this study, the author concludes that the process of legislative improvement has contributed to a shift in the primary approach to risk from an objective to a subjective one. This is reflected in the fact that, during the period of Old Russian legislation, means of proof (trials by fire, water, and the "field" competition) influenced the occurrence of the corresponding result. However, subsequent legislative statutes partially or fully reflected the impact of the subjective approach on risk. The subjective approach is reflected in norms devoted to concluding a settlement agreement, bad faith behavior of a party when filing a claim or during court proceedings, judicial notice, and other matters over which a person could influence. By determining that subjective risk could exist in both investigative and adversarial proceedings, the author confirms the conclusion that the category of "risk" is associated with the principle of discretion, according to which a person could influence the occurrence of the desired result for him.

Keywords: principle of dispositiveness, risk enforcement, legislation of the Middle Ages, Charter of Civil Procedure, Soviet legislation, old Russian legislation, objective risk, subjective risk, history of risk, procedural risk

References (transliterated)

1. Zvyagina N.S. Protsessual'nyi risk v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve: dis. kand. yur. nauk: 5.1.3. – Voronezh, 2023. – 185 s.
2. Reshetnikova I.V. Razmyshlyaya o sudoproizvodstve: izbrannoe. – M.: Statut, 2019. – 510 s.
3. Yarkov V.V. Yuridicheskie fakty v mekhanizme realizatsii norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava: dis. ... d-r yurid. nauk: 12.00.03. – Ekaterinburg, 1992. – 523 s.
4. Suleimanov A.A. Sootnoshenie kategorii riska i printsipov dispozitivnosti ili sostyazatel'nosti // Rossiiskii sud'ya. – № 7. – 2025. – S. 8-12. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-7-8-12.
5. Suleimanov A.A. Vozniknovenie protsessual'nogo riska i ego sootnoshenie s tsivilisticheskimi protsessual'nymi pravootnosheniyami // Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. – № 2 (26). – 2025. S. 233-249. DOI: <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2025.26.20>.
6. Chanyshhev A.N. Aristotel'. – M.: Mysl', 1987. – 220 s.
7. Diogen Laertskii. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov / per. M.L. Gasparova, pod red. A.F. Loseva. – M.: Mysl', 1986. – 570 s.
8. Eticheskaya mysl': nauch.-publitsist., chteniya / otv. red. A.A. Guseinov. – M.: Politizdat, 1988. – 215 s.
9. Grineva A.V. Pravovye riski i ikh minimizatsiya: teoreticheskii analiz // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. – 2018. – T. 8, № 3 (28). – S. 24-32.
10. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva rossiiskogo. T. 1. – SPb.: tipografiya N. Grecha, 1818. – S. 276.
11. Zagidullin M.R. Yuridicheskaya otvetstvennost' v rossiiskom tsivilisticheskom protsesse: istoriko-pravovoe issledovanie. – M.: Statut, 2019. – 143 s.
12. Pakhman S.V. O sudebnykh dokazatel'stvakh po drevnerusskomu pravu, preimushchestvenno grazhdanskomu, v istoricheskom razvitii. – M.: Universitetskaya

- tipografiya, 1851. – 212 s.
13. Vladimirkii-Budanov M.F. Russkaya pravda // Khrestomatiya po istorii russkogo prava. – Kiev: tipografiya Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1876. – 265 s.
 14. Vladimirkii-Budanov M.F. Dogovor Smolenskogo knyazya Mstislava Davidovicha s Rigoi, Gotlandom i nemetskimi gorodami 1229 g. // Khrestomatiya po istorii russkogo prava. – Kiev: tipografiya Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1876. – 699 s.
 15. Staroverova E.V. O pole (sudebnom poedinke) v russkom prave XV – nachala XVII v. // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2024. – № 2. – Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus". DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.104-115.
 16. Kuznetsov E.N. Pravo na ispolnenie sudebnykh aktov v Rossiiskoi Federatsii. – Monografiya. – M.: Statut, 2022. – Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus".
 17. Medvedev V.G., Lipinskii D.A. K voprosu o stanovlenii i razvitii grazhdanskogo protsessa v russkom prave IX–XV vv. // Vestnik grazhdanskogo protsessa. – 2022. – № 1. – Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus". DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-1-158-188.
 18. Belyaev I.D. Lektsii po istorii russkogo zakonodatel'stva. – M.: Tipo-Lit. S.A. Petrovskogo i N.P. Panina, na uglu Sadovoi i Tsvetnogo bul'v., d. Toropova, 1879. – 728 s.
 19. Yushkov S.F. Sudebnik 1497 goda: (K vneshnei istorii pamyatnika). – Saratov: Pravl. Saratovsk. gos. un-ta, 1926. – 46 s.
 20. Vishnyakov Ya.D., Radaev N.N. Obshchaya teoriya riskov. – M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2008. – 368 s.
 21. Zolotova O.I. Model' i tip grazhdanskogo sudoproizvodstva v Rossii po ustavu grazhdanskogo sudoproizvodstva 1864 goda – Tekst: elektronnyi // Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs: [sait]. – URL: <https://ipp.kursksu.ru/magazine/archive/number/118> (data obrashcheniya: 27.02.2025).
 22. Malinin M.I. Trudy po grazhdanskomu protsessu. – M.: Statut, 2014. – 640 s.
 23. Vyshinskii A.Ya. Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave. – M.: Gorodets, 2022. – 352 s.
 24. Treushnikov M.K. Tvorcheskije poiski v nauke grazhdanskogo protsessual'nogo prava. – M.: Gorodets, 2020. – 320 s.
 25. Goikhbarg A.G. Kurs grazhdanskogo protsessa. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. – 320 s.
 26. Bonner A.T. Izbrannye trudy: v 7 t. T. IV. Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom protsesse. – M.: Prospekt, 2022. – 656 s.
 27. Bonner A.T. Izbrannye trudy: v 7 t. T. I. Istoriya grazhdanskogo protsessual'nogo prava. Spetsifika grazhdanskikh protsessual'nykh pravootnoshenii. – M.: Prospekt, 2022. – 336 s.
 28. Yudel'son K.S. Izbrannye trudy 40-kh godov XX veka. – M.: Statut, 2024. – 376 s.
 29. Abramov S.I. Iskovaya davnost'. – M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yustitsii SSSR, 1946. – 24 s.